

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО

Ежевичная зима

р о м а н

Этот роман перевернет вашу душу.

Publisher's Weekly

Annotation

Сиэтл, 1933. Мать-одиночка Вера Рэй целует своего маленького сына перед сном и уходит на ночную работу в местную гостиницу. Утром она обнаруживает, что город утопает в снегу, а ее сын исчез. Недалеко от дома, в сугробе, Вера находит любимого плюшевого медвежонка Дэниела, но больше никаких следов на заледеневшей дороге нет. Однако Вера не привыкла сдаваться, она сделает все, чтобы найти пропавшего ребенка! Сиэтл, 2010. Репортер Клэр Олдридж пишет очерк о парализовавшем город первомайском снежном буране. Оказывается, похожее ненастье уже было почти восемьдесят лет назад, и во время снегопада пропал мальчик. Клэр без энтузиазма берется за это дело, но вскоре обнаруживает, что история Веры Рэй переплетена с ее собственной судьбой самым неожиданным образом...

- [Сара Джо](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)

- [Слова благодарности](#)
  - [От автора](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-

Сара Джо

Ежевичная зима

Посвящается моим сыновьям, Карсону, Расселу и Колби, и их мягким игрушкам – потрепанному мишке, трем порванным жирафам и маленькому полосатому тигру. Я ваша мать, и это самая большая радость в моей жизни.

Посвящается также всем матерям, особенно тем, кому пришлось навсегда расстаться со своим ребенком.

Сара Джо

Sarah Jio

Blackberry Winter

Copyright © Sarah Jio, 2012

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Вера Рэй

Сиэтл, 1 мая 1933 года

Сквозь щели дощатого пола повеяло холодом, я задрожала и плотнее закуталась в серый шерстяной жакет. На нем осталась всего одна пуговица. Они стоили по пять центов за штуку, и мне казалось глупостью думать о том, чтобы пришить новые. Да и весна уже пришла. Или нет? Я выглянула в окно третьего этажа и прислушалась к тому, как свистит и сердито завывает ветер. Ветви старой вишни с такой силой ударили в стену дома, в котором я снимала крохотную квартирку, что я подскочила, испугавшись, как бы новый удар не разбил стекло. В этом месяце мне бы ни за что не удалось заплатить за то, чтобы вставили новое. И в эту секунду неожиданное зрелище на мгновение заставило меня забыть о моих тревогах. В воздухе закружились легкие розовые лепестки. Я вздохнула и улыбнулась. Совсем как снег.

– Мама! – пискнул из-под старого стеганого голубого одеяла Дэниел. Я отбросила одеяльце в сторону и увидела его милое круглое личико и мягкие белокурые волосы, которые все еще завивались на концах. Его младенческие волосики. В свои три года, с пухлыми розовыми щеками и большими глазами такого пронзительно-голубого цвета, что от взгляда на них замирало сердце, он был уже не младенцем, но еще и не мальчуганом. Во сне Дэниел выглядел точно так, как в тот день, когда родился. Иногда ранним утром я на цыпочках прокрадывалась в его комнату и смотрела, как он спит в обнимку со своим маленьким плюшевым мишкой с оторванным ухом и потрепанным голубым бархатным бантом.

– Что случилось, милый? – спросила я, опускаясь на колени рядом с маленькой сосновой кроваткой, не забыв бросить опасливый взгляд на окно, за которым бушевал ветер. Ну что я за мать, если собираюсь оставить его здесь одного этой ночью? Я вздохнула. Но разве у меня есть выбор? Кэролайн работала в ночную смену. И я не могла снова взять сына с собой в гостиницу, особенно после того, что случилось в прошлые выходные, когда Эстелла нашла его спящим в апартаментах в пентхаусе на девятом этаже. Она прогнала его из-под теплого пухового одеяла, словно он был мышью, застигнутой на кухне в банке с мукой. Малыша это страшно

напугало, а я едва не лишилась работы. Нет, здесь, в своей кроватке, моему дорогому мальчику будет хорошо, он будет в тепле и в безопасности. Я запру дверь. Стены дома были действительно тонкими, а вот дверь была крепкой, внушительная дверь из красного дерева с отличным медным замком.

Мы оба вздрогнули, когда в квартиру постучали, требовательно, громко, настойчиво. Дэниел сморщился.

– Это снова он, мама? – спросил сын громко, а потом понизил голос до шепота: – Тот плохой дядя?

– Не волнуйся, дорогой, – сказала я и встала. – Скорее всего, это просто тетя Кэролайн. Ты оставайся здесь, а я пойду и посмотрю.

Я спустилась вниз и на мгновение остановилась в гостиной, буквально застыла, пытаясь сообразить, что делать. Стук в дверь не прекращался. Барабанили уже изо всех сил. Я знала, кто это, и знала, что ему нужно. Я бросила взгляд на сумочку: в ней не больше доллара, может быть, наберется два. Арендную плату следовало внести еще три недели назад, и я оправдывалась перед мистером Гаррисоном, находя различные предлоги, но что мне делать теперь? Последний чек я потратила на продукты и новую пару обуви для Дэниела, моего бедного мальчика. Не мог же он и дальше втискивать ножки в старые ботиночки, которые ему немилосердно жали?

Тук. Тук. Тук.

Стук в дверь, словно эхо, повторял биение моего сердца. Я была напугана, чувствовала себя как в ловушке. Квартира вдруг стала похожей на клетку. Стены как будто опутывали меня колючей проволокой. Что же мне делать? Я по привычке посмотрела на запястье. С тех пор, как отец Дэниела подарил мне самое изысканное украшение, которое я только могла себе представить, я очень дорожила золотой цепочкой с тремя изящными сапфирами. В ту ночь в отеле «Олимпик» я была гостьей, а не горничной в черном форменном платье и белом переднике. Когда я открыла узкую синюю коробочку, а он надел браслет мне на руку, я впервые почувствовала себя женщиной, рожденной для того, чтобы носить такие украшения. Тогда мне даже в голову не приходило, что я могла бы... Я крепко зажмурилась, а стук в дверь всё продолжался. Я начала расстегивать браслет, потом покачала головой. Нет, это я ему не отдам. Так легко я не сдамся. И я подняла браслет повыше, чтобы он плотнее облегал руку, и спрятала его под рукавом. Придется найти другой способ.

Сделав глубокий вдох, я медленно подошла к двери и неохотно отодвинула задвижку. Петли скрипнули, и передо мной предстал мистер Гаррисон, стоявший в коридоре. Он был крупным мужчиной, высоким и

плотным. Легко было понять, почему Дэниел так его боялся. Суровое лицо хозяина дома покрывала серая неухоженная борода. Видны были только кирпично-красные щеки со следами оспы и темные злобные глаза. От него пахло джином, сосной и кислятиной, и было понятно, что он только что вышел из салуна на первом этаже. Строгие правила сухого закона еще не были окончательно отменены, но в этой части города полиция обычно смотрела на нарушения сквозь пальцы.

– Добрый вечер, мистер Гаррисон, – поздоровалась я как можно ласковее.

Он сделал шаг вперед и поставил тяжелый сапог со стальным носком на порог.

– Обойдемся без формальностей! – рявкнул он. – Где мои деньги?

– Прошу вас... Я хотела бы извиниться, сэр, – начала я дрожащим голосом. – Я знаю, что задержала арендную плату. Для нас месяц был очень тяжелым, и я...

– Я слышал от тебя эту историю на прошлой неделе. – Голос мистера Гаррисона звучал ровно, но не менее угрожающе. Он протиснулся мимо меня и прошел в кухню, где отрезал ломтик хлеба от буханки, которую я только что вытащила из духовки. *Мой ужин*. Он открыл дверцу морозилки и нахмурился, не найдя там масла. – Я спрашиваю тебя еще раз, – продолжал мистер Гаррисон, и его лицо напряглось. Глаза превратились в щелочки. – Где мои деньги?

Я вцепилась в браслет, а мой взгляд устремился мимо него на стену с облезшими шкафчиками и облупившейся краской. Что же мне ему сказать? Что же делать?

Мужчина хохотнул.

– Так я и думал, – сказал он, – бесчестная лгунья.

– Мистер Гаррисон, я...

Его глаза по-хозяйски оглядели меня. Он подошел ближе, еще ближе, пока я не ощутила его зловонное дыхание и не почувствовала колючую бороду. Гаррисон крепко схватил меня за запястье, почти как браслет, который обнимал мою руку под рукавом платья, скрытый от его глаз.

– Я так и думал, что может дойти до этого, – пробормотал он, а его жирная грубая рука распахивала мой жакет и хваталась за лиф платья. Указательный палец домовладельца ухватился за пуговицу. – Тебе повезло, я щедрый человек, и я разрешаю тебе расплатиться со мной *по-другому*.

Я сделала шаг назад и сразу же услышала шаги на лестнице.

– Мама?

– Дэниел, возвращайся в кроватку, милый. – Я постаралась, чтобы мой

голос звучал как можно спокойнее. – Я сейчас поднимусь к тебе.

– Мама! – снова позвал Дэниел и заплакал.

– Лапочка ты моя. – Я молилась про себя, чтобы голос не выдал охватившего меня ужаса. – Все в полном порядке. Честное слово. *Пожалуйста*, возвращайся в постель.

Я не могла позволить, чтобы мой сын увидел происходящее или чтобы мистер Гаррисон сделал ему больно.

– Мама, мне страшно! – Голос Дэниела звучал глухо, потому что он прикрывал рот своим плюшевым мишкой.

Мистер Гаррисон откашлялся и одернул свой плащ.

– Что ж, раз ты не можешь его заткнуть, – прорычал он, глядя на мальчика со зловещей улыбкой, – тогда мне придется вернуться. И не надейся, что я передумаю. Я *обязательно* вернусь.

Мне не понравилось то, как Гаррисон посмотрел на Дэниела, словно тот был домашним животным, досадной помехой. Потом его взгляд вернулся ко мне, и он уставился на меня так, будто перед ним был отличный стейк, скворчащий на сковороде.

– И ты мне заплатишь.

Я едва кивнула, пока он направлялся к двери.

– Да, мистер Гаррисон...

Я возилась с задвижкой, а его шаги гулко отдавались в коридоре. Прежде чем повернуться к Дэниелу, я глубоко вдохнула и смахнула со щеки слезу.

– О, Дэниел. – Я взбежала по лестнице и крепко обняла сынишку. – Ты испугался, мой дорогой? Не бойся. Мама здесь. Не о чем волноваться.

– Но этот дядя, – всхлипнул малыш, – он плохой. Он сделал тебе больно?

– Нет, милый, – ответила я. – Мама никогда бы ему этого не позволила.

Я расстегнула браслет и положила его на ладонь. Тут он был в безопасности.

Дэниел посмотрел на меня, ничего не понимая. А я смотрела в его большие невинные глаза и надеялась, что все сложится иначе, для него, для меня, для нас обоих.

– Мама любит свой браслет, милый. Я просто хочу, чтобы он находился в надежном месте.

Мальчик задумался.

– Чтобы ты его не потеряла?

– Именно так. – Я выпрямилась и взяла его за руку. – Ты поможешь маме спрятать его в *тайное место*?

Дэниел кивнул, и мы подошли к крошечному потайному шкафчику под лестницей. Это он нашел тайник однажды утром во время игры. Ниша в стене была не больше шляпной коробки, и мы решили, что это будет наш с ним тайник, о котором больше никто не узнает. Дэниел хранил в нем свои сокровища: голубое перо, которое он нашел на улице; банку из-под сардин, куда он сложил гладкие камешки, и разные другие мелочи. Закладка для книг. Сверкающая монета. Сверкающая раковина моллюска, выбеленная солнцем. Я положила в шкафчик его свидетельство о рождении и другие документы, которые следовало сохранить. А теперь я спрятала в наш тайник и свой браслет.

– Вот так, – сказала я, закрывая дверцу и восхищаясь тем, что она мгновенно слилась с деревянной обшивкой стены. Интересно, как все-таки Дэниел обнаружил тайник?

Малыш прижался головой к моей груди.

– Ты споешь мне песенку?

Я кивнула, убрала белокурые волосы с его лба, в очередной раз удивляясь, как он похож на своего отца. Если бы только Чарльз был здесь. Я быстро прогнала эту мысль, эту фантазию, и запела.

– Ты не плачь, усни, мой мальчик, баюшки-баю. Утром встанешь и поскачешь на своей лошадке...

Слова слетали с моих губ, успокаивая нас обоих.

Я спела четыре куплета. Этого хватило, чтобы веки Дэниела отяжелели. Я отнесла его в постель и снова укрыла стеганым одеялом.

Его глаза затуманились, когда он рассматривал мое черное платье и белый передник.

– Мама, не уходи!

Я коснулась его подбородка.

– Я ненадолго, мой дорогой. – Я поцеловала сына в обе щеки, мягкие и прохладные.

Дэниел уткнулся лицом в мишку, потерся носом о его нос-пуговку – он так делал с младенчества.

– Я не хочу.

Он помолчал, его разум отчаянно пытался подобрать нужные слова.

– Мне страшно, когда тебя нет.

– Я знаю, любовь моя. – Я пыталась сдержать слезы. – Но я должна идти. Потому что я люблю тебя. Когда-нибудь ты это поймешь.

– Мама, – продолжал Дэниел, глядя в окно, за которым завывал ветер. – Ева говорит, что по ночам появляются привидения.

Мои глаза расширились. Воображению дочки Кэролайн можно

позавидовать! А ведь ей только три с половиной года!

– И что же рассказывала тебе Ева?

Дэниел помолчал, будто обдумывая ответ.

– Ну, – осторожно начал он, – когда мы играем, на нас иногда смотрят люди. Они привидения?

– Кто на вас смотрит, милый?

– Та леди.

Я опустилась на колени, чтобы наши глаза были на одном уровне.

– Какая леди, Дэниел?

Он сморщил нос.

– В парке. Мне не нравится ее шляпа, мама. На ней перья. Она что, убила птичку? Я люблю птичек.

– Нет, дорогой, – успокоила его я, поклявшись про себя поговорить с Кэролайн о тех историях, которые рассказывает Ева. Я подозревала, что именно они стали причиной ночных кошмаров, которые мучили сына в последнее время.

– Дэниел, что мама говорила тебе о разговорах с незнакомыми людьми?

– Но я не разговаривал с ней, – ответил он, широко открыв глаза.

Я пригладила его волосы.

– Вот и хорошо.

Он кивнул и, вздохнув, поудобнее устроился на подушке. Я положила медведя ему под руку.

– Видишь, ты не один, – прошептала я, но мой голос предательски дрогнул. Я понадеялась, что сын этого не заметил. – С тобой Макс.

Дэниел снова прижал мишку к лицу.

– Макс, – повторил он и улыбнулся.

– Спокойной ночи, мой любимый. – Я направилась к двери.

– Спокойной ночи, мама.

Я тихонько закрыла дверь и тут услышала приглушенное:

– Подожди!

– Что, милый? – Я просунула голову в комнату.

– Поцелуешь Макса? – спросил он.

Я вернулась к его кровати, опустилась на колени, а Дэниел прижал мишку к своим губам.

– Я люблю тебя, Макс, – прошептала я, снова направляясь к двери. – И я люблю тебя, Дэниел. Ты даже не представляешь, как сильно.

Я на цыпочках спустилась вниз, положила еще одно полено в камин, прочитала про себя молитву и вышла, тщательно заперев за собой дверь.

Всего одна смена. Я буду дома еще до рассвета. Я повернулась к двери и покачала головой, сама себя успокаивая. У меня нет выхода. С ним ничего не случится. Он в безопасности.

Глава 2

Клэр Олдридж

Сиэтл, 2 мая 2011 года

Я открыла глаза и прижала руку к животу. Снова эта тянущая боль. Как доктор Дженсен назвала ее? Ах да, *фантомная боль*. Что-то вроде воспоминаний моего тела о травме. Фантомная боль или нет, но я лежала и ощущала знакомую, привычную боль, с которой весь прошедший год начиналось каждое мое утро. Я замерла, смиряясь с воспоминанием и гадая, как я делала это каждый день после звонка будильника, смогу ли я заставить себя встать, одеться, причесаться, то есть вести себя как нормальное человеческое существо? Мне так хотелось свернуться клубочком и принять обезболивающее, чтобы заблокировать все неприятные ощущения.

Я потерла глаза и покосилась на будильник. 5:14 утра. Я лежала неподвижно и прислушивалась к тому, как за стенами нашей квартиры на четырнадцатом этаже бушевал ветер. Я вздрогнула и подтянула повыше пуховое одеяло. Даже пух сибирских гусей не мог избавить меня от холода. Почему так холодно? Наверняка Этан поставил термостат на более низкую температуру – снова!

– Этан? – прошептала я, протягивая руку на его сторону широкой кровати, но простыни были холодными и жесткими. Он снова рано ушел на работу.

Я встала, сняла полосатый халат со спинки кресла, стоявшего у кровати. Настойчиво зазвонил телефон, и я направилась в гостиную. Из панорамных окон открывался вид на рынок для туристов – Пайк Плэйс маркет – и бухту Эллиотт с бесконечной чередой причаливающих и отплывающих паромов. Четыре года назад, когда мы осматривали эту квартиру, я сказала Этану, что у меня такое ощущение, будто я пару в воздухе.

– Это будет твой небесный замок, – так он назвал наше жилище тремя неделями позже, протягивая мне блестящий серебристый ключ.

Но в это утро меня привлек отнюдь не привычный вид за окном. На самом деле никакого вида *не было*. Все было... *белым*. Я протерла глаза, чтобы как следует рассмотреть картину за двойным стеклопакетом. Снег.

Не отдельные снежинки, а настоящий буран. Я посмотрела на календарь, висевший на стене недалеко от моего письменного стола, и недоуменно покачала головой. Снежная буря 2 мая? Невероятно.

– Алло? – пробормотала я в трубку, заставив наконец звонок замолчать.

– Клэр!

– Фрэнк?

Это был мой босс из газеты, но в такой ранний час моему приветствию недоставало вежливого профессионализма.

– Ты смотришь в окно?

Как преданный своему делу редактор, Фрэнк часто оказывался на рабочем месте до рассвета, тогда как я вползала в офис около девяти часов. И так бывало лишь в хорошие дни. В отделе очерков никогда не случалось такой спешки, как в отделе новостей, но Фрэнк все равно вел себя так, будто рассказы о местных садоводах или рецензии на спектакли детской театральной студии были невероятно срочными, прямо-таки сверхглавными. Подчиненные Фрэнка, включая и меня, вряд ли могли с этим поспорить. Жена Фрэнка умерла три года назад, и с тех пор он набросился на работу с такой энергией, что я иногда задумывалась: не ночует ли он в своем кабинете?

– Ты говоришь о снеге?

– Да, о *снеге*! В это невозможно поверить, верно?

– Да, – ответила я, разглядывая балкон, на котором чугунные стулья и стол припорошило белым. – Полагаю, это упущение синоптиков.

– Да уж, это точно, – отозвался Фрэнк. Я слышала, как он ворошит бумаги на своем столе. – Вот он, прогноз погоды, его напечатали в сегодняшней газете: «Облачно, температура плюс пятнадцать, вероятен небольшой дождь».

Я покачала головой.

– Откуда такой буран? Ведь уже почти лето... Во всяком случае, дело обстояло именно так, когда я сверялась с календарем в последний раз.

– Я не метеоролог, но иногда такое случается. Мы просто обязаны написать об этом.

Голос Фрэнка звучал напористо и оптимистично: он явно напал на след горячей новости.

Я зевнула.

– Ты не думаешь, что эта тема больше подойдет для отдела новостей? Какой очерк я могу написать о снежной буре? Или ты ждешь от меня статью о городских снеговиках?

– Нет-нет, – продолжал Фрэнк. – Все намного серьезнее, Клэр. Я просматривал старые материалы, и ты не поверишь, что я там раскопал.

– Фрэнк, сейчас еще нет и шести утра, – пробурчала я, возясь с термостатом. Я поставила его на двадцать градусов. Этан ненавидел попусту тратить электроэнергию. – Ты давно в офисе?

Он проигнорировал мой вопрос.

– На Сиэтл не впервые обрушивается такой снегопад.

Я покачала головой.

– Ну да, снег шел в январе.

– Нет, Клэр, – не унимался Фрэнк, – ты только послушай. В 1933 году, тоже 2 мая, в городе пошел сильный снег. – Я снова услышала шелест бумаги. – Невероятное совпадение. Почти восемьдесят лет назад точно такой же снегопад – мощный буран – накрыл город.

– Это интересно, – согласилась я, чувствуя настоятельную потребность сделать себе чашку горячего какао и нырнуть обратно в постель. – Но я все-таки не понимаю, почему это тема для очерка. О снегопаде следовало бы написать Дебби в разделе новостей, ты не согласен? Вспомни, ведь это она в прошлом году писала о жутком торнадо, обрушившемся на Сиэтл.

– Все намного серьезнее, – ответил Фрэнк. – Подумай сама. Две снежные бури в один и тот же день, и между ними почти век... Если ты скажешь, что из этого не получится очерк, то я не знаю, что получится, Клэр.

Я расслышала в его голосе начальственные нотки и неохотно уступила.

– Сколько слов и какой крайний срок?

– Ты, конечно, права насчет отдела новостей, – проговорил Фрэнк. – Они будут писать об этом сегодня и завтра, но мне бы хотелось получить более пространный рассказ о буране нынешнем и о буране 1933 года. Мы посвятим этому целую полосу. Я могу дать тебе шесть тысяч слов, и мне бы хотелось получить очерк к пятнице.

– К пятнице? – повторила я, протестуя.

– Тебе не придется долго искать материалы, – продолжал Фрэнк. – Я уверен, что в архивах полно информации. Ты можешь подать это, например, под таким соусом: «Триумфальное возвращение бурана».

Я хмыкнула.

– Ты говоришь так, будто буран – это живое существо.

– Кто знает? – ответил Фрэнк. – Возможно, это намек на то, что стоит заглянуть в прошлое. Посмотреть, что мы упустили в прошлый раз, если он решил вернуться...

Он замолчал.

– Фрэнк, – вздохнула я, – твое сентиментальное отношение к погоде очаровательно, но не жди чего-то сногшибательного. Я по-прежнему с трудом представляю, как можно написать шесть тысяч слов о снеговиках.

– Ежевичная зима, – пробормотал он.

– Ты о чем?

– Буря, – продолжал Фрэнк. – Ее называют ежевичной зимой. Такое название метеорологи придумали для неожиданного возвращения холода весной. Интересно, правда?

– Пожалуй, – согласилась я, включая газовый камин. Разглагольствования Фрэнка о погоде пробудили во мне желание съесть кусочек теплого пирога с ежевикой. – У нас хотя бы будет броский заголовок.

– Будем надеяться, что получится еще и замечательная история, – сказал он. – Увидимся в офисе.

– Минутку, Фрэнк. Ты видел Этана сегодня утром?

Мой муж, ответственный редактор газеты, обычно подвозил меня на работу, но в последнее время он уезжал все раньше и раньше.

– Нет еще, – ответил Фрэнк. – Здесь только я и несколько ребят из отдела новостей. А что?

– Нет, ничего. – Я попыталась скрыть охватившие меня чувства. – Я просто волновалась, как он доехал в такой снег.

– Что ж, ты тоже будь осторожна, – посоветовал Фрэнк. – На Пятой авеню настоящий каток.

Я повесила трубку, посмотрела вниз, на улицу, и прищурилась, чтобы разглядеть две фигуры, отца и его малыша, которые играли в снежки.

Я прижалась носом к окну, кожей ощутила холод стекла. Улыбнулась, наслаждаясь этой сценой, пока мое дыхание не затуманило окно.
Ежевичная зима.

Глава 3

Вера

– Ты опоздала, – заявила Эстелла, разглядывая меня из-за своего серого стального стола, когда я вошла в помещение для горничных отеля «Олимпик». Комнату в подвале слабо освещала единственная лампочка, свисавшая со шнура. Моя начальница кивком указала на гору свежевystиранного белого постельного белья, которое требовалось срочно сложить.

– Знаю, – сказала я извиняющимся тоном. – Мне очень жаль. Трамвая долго не было, а перед самым уходом мне пришлось разбираться с моим...

– Твои оправдания меня не интересуют! – рявкнула Эстелла. – Нужно срочно убрать апартаменты на пятом этаже. Сегодня вечером приедут постояльцы. Важные персоны. Работу надо сделать быстро и внимательно, не упустить ни одной мелочи. И не забывай об углах на кроватях. Вчера они не были натянуты, и мне пришлось отправить Вильму все переделывать.

Эстелла вздохнула и вернулась к бумагам, лежавшим перед ней.

– Прошу прощения, мэм, – пролепетала я, убирая сумочку в шкафчик и разглаживая передник перед тем, как направиться к служебному лифту. – Я постараюсь все сделать как надо.

– И вот еще что, Вера, – остановила меня Эстелла. – Я надеюсь, ты не привела с собой *мальчика*?

Она повернула голову и вытянула шею, как будто думала, что он прячется под моей юбкой.

– Нет, мэм, – пробормотала я. И тут меня как током ударило: оставила ли я стакан воды возле кроватки Дэниела? Оставила или нет? А что, если он захочет пить? Я постаралась отогнать эту мысль. Эстелла буравила меня взглядом.

– Хорошо, – буркнула она. – Потому что, если ты снова перепутаешь лучший отель Сиэтла с детскими яслями, то, боюсь, я буду вынуждена предложить твою работу другой женщине, желающих достаточно. Ты должна быть благодарна за то, что у тебя есть хорошая работа, ведь у многих ее вообще нет.

– Да, мэм, – ответила я, – я *очень* благодарна. Такого больше не повторится.

– Отлично, – одобрила Эстелла и жестом указала на серебряный поднос с двумя огромными кусками шоколадного торта и бутылкой шампанского. Если бы только Дэниел мог съесть кусочек шоколадного торта. Я подумала, что нужно будет поднакопить чаевые и испечь ему такой торт. Каждый ребенок должен попробовать торт, даже бедные дети.

– Доставь это в номер 503, – приказала Эстелла. – Мануэль понес другой заказ. Это для *важного* гостя, поэтому будь порасторопней, ладно?

– Да, мэм. – С этими словами я выкатила тележку в коридор.

Пока служебный лифт полз наверх, я изучала торт – темный шоколад, каждый слой промазан сливочной помадкой – и бутылку французского шампанского с этикеткой, на которой были напечатаны экзотические слова, которых я не понимала! Я почувствовала приступ голода, но приказала себе отвернуться и не смотреть на торт. Если мне повезет, я наткнусь на кусочек сыра или булочку в одной из комнат, которые буду убирать этим вечером. На прошлой неделе я обнаружила сандвич с мясом. Он был надкусан с одного края, но мне было все равно, потому что я не ела весь день.

Когда лифт резко остановился, я удержала тележку, поморщившись при звоне бокалов для шампанского, которые едва не упали на пол. Что бы сказала Эстелла, если бы я их разбила? Я вытолкала тележку в коридор и кивнула изысканно одетой паре, проходившей мимо. Они меня проигнорировали. Куда они направляются? В театр? В оперу? Как легко было затеряться в фантастических мечтах, работая в отеле! Чтобы время шло быстрее, я представляла себе, как это, должно быть, замечательно – растягиваться в постели на только что выглаженных простынях и взбитых подушках. Сметая пыль с позолоченной отделки гардероба, я заглядывала внутрь и любовалась одеждой, сшитой на заказ, восхищенно разглядывала украшения на туалетном столике и флаконы духов, которые стоили столько же, сколько аренда моей квартиры на полгода. Однажды я капнула немного духов на запястье и вдыхала экзотический цветочный аромат богатства и роскоши, пока не вспомнила об Эстелле. После этого я быстро смыла духи водой и мылом.

Убирая в апартаментах, я придумывала истории жизни постояльцев и всегда гадала, как бы жила я, если бы обстоятельства сложились иначе.

Я остановилась возле номера 503 и постучала. Внутри играла музыка. Джаз, вероятно.

– Минутку! – раздался женский голос, следом послышалось хихиканье.

Через несколько минут дверь распахнулась, и на пороге появилась красивая женщина примерно моих лет. Розовая кружевная ночная рубашка,

туго стянутая в поясе, едва прикрывала грудь. Короткие крашенные волосы удивительного желтого цвета слегка вились на концах, совсем как в рекламе. Когда она посмотрела вниз, на тележку, я увидела, что волосы у корней темные – это был их натуральный цвет.

– Батюшки мои! – взвизгнула она, проводя по краю торта и облизывая палец. Женщина просто не замечала моего присутствия. – Лон, – нежно проворковала блондинка, – ты просто дьявол. Ты же знаешь, что шоколад и шампанское – это моя слабость.

Следом за ней я вошла в номер. Пахло одеколоном с мускусным ароматом, и мои щеки вспыхнули ярким румянцем, когда я увидела полуодетого мужчину, лежащего в постели. Прикрытый до пояса покрывалом, он выглядел словно король, возлежащий на пышных подушках.

– Поставь все это рядом со мной, куколка, – приветливо произнес мужчина, глядя мне прямо в глаза.

Я отвернулась, смущенная видом его обнаженной груди, загорелой, с капельками пота, как будто он только что занимался спортом.

– О! – Он улыбнулся, заставляя меня снова встретиться с ним глазами. – Не смущайся, голубка. Ты здесь новенькая?

– Нет, сэр, – сказала я. – То есть да, сэр. Работаю только шесть месяцев.

Женщине наш разговор явно не понравился.

– Лонни, – мяукнула она, – позволь мне накормить тебя тортом.

– Минуточку, Сьюзи, – откликнулся он, не отводя от меня глаз. – Меня зовут Лон Эдвардс. Не думаю, что уже имел удовольствие встречаться с тобой.

Он протянул руку. Женщина нахмурилась.

Я неуклюже взяла его руку, не зная, что ему ответить, и пискнула:

– Я Вера, Вера Рэй.

– Рад с тобой познакомиться, дорогая, – пророкотал Эдвардс, засовывая хрустящую банкноту в пять долларов в карман моего передника.

Я сделала шаг назад и присела в реверансе.

– Благодарю вас, сэр, э-э-э, Лон, то есть мистер Эдвардс.

– Надеюсь, мы еще увидимся, – с улыбкой ответил он и снова посмотрел на Сьюзи, которой явно не доставало его внимания... к тому же ей очень хотелось торта.

– Да, сэр, – пролепетала я, – спасибо, сэр, спокойной ночи.

Когда дверь за мной закрылась, я выдохнула и тут же увидела Гвен, которая поджидала меня в коридоре. Маленького роста, пухленькая, с

уродливым шрамом на левой щеке, она редко бывала в плохом настроении и почти никогда не жаловалась. Поэтому Гвен сразу мне понравилась, и мы подружились.

– Эстелла отправила меня к тебе, чтобы я помогла тебе убрать этот этаж, – прощепетала Гвен. – Приезжает большая группа. Нам надо работать быстро. – Она улыбнулась. – Вижу, ты познакомилась с Лоном.

Я пожала плечами, похлопывая рукой по карману передника.

– Он дает хорошие чаевые.

Гвен засмеялась.

– И к тому же он падок на горничных.

– Гвен! – возмутилась я. – Ты же не хочешь сказать, что я стану...

– Нет, нет. – Она игриво ткнула меня в бок метелкой для пыли. – Просто та женщина, Сьюзи, которая сейчас с ним, работала горничной еще до того, как ты появилась.

– Ты хочешь сказать, что она была...

Гвен кивнула.

– Такой же, как мы. А теперь Сьюзи живет в его апартаментах, модно одетая и покрашенная, она полностью в его распоряжении.

Мои щеки вспыхнули.

– Как это ужасно.

Гвен пожала плечами.

– Судя по всему, Сьюзи так не думает. Он дает ей сотню долларов в неделю, она пользуется его машиной с шофером. Куда лучше, чем тереть полы.

– Сто долларов в неделю?

На лице Гвен появилось завистливое выражение.

– Целое состояние.

– Что ж, – произнесла я, делая глубокий вдох и на выдохе прогоняя свои мысли, – я никогда не стану торговать собой.

Гвен снова пожала плечами.

– Никогда не говори «никогда», – пропела она, когда мы вошли в первый из одиннадцати номеров, которые следовало убрать. – Сейчас страшные времена. Редко кому везет. Моя старшая сестра живет в Канзасе. У ее мужа нет работы, а у них восемь детей. Восемь ртов, которые хотят есть. Она пошла бы на что угодно, чтобы прокормить свою семью. Слава богу, что мне нужно кормить только себя.

Я подумала о Дэниеле и о том, что мне предстоит платить арендную плату. Едва ли мне удастся долго держать мистера Гаррисона на расстоянии. Через несколько дней мы окажемся на улице, в лучшем случае

это случится через неделю.

– Гвен, – пробормотала я, – у тебя случайно нет двадцати долларов взаймы? Мне надо заплатить за квартиру. Я просто в безвыходном положении.

– Я бы с радостью помогла тебе, дорогая, – ответила Гвен, и в ее добрых глазах засветилось сочувствие. Я ощутила приступ вины. Как я могла подумать, что она мне поможет деньгами, ведь я знаю, что мы с ней в одной лодке? – Держи, – она протянула мне две смятых банкноты. – Мои последние два доллара.

– Я обязательно верну, – пообещала я.

– Не беспокойся об этом, – отмахнулась Гвен и направилась к кровати. – Давай-ка для начала снимем эти простыни. Я даже оставлю тебе все чаевые, которые мы найдем в номерах. Будем надеяться, что нам повезет.

– Будем надеяться, – согласилась я.

* * *

К пяти часам утра мы закончили убирать этаж, вычистили даже огромные апартаменты в пентхаусе, и мои руки покраснели и потрескались. Гвен зевнула, протянула мне начатую бутылочку с кремом для лица, которую она забрала из освободившегося номера.

– Намажь руки, поможет, – предложила она.

Я улыбнулась. Какая она добрая.

– Не хочешь забежать в закусочную? – поинтересовалась Гвен.

– Я не могу, – ответила я. – Мне нужно вернуться домой до того, как Дэниел проснется.

Гвен положила руку мне на локоть.

– Тяжело оставлять его одного, да?

Я кивнула, ощущая каждую потраченную даром секунду. Дэниел ждет.

– Честно говоря, это просто невыносимо.

У меня зашипало в глазах, и я отвернулась.

– Но это же не навсегда, – попыталась успокоить меня Гвен. – Все образуется. Встретишь кого-нибудь. Какого-нибудь замечательного человека.

Мне хотелось ответить, что я его уже встретила, и вот что из этого получилось, но вместо этого я только кивнула.

– Да, – сказала я. – Мой корабль вот-вот войдет в гавань, не так ли? И

твой тоже.

Гвен моргнула.

– Правильно, дорогая. – Она сжала мой локоть. – И сколько ты набрала чаевых?

Я пожала плечами.

– Четыре доллара.

Гвен улыбнулась.

– Прибавь к этому два моих и пять долларов Лона, и у тебя получится...

– Мне все равно не хватит заплатить за квартиру, – обреченно ответила я.

Гвен вздохнула.

– Что ж, хоть что-то. Поцелуй от меня твоего милого сынишку.

– Обязательно, – откликнулась я, открывая дверь на улицу. Мне в лицо ударил холодный ветер, запуская свои щупальца под старенький жакет и заставляя дрожать усталое тело. Когда я ступила на тротуар, то ахнула: моя ступня буквально утонула в свежем белом снегу. Не меньше десяти сантиметров! Господь всемогущий, снег? В мае? Погода была под стать миру: такая же жестокая и непредсказуемая. Я вздохнула. И как я теперь доберусь до дома? Трамваи наверняка не ходят!

Я поняла, что должна идти – и быстро. До квартиры недалеко, но снег и дыра в подошве моего правого башмака сделают дорогу бесконечной. Хотя это уже не имело значения. Меня ждет Дэниел. Я двинулась в путь, но спустя полчаса мои ноги озябли, заболели, и я морщилась от боли, ощущая, как голая кожа касается земли. Я доковыляла до переулка, остановилась, оторвала кусок подкладки от платья и обернула им ступню. Смуглолицый мужчина присел на корточки возле мусорного бака. Он поддерживал небольшой огонь под самодельным навесом и помешивал угли палочкой. У меня заledenели руки, мне так хотелось тепла, но его неприветливый взгляд не позволил мне подойти. И потом, у меня не было времени на остановки. Дэниел ждал. Я поднялась на один холм, потом на другой. Ткань лишь на мгновение приглушила боль в обмороженной ступне, но потом боль вернулась снова, пульсирующая, острая. Еще два холма. Продолжай идти. Я должна быть дома до восхода солнца, чтобы поцеловать сына в тот момент, когда он откроет глаза. Я обязана это сделать.

К тому времени, когда я добралась до квартиры, я уже не чувствовала ног, но торопливо вошла внутрь. Хотя в вестибюле не топили, температура была на десять градусов выше, чем на улице, и это немного согрело меня.

– Эй, привет, красотка! – приветствовал меня мужчина, вышедший из

салуна.

Мне совсем не нравилось жить над салуном. Такое соседство означало, что мне каждый раз приходилось пробираться мимо полудюжины пьяных мужиков. Некоторые из них валялись в коридоре. Другие злились на весь свет и жаждали подраться. Но больше всего было тех, кто искал женщину. Один смело схватил меня за руку, но я сумела вырваться, взбежала по лестнице и успела забаррикадироваться в своей квартире. Когда я закрывала дверь, то на мгновение запаниковала. Я была так измучена, что мне никак не удавалось вспомнить: открыла ли я дверь ключом или дверь не была заперта? Но ведь я точно запирала дверь, когда уходила на работу вчера вечером! Усталость, похоже, сыграла со мной злую шутку.

Огонь, который я разожгла в камине накануне, давно погас. В квартире было холодно, отчаянно холодно. Бедный Дэниел, у него только одно стеганое одеяло, чтобы согреться. Наверное, он страшно замерз этой ночью... Я содрогнулась при мысли о городских богачах – им было тепло и уютно под пуховыми одеялами, в полночь они ели торты... А мой сын в одиночестве дрожал в своей кроватке в квартире над шумным салуном. *Что случилось с этим миром?* Я положила сумочку, стащила с себя покрытый снегом жакет, на котором в утреннем свете сверкали льдинки. Подойдя к тайнику под лестницей, я открыла дверцу и достала браслет. Дэниелу нравилось проводить пальчиками по золотой цепочке. Я застегнула браслет, зная, как он будет счастлив снова увидеть его на моей руке.

Подавив зевок, я с трудом поднялась в комнату Дэниела, но моя усталость не могла сравниться с той радостью, которую я предвкушала от встречи с сынишкой. Он, разумеется, будет в восторге от снега. Мы слепим снеговика, а потом посидим в обнимку у камина. А во второй половине дня, пока он будет спать, я тоже немного посплю. Идеальный день.

Я открыла дверь в его комнату.

– Дэниел, мамочка дома!

Я опустилась на колени возле его кроватки, откинула стеганое одеяло, но под ним было пусто, только холодные жесткие простыни. Мой взгляд заметался по комнате. Я заглянула под кровать, за дверь. *Где же он?*

– Дэниел, милый, ты прячешься от мамочки?

Тишина.

Я побежала сначала в ванную комнату, потом вниз, в кухню.

– Дэниел! – крикнула я. – Где ты прячешься? Выходи немедленно!

Сердце молотом стучало в моей груди, и я даже не слышала криков

мужчин, которые дрались во дворе под моими окнами. Я осматривала каждый уголок квартиры и молилась, чтобы это оказалось одной из обычных шуток моего ребенка. Вот сейчас он выскочит из-за двери кладовки и скажет:

«Сюрприз!»

Мальчик всегда так делал, когда мы с ним играли.

– Дэниел? – снова позвала я, но в ответ услышала только эхо собственного голоса, разнесшееся в холодном воздухе.

Я распахнула дверь, выскочила в коридор и побежала вниз по лестнице. Я не остановилась, чтобы накинуть на себя хоть что-то, но это не имело значения. Я не чувствовала холода, только ужас. Он наверняка где-то поблизости. Может быть, он проснулся, увидел снег и вышел на улицу поиграть.

Я пробежала мимо мужчин, слоняющихся по вестибюлю перед салуном, и выскочила на улицу.

– Дэниел! – выкрикнула я, но толстый слой снега мгновенно приглушил мой крик до шепота. – Дэниел! – позвала я снова, на этот раз громче. Но это было все равно что кричать сквозь слой ваты. Вокруг висела оглушающая тишина. Я посмотрела направо, потом налево.

– Вы не видели маленького мальчика? – обратилась я к бизнесмену в пальто и цилиндре. – Ему три года, он примерно вот такого роста. – Я показала на своей ноге место, до которого доставала голова Дэниела. – Он был в голубой клетчатой пижаме, с плюшевым мишкой в руках...

Мужчина нахмурился и поспешил пройти мимо.

– Что же вы за мать, если отпустили трехлетнего ребенка в такую погоду, – пробормотал он, удаляясь.

Его слова больно ранили меня, но я не сдавалась и подбежала к женщине, которая вела по тротуару свою маленькую дочку. Обе были в одинаковых шерстяных пальто и симпатичных серых шляпках. У меня оборвалось сердце. У Дэниела даже нет теплого пальто. Если он на улице в такую погоду... Я с мольбой посмотрела в глаза женщине, как мать матери.

– Мэм! Вы случайно не заметили маленького мальчика где-нибудь поблизости? Его зовут Дэниел.

Я едва узнавала собственный голос, отчаянный, пронзительный.

Женщина с подозрением посмотрела на меня.

– Нет, – ответила она ровным голосом. – Я не видела.

Она прижала дочь к себе, и они ушли.

– Дэниел! – снова закричала я, свернув в проулок, куда я иногда отпускала его поиграть в «классики» или в камешки с другими детьми,

пока сама вязала после обеда. Тишина. В этот момент я догадалась поискать следы на снегу. Я бы легко отличила его маленькие следы от других. Но, поискав несколько минут, я поняла, что мои усилия напрасны. Шел такой сильный снег, что он быстро накрывал все следы моего мальчика плотным белым ковром.

Я прошла еще несколько шагов, и тут, в глубине проулка, я заметила что-то голубое. Я бросилась туда и рухнула на колени, рыдая, в отчаянии мотая головой. Нет! Нет, господи, нет! Любимый мишка Дэниела, Макс, валялся на снегу. Я подняла игрушку, прижала ее к груди и начала раскачиваться взад и вперед, как если бы я укачивала и успокаивала Дэниела после ночного кошмара. Меня била дрожь, поднимающаяся изнутри. Мой мальчик *исчез*.

Глава 4

Клэр

Мы все по-разному переживаем травмы или тревоги. Во всяком случае, так говорит Маргарет, мой психотерапевт. Некоторые люди выплескивают свои страдания на окружающих. Другие все держат в себе: «закупоривают» свою боль и прячут ее глубоко внутри, позволяя ей настояться, нагноиться. Так было со мной после ужаса, случившегося в прошлом мае. А мой муж, Этан, как-то справлялся со своим горем, выплескивая его. Он с головой ушел в работу. Пил много виски. Задерживался допоздна с друзьями, причем должна сказать, что эти самые друзья еще год назад ничего для него не значили. И в марте он, повинаясь порыву, купил красный «БМВ». Маргарет сказала, что все это связано с его болью. Когда я увидела, как он возле офиса садится в машину с открывающимся верхом, мои глаза наполнились слезами. Меня встревожили не потраченные деньги, а его выбор. Этан был не из тех мужчин, которые покупают себе ярко-красные «БМВ».

Я попыталась уговорить его посещать вместе со мной еженедельные сеансы психотерапевта. Как мне казалось, если бы мы смогли вместе поговорить о прошлом, то мы оба перестали бы делать вид, что ничего не произошло, и оба научились бы принимать новую реальность, какой бы она ни была. Но Этан тогда только покачал головой. «Я к психоаналитикам не хожу», – отрезал муж. Так наши пути разошлись. Но любовь еще жила. Я чувствовала это и без слов: по тому, как он оставлял на виду зубную нить по утрам в ванной, зная, что я обычно о ней забываю; по тому, как он пристально смотрел мне в глаза, когда я желала ему спокойной ночи. Но пустота росла, словно раковая опухоль, и я боялась, как бы она не разрослась до такой степени, что мы уже не сможем ее контролировать. Судя по всему, наш брак стремительно летел к терминальной стадии.

– Доброе утро, Клэр! – весело приветствовал меня Джин, швейцар нашего многоквартирного дома. – Ну и погода!

Я потуже затянула пояс легкого тренча, раздумывая, не вернуться ли в квартиру, чтобы одеться потеплее. Для начала надо взять шарф и перчатки, и еще – я посмотрела на свои кожаные сапожки до середины икры – стоит, пожалуй, надеть теплые сапоги. Надо было обуться во что-то устойчивое, но я даже подумать не могла о том, чтобы шнуровать кроссовки. Я не

носила их после *несчастливого случая* и думаю, что вообще никогда не смогу их надеть. Во всяком случае, пока мне это не по силам.

– Вы только посмотрите, снежная буря в мае, – обратилась я к Джину, недоуменно качая головой и глядя на улицу через двойные двери. – И почему только я все еще живу в этом городе!

Джин усмехнулся.

– Вы тепло оделись? – спросил он, кивком указывая на улицу. – Там арктический холод.

После *происшествия* он, да и все остальные, кажется, заботились обо мне, словно о маленькой потерявшейся птичке. Вам не слишком холодно? Не слишком жарко? Вы не боитесь идти одна в магазин на углу в сумерках?

Я ценила его заботу, но она действовала мне на нервы. Неужели на моей спине огромными буквами написано: Я ФИЗИЧЕСКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИ НЕ СПОСОБНА САМА О СЕБЕ ПОЗАБОТИТЬСЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ МНЕ!

Хотя Джина я за это не винила.

– Все будет отлично, – уверенно заявила я с натянутой улыбкой. – Пусть я и переехала сюда из Калифорнии, но я пережила уже немало северо-западных зим, чтобы не замерзнуть по дороге в офис.

– Все равно, наденьте это, – Джин достал пару митенок из кармана. – Иначе у вас замерзнут руки.

Я замялась, потом взяла творение из голубой и белой пряжи.

– Спасибо, – поблагодарила я и надела митенки только для того, чтобы доставить Джину удовольствие.

– Вот теперь хорошо, – одобрил он. – Теперь вы сможете слепить настоящий снежок.

Я вышла на улицу, и мои ноги тут же утонули в снегу. Не меньше восьми сантиметров! Пальцы на ногах мгновенно замерзли. И почему я не надела шерстяные носки? Прохожих на улице не было, только ватага ребятишек деловито лепила снеговика. Интересно, а кафе «Лаванто» открыто? Меня совершенно не привлекала перспектива идти несколько кварталов по холмам до моего любимого кафе, но я убедила себя, что горячее какао со взбитыми сливками того стоило. И потом, мне пока просто не хотелось идти в офис. Я могла бы оправдать свой поход в кафе поисками материала для очерка о снежной буре.

Спустя двадцать минут, оказавшись перед запертой дверью кафе, я уже проклинала и свое решение, и свои сапоги, промокшие насквозь и практически превратившие мои ступни в два замерзших куска льда.

– Клэр?

Я обернулась и увидела Доминика, владельца кафе «Лаванто», направлявшегося ко мне. Высокий мужчина со светло-каштановыми волосами и добрыми глазами всегда казался мне воплощением элегантности и мастерства, когда он находился за стойкой своего заведения. Хотя внешность Доминика совершенно не соответствовала его работе. Он больше напоминал мне моего преподавателя английской литературы в колледже, который подрабатывал татуировщиком.

– Благодарение богу. – Со вздохом облегчения я прислонилась к двери. – Я совершила ошибку, проделав весь путь до кафе вот в этом, – я указала на сапоги. – И теперь боюсь, что пальцы на ногах просто заledenели, так что обратно я вернуться не могу. Вы не будете против, если я тут у вас немного оттаю? – Я посмотрела на магазины и кафе, в которых не было ни души, хотя в обычное время в этот час в них яблоку негде было упасть. – Я просто не предполагала, что город вымрет.

– Вы же знаете Сиэтл, – усмехнулся Доминик. – Несколько снежинок, и начинается массовая эпидемия.

Он сунул руку в черную сумку и достал ключ от кафе.

– Я – единственный человек, который смог сюда добраться. Автобусы не ходят, машины едва передвигаются. Вы видели свалку на Второй авеню?

Я покачала головой и подумала об Этане.

Доминик вставил ключ в замочную скважину.

– Заходите, будем вас отогревать.

– Какое счастье, что вы пришли, – сказала я, входя следом за ним в кафе. – Сейчас Сиэтл напоминает город-призрак.

Мужчина покачал головой и запер дверь изнутри.

– Нет, я вряд ли открою сегодня кафе. Да и выходной мне бы не помешал. Но кто-то должен был проверить, как тут Паскаль.

– Паскаль?

– Кот.

– Вы хотите сказать, что я хожу сюда в течение шести лет и не знала о том, что у вас тут живет кот?

Доминик усмехнулся.

– Он старый ворчун, но питает слабость к брюнеткам.

Я почувствовала, что у меня защипало щеки: они начали отогреваться в теплом кафе.

– В любом случае Паскаль большую часть времени проводит наверху, в мансарде, – продолжал Доминик.

– В мансарде?

– Помещение не слишком велико, всего лишь кладовка, где мы храним

запасы. У Марио, прежнего владельца, там был рабочий кабинет. А я подумываю о том, чтобы превратить мансарду в квартиру-студию и жить здесь, над кафе.

– Звучит заманчиво, – одобрила я и почувствовала, как в сумочке завибрировал мобильный телефон. Я проигнорировала звонок. – Я слышала, что вы не так давно приобрели это кафе, верно?

Доминик кивнул.

– Да. И я буду выплачивать долг, пока мне не исполнится сто пять лет. Но дело того стоит. Мне нравится это место. Хотя я планирую кое-что изменить. Начну с навеса над входом и меню для ленча. И обязательно изменю название.

– Вот как! А почему вам не нравится «Лаванто»?

– Это название не имеет никакого отношения к месту, никакой истории.

– И вы назовете кафе...

Доминик налил молоко в стальной кувшин и поставил его кипятить в кофемашину.

– Я пока не знаю, – ответил Доминик. – Может быть, вы поможете мне придумать что-нибудь хорошее. – Он подмигнул. – Вы же пишете, ведь так? Мастер слова?

В кувшине запенилось молоко.

– Вы помните?

– Конечно. Вы журналистка и работаете в «Геральд», я не ошибся?

– Правильно. Но если вы спросите мою мать, которая четыре года платила за мое обучение в Йеле, ожидая, что я стану как минимум штатным сотрудником «Нью-Йоркера», то я всего лишь жалкая писака.

Я потерла руки, чтобы согреть их.

– Полно вам, – с улыбкой откликнулся Доминик. – Вы слишком суровы к себе. Наверняка ваши родители вами гордятся.

Я пожала плечами.

– Я пишу всякие пустяки для местной газеты. Кстати, сегодня я именно этим и занимаюсь. Мне нужно собрать материал о снежной буре. Едва ли подобную тему можно назвать захватывающей.

– Что ж, мне кажется, что ваша работа очень интересная и важная, – Доминик облокотился на стойку. – В любом случае это лучше, чем в тридцать пять лет варить кофе для посетителей. Представьте, какие комментарии я слышу каждый год в День благодарения.

Мне понравилась его скромность.

– А чем вы занимались до этого?

Он поднял глаза от кофемолки, в которую только что засыпал зерна для эспresso, блестящие и гладкие в свете ламп под потолком кафе.

– Всего лишь один фальстарт за другим, – ответил Доминик.

– Провалы закаляют характер, – прокомментировала я.

Он ответил не сразу, и я испугалась, что обидела его.

– Извините, – поспешила вставить я, – я совсем не имела в виду, что вы...

Зачем я только открыла рот?

– Что я безнадежный неудачник? Ну и ладно. Это место было не самым удачным деловым решением.

Я закусила губу. Во всяком случае, он улыбается.

– Но даже если я через год стану банкротом, – продолжал Доминик, – я об этом не пожалею. – Он с гордостью огляделся по сторонам. – Иногда нужно просто попытаться счастья, особенно если это приносит хоть немного радости. – Доминик вздохнул. – Когда я начал этим заниматься, меня только что уволили из финансовой фирмы, где я работал сразу после окончания колледжа. Тогда у меня все шло прекрасно. Достойная зарплата, невеста, квартира и мопс по кличке Скраффлс.

Я подавила смехок.

– Скраффлс?

– Не спрашивайте, – ответил он с вымученной улыбкой. – Это была ее собака.

Я понимающе кивнула.

– Когда я потерял работу, она ушла.

– И забрала собаку?

– И забрала собаку, – кивнул Доминик, полируя белой тканью кофемашину.

Я слабо улыбнулась.

– И вы начали работать здесь?

– Да, сначала как бармен. Я думал, что это временно. Потом я понял, как мне все это нравится: руки, шершавые, в пятнах от кофе, наливают горячий напиток с идеальной пенкой в керамические чашки. Я не скучал по долгим часам на фирме, по бесконечным цифрам. Приготовление кофе стало для меня своего рода катарсисом. Звучит странно, но, судя по всему, мне это было *нужно*. Позже Марио предложил мне купить его бизнес, и я ухватился за этот шанс, хотя семья не советовала мне это делать.

Я улыбнулась.

– Что ж, тогда вам повезло. Вы знаете, сколько людей ненавидят свою работу?

Доминик перепрыгнул через стойку с коробкой сухого кошачьего корма в руке, щедро насыпал его в белую миску на полу у двери.

– Паскаль! – позвал он. – Иди сюда, котик!

Спустя несколько минут появился раскормленный черно-белый кот, с опаской посмотрел на меня и только потом принялся за еду.

– Что вам приготовить? – спросил Доминик, возвращаясь к огромной кофемашине. Забавно было быть единственной посетительницей в кафе, как будто я оказалась в театре за кулисами перед началом спектакля.

– О, вы не обязаны ничего для меня готовить, – сказала я.

Доминик повернулся к кофемолке, и зал наполнило ее гудение, успокаивающее, комфортное.

– Я настаиваю.

Я улыбнулась.

– Что ж...

– Никакого беспокойства, – заверил меня Доминик, – я все равно варю себе капучино. Вы любите горячий шоколад, верно?

– Вы помните?

– Конечно же, я помню, – ответил Доминик. – И я каждый раз вижу, как вы посыпаете пенку корицей. Если хотите, то я добавлю вам в какао несколько специй. Я могу сварить горячий шоколад по-мексикански. Вам наверняка понравится.

– Да, спасибо.

Доминик развернулся, чтобы достать банку с какао-порошком.

– Не подумайте, что я подглядываю, – начал Доминик, – но почему ваш муж... – он помолчал немного, – он ведь ваш муж, так?

– Да.

– Почему же ваш муж всегда недоволен, когда вы заказываете горячий шоколад?

Я глупо улыбнулась.

– Надо понимать, что вы слышали, как он надо мной подшучивает?

Доминик кивнул.

Я пожала плечами.

– Я замужем за самым большим кофе-снобом в Сиэтле.

Этан родился в Сиэтле и прожил здесь всю свою жизнь. Он впитал в себя культуру эспresso и с подозрением относился ко всем тем, кто не разделял его любовь к кофе мелкого помола. Еще хуже он относился к тем, кто вместо эспresso произносил «экспresso». В нашей кухне «поселились» одиннадцать френч-прессов, итальянская кофеварка-перколятор XIX века, две традиционные кофеварки и кофемашинa для приготовления эспresso,

стоившие больше, чем некоторые автомобили.

– То есть ему просто надоело обращать вас в свою веру?

– Да, – подтвердила я. – Этан не в силах понять, почему я никак не могу полюбить кофе.

Доминик протянул мне наполненную до краев кружку, мастерски украшенную завитком из взбитых сливок и посыпанных сверху корицей.

– Это вам, – улыбнулся он. – И, кстати, я не вижу ничего зазорного в том, чтобы быть поклонником горячего шоколада.

Я тоже улыбнулась и сделала большой глоток взбитых сливок.

– Мне понравилось то, как вы меня назвали. Поклонник горячего шоколада.

Паскаль немного помурлыкал у моих ног и потом ленивой походкой удалился наверх. Я посмотрела на старый кирпичный камин, расположенный у противоположной стены. В некоторых местах с него осыпалась штукатурка. Мое внимание привлек изразец над самым очагом. Я прищурилась, чтобы разглядеть получше, но мне никак не удавалось понять, что за сцена изображена на прямоугольнике цвета слоновой кости. Забавно, я столько раз бывала в этом кафе, но никогда не обращала на эту деталь внимания. Я подумала, что в следующий раз нужно будет повнимательнее рассмотреть изразец.

– Пусть это не самый прибыльный бизнес, ну и что? – произнесла я. – Это самое классное кафе в городе.

Доминик обвел взглядом небольшое помещение и кивнул.

– Здание совершенно особенное, правда? – Он улыбнулся. – На самом деле просто удивительно, что никто не рассмотрел это место и не превратил его в «Старбакс».

Я улыбнулась, посмотрела на свои часы и спохватилась.

– Нет, вы только на меня посмотрите! Сажу здесь и задерживаю вас. Мне пора идти, хоть на улице по-прежнему полно снега. Мой шеф ждет от меня историю.

– И куда же вы направляетесь?

– В здание газеты «Геральд», если я только сумею туда добраться.

– Позвольте мне проводить вас, – несколько самодовольно предложил Доминик, – хотя бы до такси.

– Буду только рада, – ответила я, и мы вместе вышли на заснеженную улицу.

Несмотря на то, что за окном бушевал буран, суматоха в отделе новостей была такой, словно термометр показывал комфортную температуру в двадцать один градус. Но меня это не удивило. Газетные репортеры редко прогуливают. Преданность делу у них в крови, и именно поэтому я порой задавалась вопросом: действительно ли я создана для этой работы. С прошлого мая все так изменилось... Я сомневалась, что во мне по-прежнему присутствовали качества, присущие репортеру.

– Вот и ты наконец!

Я повернулась и увидела Эбби, приближавшуюся к моему отсеку. Она работала редактором в отделе проверки, и я сразу же оценила ее чувство юмора. В первый день моей работы в «Геральд» Эбби подошла к моему столу после летучки, заглянула мне в глаза и произнесла:

– Ты мне нравишься. Ты не носишь остроносые туфли.

Потом она принялась.

– Но ты куришь?

– Нет, – ошеломленно ответила я.

– Это хорошо, – констатировала она. По ее лицу стало понятно, что я прошла тест на дружбу. – Меня зовут Эбби.

В ту же секунду я поняла, что мы сразу станем подругами. У Эбби был талант раскапывать неизвестные факты обо всех и обо всем. К примеру, ей удалось выяснить, какой цвет волос у дочери мэра или как назывался суп, который подавали в давно закрытом ресторане на Мэрион-стрит в 1983 году. Стоило только сказать ей, что вам нужно узнать, и она непременно разыщет нужную информацию. За последние несколько месяцев она не один раз приходила на помощь, когда меня поджимали сроки, а мне не хватало материала, чтобы получилась достойная история.

– Фрэнк тебя ищет, – сообщила Эбби с понимающей улыбкой.

Я потерла лоб.

– Он жует карандаш?

– Да, – ответила Эбби. – Кажется, я видела, как он жует карандаш. Тревожный симптом.

– Отлично, – я сползла пониже в кресле, чтобы меня не было видно над стенами моего отсека. Мы с Эбби знали, что не стоит попадаться на глаза Фрэнку, когда тот жует карандаш. Это означало, что огнедышащий дракон вырвался на свободу.

– Ты знаешь, чего он хочет? – поинтересовалась Эбби, усаживаясь в кресло для гостей.

Я включила компьютер и уставилась на монитор, пока тот медленно оживал, высвечивая наше с Этаном фото. Мы вдвоем в Мексике три года

назад. Мы казались такими счастливыми. Я вздохнула и снова повернулась к Эбби.

– Фрэнк хочет, чтобы я написала о снежной буре.

Она пожала плечами.

– Ну и что? Что в этом особенного?

– То-то и оно, – согласилась я. – ничего особенного. Невозможно написать очерк о погоде, я имею в виду хорошую, добротную статью. – Я собрала бумаги, валявшиеся на моем столе, сложила их в аккуратную стопку и покачала головой. – Я не знаю, Эб. Кажется, ни одна история не способна меня сейчас заинтересовать.

– Дорогая, тогда просто отвлечись, – сказала Эбби. – Хочешь, я поговорю с Фрэнком, чтобы он дал тебе несколько дней отпуска? Ты же знаешь, что ни разу по-настоящему не отдыхала после... – она помолчала, вглядываясь в мое лицо, возможно, пытаясь понять, можно ли продолжать, или просто подбирая слова, – после твоего пребывания в больнице. И потом, в отличие от меня, ты, моя дорогая, застрахована. В конце концов, ты же Кенсингтон. Тебе и музыку заказывать.

Я схватила со стола пресс-релиз и с улыбкой бросила его в сторону Эбби.

– Очень умно, – сказала я, – пусть я и вышла замуж за Кенсингтона, но я-то не Кенсингтон!

Газета принадлежала семье Этана, она была одной из последних ежедневных газет в стране, которой владела семья. До встречи с Этаном я писала под своей девичьей фамилией – Олдридж, поэтому, с точки зрения профессии, мне не имело смысла ее менять. И потом, мне в общем-то нравился этот своего рода вызов родителям Этана, Гленде и Эдварду Кенсингтон, с трепетом относившимся к устоям и традициям своей семьи. Акции газеты принадлежали им обоим, но они управляли бизнесом издалека, предоставив Этану право заниматься повседневными делами, раз уж его сестра Лесли не имела ни малейшего желания работать. Ее график и без того был перегружен светскими мероприятиями и посещениями салонов. Дед моего мужа, Уоррен, патриарх семьи и почетный главный редактор газеты, уже меньше вмешивался в дела, поскольку ему было уже за восемьдесят, да и здоровье оставляло желать лучшего. Но его имя по-прежнему возглавляло список сотрудников газеты.

Газета, которую прадед Этана основал в начале XX века, была семейным предприятием, тем самым, в котором должны были принимать участие все Кенсингтоны, включая и наших будущих детей, если таковые появятся на свет.

– Ладно, – уступила Эбби, – но я все равно думаю, что тебе следует вести себя как члену семьи и немного отдохнуть. Почему не дать себе время снова собраться с силами?

Я всегда быстро меняла тему, когда мои собеседники заговаривали о прошлом, но к Эбби это не имело отношения.

– Спасибо, – кивнула я. – Но я в порядке. Честно.

Я подняла глаза и увидела, что Фрэнк заглядывает поверх перегородки моего отсека. Карандаш он по-прежнему держал в зубах.

– Вот, наконец, и ты. – Я услышала в его голосе нетерпение. – Нашла что-нибудь?

Я склонила голову к правому плечу, гадая, есть ли в современных карандашах свинец, который вызывает отравление. Возможно, именно этим и объясняется нервозность Фрэнка.

– Что-нибудь?

– Для твоего очерка!

– О да, – ответила я. – Я только что говорила об этом с Эбби.

– Хорошо, – одобрил Фрэнк, закладывая карандаш за ухо. – После обеда жду от тебя свежую информацию. Надеюсь, ты успеешь.

– Будет сделано, – ответила я и кивнула. Фрэнк развернулся и ушел в свой кабинет.

Я повернулась к Эбби.

– На помощь!

Она сцепила пальцы на колене.

– Итак, история о снежной буре.

– Угу.

– Помнишь о том, что я говорила об отпуске?

– Не собираюсь я этого делать.

Она кивнула.

– Ладно, тогда примемся за работу. Ты уже начала брать интервью?

Я покачала головой.

– Под каким углом думаешь осветить тему?

– У меня нет никаких мыслей на этот счет, – обреченно вздохнула я, но в этот момент вспомнила, что говорил мне Фрэнк о буране 1933 года. – Босс хочет назвать очерк «Ежевичная зима».

– Ежевичная что?

Я постаралась сосредоточиться.

– Зима. Так, кажется, синоптики называют поздние холода, которые случаются весной. Фрэнк что-то говорил о таком же буране, бушевавшем в этот же день в 1933 году. Тогда он практически парализовал город.

Эбби выпрямилась в кресле.

– Ты шутишь!

Я пожала плечами.

– У Фрэнка безумная идея: якобы возвращение бурана имеет какое-то особое значение. Он хочет, чтобы я соотнесла прошлую и нынешнюю ситуации. Ты можешь в это поверить? Очерк о *погоде*. Я даже представить себе не могу более тоскливое задание.

Эбби покачала головой.

– Тоскливое? Клэр, ты, должно быть, шутишь! Это отличная тема. Ты хотя бы начала просматривать материалы о том, что произошло во время бурана в 1933 году?

Я покачала головой.

– Честно говоря, Эбби, по мне, лучше вымыть туалет, чем заниматься этой историей. Я в тупике.

– Хорошо, дай мне час, и я найду для тебя что-нибудь интересное. Ты же знаешь, я обожаю копаться в архивах. – На ее лице появилось мечтательное выражение. – 1930-е годы и Великая депрессия... Я уверена, что найду что-нибудь эдакое.

Я пожала плечами.

– Надеюсь.

Эбби встала и уверенно кивнула.

– Закажи еду из тайского ресторана. Я вернусь к полудню.

– Попытаюсь, – ответила я, выглядывая в коридор. – Не уверена, что в такую погоду будет работать доставка.

– Пообещай им сорок процентов чаевых от суммы заказа, – посоветовала Эбби. – После архива мне будет необходимо хорошенько подкрепиться тайской едой.

* * *

Когда спустя полчаса я решила заглянуть к Этану, его кабинет оказался заперт. Я постучала в дверь, и мне пришло в голову, что я начала вести себя как его служащая, а не как его жена. В последние месяцы мы делили с ним постель, но и только.

– Привет, Клэр, – поздоровалась со мной его помощница Трэйси, сидевшая за своим столом немного поодаль. Она жестом указала на дверь Этана. – Мне жаль, но вы с ним разминулись. У него сейчас встреча, потом будет следующая за ленчем.

– Вот как, – я выдавила из себя улыбку. – С кем же?

Трэйси замялась, ей явно было неловко.

– Хмм, кажется, он сказал, что идет с Кассандрой в тот новый итальянский ресторан ниже по улице.

– В такую погоду? Они работают?

– Они открылись исключительно ради нее, – пояснила Трэйси, и в ее голосе зазвучало легкое раздражение. – Кассандра наш ресторанный критик, ты же знаешь.

Я позаимствовала ириску из ее тарелки со сладостями и выбросила обертку в ближайшую мусорную корзину.

– А Этан подрабатывает помощником ресторанный критика?

Трэйси пожала плечами.

– Она упоминала клетку.

– Клетка?

Трэйси кивнула.

– Этан ненавидит клетку.

Девушка посмотрела на меня с сочувствием.

Для редакции любой газеты было бы вполне логично, если бы ответственный редактор присоединился к ресторанному критику в новом ресторане. Но мы с Трэйси обе знали правду: в эту самую минуту мой муж сидел за ленчем со своей бывшей возлюбленной.

– Спасибо, – поблагодарила я Трэйси, взяв себя в руки. – Я зайду к нему позже.

До недавнего времени меня совершенно не волновал тот факт, что Кассандра, ресторанный критик газеты и бывшая подружка Этана, работала через три двери от меня. Ей как будто доставляло удовольствие ходить с Этаном на частые ленчи и ужины. Но теперь эта ситуация меня встревожила. Кассандра, высокая, белокурая – полная моя противоположность, – с момента разрыва с Этаном ни с кем серьезно не встречалась. Они расстались буквально за несколько месяцев до нашего с ним знакомства. Сотрудники редакции шептались, что она так и не разлюбила его. Я прошла мимо ее пустого стола и нервно вцепилась в свое обручальное кольцо.

Ланч принесли в полдень, и я вложила двадцатидолларовую банкноту в ладонь посыльного, шляпу которого запорошил свежий снег.

– Спасибо, мэм, – поблагодарил он и, выходя из двери, едва не налетел на Эбби.

– Я слышу запах тайской еды! – воскликнула она, крепко вцепившись в толстую папку.

Я открыла коробочку с лапшой в арахисовой подливке, и сладкий аромат заполнил воздух.

– Тебе один ролл или два?

– Два! – ответила Эбби, села на пол, раскрыла папку и начала раскладывать бумаги на ковре. – Поиски пробудили во мне чувство голода. Сейчас я покажу тебе, что мне удалось найти.

Я протянула ей тарелку и уселась рядом с ней на пол.

– Итак?

– Итак, – Эбби передала мне ксерокопию газетной вырезки, датированной 7 мая 1933 года, – прочти вот это.

Я проглядела первые два параграфа, но меня ничего не зацепило.

– Это же всего лишь отчет о работе полиции за неделю, – произнесла я, – кратковременные аресты, мелкие кражи... Или я что-то пропустила?

– Да, – подтвердила Эбби перед тем, как положить в рот немного лапши. – Визит принца Георга.

– В самом деле? Ты пришла в такое возбуждение из-за визита скучного британского монарха?

– Видишь ли, завораживает предыстория, – Эбби протянула мне еще одну вырезку. – Судя по всему, он ухаживал за дамой из Сиэтла. И, если бы не буран, в Сиэтле появилась бы своя первая принцесса.

Я нахмурилась.

– Ты не любишь королевских особ?

– Видишь ли, Эб, у меня даже не было лихорадки «Диана»^[1], когда всех от нее трясло, – ответила я, со вздохом ставя тарелку с недоеденной порцией на свой рабочий стол. – Может, есть что-то еще?

Я снова взяла вырезку из газеты и неохотно прочла ее, надеясь найти хоть какую-то зацепку, и тут мой взгляд замер.

– «Трехлетний мальчик из Сиэтла, Дэниел Рэй, пропал утром 2 мая из своего дома на Первом холме. Подозревают побег».

– Печально, – прокомментировала Эбби. – Пропал в день бурана.

Я кивнула.

– У моей сестры трехлетка. В этом возрасте они не убегают.

– Ты думаешь, что его похитили? – спросила Эбби, наклоняясь ближе, чтобы внимательнее прочитать заметку.

– По-моему, это единственная новость, которая имеет хоть какой-то смысл, – констатировала я, вставая и пересаживаясь за рабочий стол. – Но давай посмотрим, что мы сможем выяснить.

Я набрала имя и фамилию мальчика для поиска в базе данных, появились несколько ссылок. Я кликнула по первой же странице и

проглядела ее, чтобы найти больше деталей, предоставленных полицией. Матерью малыша была Вера Рэй. Я быстро прочла текст, потом повернулась к Эбби.

– Мать пришла домой с работы, а он исчез, – пояснила я. – Она нашла в снегу его плюшевого мишку. – Я приложила руку к груди. – Господи, просто сердце разрывается.

Эбби кивнула.

– Как ты думаешь, они его нашли?

– Не знаю, сейчас посмотрим. – Я просмотрела оставшиеся статьи. – Нет, никаких результатов.

Эбби прислонилась к стене возле шкафчика с папками.

– А что насчет матери?

Я набрала в поисковике ее имя и открыла первую же появившуюся ссылку.

– Смотри, ее имя встречается в нескольких полицейских отчетах.

Я выбрала все файлы и отправила их распечатывать на принтер в коридоре.

Потом я снова набрала имя мальчика и прочла одну из статей более внимательно.

– Все статьи из «Сиэтл Пост-Интеллидженсер», а не из «Геральд». Или мы ничего об этом не писали?

Эбби просмотрела список статей.

– Странно, но, судя по всему, мы действительно не писали, – отозвалась она. – «Геральд» пропустил эту историю.

Я открыла другую статью и вернула на экран фотографию маленького мальчика со светлыми волосами и пухлыми щеками. С экрана монитора на меня смотрели его большие круглые глаза. Я прижала руку к животу, чувствуя знакомую боль, и крепко зажмурилась.

– Клэр, – прошептала Эбби, – с тобой все в порядке?

– Будет в порядке, когда я пойму, что случилось с мальчиком, – ответила я. Я не могла объяснить ни ей, ни самой себе, но было нечто такое в этом маленьком мальчике, Дэниеле Рэе из 1933 года, что тронуло мое сердце.

Эбби просияла.

– Держу пари, ты нашла свою историю!

– Да. – Я не могла отвести глаз от экрана.

Глава 5

Вера

– Вот возьми, – произнес кто-то, наклоняясь надо мной. – Выпей. Это пойдет тебе на пользу.

Где я? Чей это голос? Я открыла глаза, и окружающая обстановка постепенно обрела четкость. Кэролайн. В камине мигали рыжие огоньки. Мои колени прикрывало колючее шерстяное одеяло.

– Тетя Вера, ты проснулась?

Маленькая Ева, дочка Кэролайн, прижалась щекой к моей груди. Она была чуть-чуть старше Дэниела, но не по годам мудрой.

В глазах у меня щипало, голова раскалывалась. Ступни болели и пульсировали. Такой адской боли я не испытывала никогда и поэтому обхватила их руками, пытаюсь справиться с этой пыткой.

– Обморожены, – негромко проговорила Кэролайн. – Тебе повезло, что мы тебя нашли. Последний час я согреваю твои ступни. Думаю, пальцы на ногах мы спасли.

Она осмотрела мою правую ногу, потом вложила стакан с водой мне в руку.

– Пей.

Я зарылась лицом в подушку дивана, но Кэролайн осторожно подняла мой подбородок и прижала стакан к губам. Я позволила жидкости пролиться мне в рот и слегка задохнулась, когда холодная вода коснулась моего раздраженного горла.

– Мы нашли тебя на улице час назад, – продолжала Кэролайн. – Мы так радовались этому, дорогая, пока ты не упала в обморок. Мистер Иванов был настолько добр, что помог принести тебя наверх.

Мистер Иванов, каменщик, бежавший из России, всегда был добр к нам. В прошлом месяце он увидел Дэниела в вестибюле многоквартирного дома и дружелюбно улыбнулся, глядя на него.

– У мальчика нет отца? – спросил он с сильным акцентом.

– Нет, – негромко ответила я, пока Дэниел любовался инструментами мистера Иванова.

Мужчина кивнул.

– Тогда я разрешаю ему помочь мне сегодня. Вы же не возражаете, нет?

Я улыбнулась, он был так добр.

– Пожалуйста, мама! – закричал Дэниел.

– Конечно, дорогой, – ответила я.

А сама достала спицы для вязания и устроилась в кресле в уголке. Дэниел и его новый друг принялись подновлять раствор на камине в салуне.

Я резко села на диване, мой взгляд отчаянно заметался по квартире Кэролайн. *Дэниел*. Туман рассеялся, его сменил ужас. *Мой сын исчез*.

Я встала, нетвердой рукой поставила стакан. Он упал на пол и разбился, вода вылилась на старенький голубой ковер.

– Я должна его найти! – крикнула я. – Надо что-то делать. Его кто-то забрал. Кто-то увел Дэниела из дома!

Кэролайн бросилась ко мне.

– Тише, тише! Ты все утро провела в снегу на улице и наверняка сильно обморозила ступни. Ты никуда не пойдешь. Я тебя не пущу.

Я оттолкнула ее руки и сделала шаг к двери, но колени подломились. Кэролайн обхватила мою голову руками. Мое сердце стучало так сильно, что я больше ничего не слышала. Сколько прошло времени? За окном комнаты было темно.

– Он проголодался, ему холодно. – Я почти скулила, безуспешно пытаюсь встать снова, но потом все-таки уступила мольбам Кэролайн.

Она помогла мне дойти до дивана и гладила меня по волосам, пока мои рыдания не стихли.

– Мы найдем его, – негромко пообещала она.

Малышка Ева, лучшая подруга Дэниела, села рядом с матерью, ее лицо было испуганным.

– Тетя Вера, – прошептала она, заглядывая мне в лицо.

– Не стоит сейчас беспокоить тетю Веру, дорогая, – остановила дочку Кэролайн. – Ей надо отдохнуть.

– Но, мама, я боюсь, – ответила Ева. – Неужели птичья леди забрала Дэниела?

Я открыла глаза.

– Птичья леди? Ева, о чем ты говоришь?

– Это плохая леди, она убивает птичек, – объяснила девочка.

– Ева! – одернула ее Кэролайн. – Замолчи. Беги наверх и найди свою куклу.

Малышка послушно кивнула и вышла из комнаты.

– Не слушай ее, – обратилась Кэролайн ко мне. – Она говорит какую-то ерунду.

Я закрыла лицо дрожащими руками.

– Но я... – Мой голос сорвался, и я начала плакать, на этот раз без слез. У меня их просто не осталось. – О Кэролайн! – воскликнула я. – Мы должны его найти. Умоляю тебя, помоги мне найти его. Прошу тебя, господи, позволь моему сыну вернуться домой, ко мне.

– Я помогу тебе, дорогая, – негромко пообещала Кэролайн. – Но сначала надо позаботиться о тебе.

* * *

Спустя час Кэролайн ушла за дровами на рынок на углу. Я села на диване, обхватила руками голову. В ней гулко пульсировала боль, но я все равно встала. Мои колени дрожали, поэтому мне пришлось ухватиться за подлокотник дивана. Я должна выбраться отсюда. Я должна найти его. Я должна вернуться в свою квартиру.

– Ты оставайся здесь, милая, – шепнула я Еве. – Твоя мама скоро вернется. Скажи ей, что мне пришлось уйти, чтобы найти Дэниела. Передай ей, что мне очень жаль. Она поймет.

Ева кивнула, я вышла. Я не могла ждать ни секунды. Ступни дергало. Я цеплялась за перила, переползая со ступеньки на ступеньку, пока не выбралась на улицу. Ледяной ветер ударил мне в лицо с такой силой, что я задыхнулась. Но я поспешила дальше, ковыляя по тротуару, превозмогая боль. Я должна быть сильной. Ступни отчаянно болели, и прикосновение снега, лежащего под ногами, было сродни кислоте, вылитой на рану. *Продолжай идти. Он наверняка тебя ждет.* Улица передо мной то расплывалась, то снова обретала четкие контуры. Силы покидали меня, я это чувствовала. *Будь сильной. Иди.* Ко мне приблизилась мужская фигура, темный силуэт. Крупный мужчина колотил кулаком по ладони другой руки. Я взглянула ему в лицо. По моему телу пробежала ледяная дрожь. *Боже, это мистер Гаррисон.*

– Вы только посмотрите, кто это тут у нас, – произнес он с неприятной ухмылкой. – Сбежала, не заплатив за квартиру, так, что ли?

Он схватил меня за локоть и привлек к себе.

– Прошу вас! – крикнула я. – Мой сын пропал. Я должна найти его!

– Слишком поздно! – бесстрастно сказал он. Я заметила засохшую пивную пену на его усах. – Нет платы, нет дома.

– Но я... – договорить я не сумела. Я покачнулась, в глазах потемнело.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я открыла глаза, то

почувствовала на шее ледяной холод. Из губы текла кровь.

Мистер Гаррисон склонился надо мной, его горячее, наполненное парами алкоголя дыхание коснулось моего лица.

– Ты идешь со мной, – объявил он, поднимая меня с земли.

– Стойте! – крикнула Кэролайн. – Отпустите ее!

С другой стороны улицы подбежал пожилой мужчина.

– Что здесь произошло?

– Этот человек, – Кэролайн указала на мистера Гаррисона, – что-то сделал с моей подругой.

Пожилой мужчина выпятил грудь.

– Соблюдайте приличия! – рявкнул он. Мистер Гаррисон отпустил меня, и я снова села на мокрый снег. – Оставьте в покое бедную женщину!

Мистер Гаррисон ухмыльнулся, но все-таки вернулся в паб, ругаясь сквозь зубы.

– Могу ли я помочь вам отвести ее домой? – обратился пожилой мужчина к Кэролайн.

– Спасибо, не стоит, – ответила она, положила мою руку себе на плечо и помогла мне подняться. – Я живу совсем близко. Я справлюсь.

– Все равно буду его искать, – прошептала я слабым голосом.

– Знаю, дорогая, – Кэролайн крепче сжала мое плечо. – Мы подадим заявление в полицию. Они начнут поиски.

Ее уверенный голос успокоил меня.

Когда мы вернулись в квартиру Кэролайн, она уложила меня, подоткнула одеяло, потом надела свитер и вышла на улицу, чтобы найти полицейского. Пока я ждала ее возвращения, Ева пристроилась рядом со мной и положила голову мне на грудь. Я слушала тиканье старых часов с кукушкой на стене, мучительно ощущая каждую проходящую секунду. Услышав шаги в коридоре за дверью, я села. Дверь открылась, и вошла Кэролайн. Следом за ней шел полицейский с черной дубинкой в руках. Он взглянул на кофейник на плите, потом перевел взгляд на Кэролайн.

– Полагаю, мисс, у вас найдется чашка кофе для офицера, который провел на холоде целый день?

Кэролайн тут же метнулась на кухню, зажгла плиту и высыпала остатки кофе в кофейник.

– Это займет не больше минуты, – сказала Кэролайн. – Вера здесь. Как я вам говорила на улице, у нее пропал сын.

Полицейскому явно было неинтересно.

– Мисс Рэй?

– Да, – ответила я, – огромное спасибо вам за...

– У меня не так много времени, – резко оборвал он, – говорите коротко.

– Конечно, – я поправила одеяло, прикрывавшее ноги. – Этим утром, когда я вернулась с работы домой, мой сын Дэниел исчез.

Офицер поднял веки и сделал глоток кофе из кружки, которую Кэролайн только что вручила ему.

– Вы говорите, что мальчик был дома один? Сколько ему лет?

– Три года.

Глаза полицейского буквально впились в меня.

– Она работает в отеле «Олимпик», – вмешалась Кэролайн, чтобы заполнить паузу. – Вера очень много работает, чтобы содержать сына. Я довольно часто присматриваю за ним, но прошлой ночью я тоже работала, и он...

– И ему пришлось остаться дома одному. – Я должна была говорить только правду. – На прошлой неделе я брала его с собой на работу, но моя начальница сказала, что уволит меня, если такое повторится. Офицер, сейчас так много людей без работы, я просто не могу ее потерять...

– Я не расположен слушать лекцию о положении дел на рынке труда в этом городе, мисс. – Полицейский смотрел на меня с подозрением. – А где отец мальчика?

– У Дэниела нет отца, – сказала я. – Во всяком случае, этот человек не участвует в его жизни.

Офицер ухмыльнулся.

– Понятно.

Я показала ему плюшевого медвежонка Дэниела.

– Я нашла его на снегу. Это игрушка моего сына.

Мужчина достал блокнот и нацарапал несколько слов на листке, кивая в такт движениям своей руки.

– Побег, – заключил он. – Возможно, мальчик вернется домой. Дети всегда возвращаются.

У меня сжалось сердце.

– Нет-нет, – взмолилась я. – Вы все неправильно поняли. Дэниел никогда бы не убежал. Его наверняка похитили. Я уверена в этом.

Полицейский продолжал ухмыляться.

– Вы заметили следы взлома и проникновения? Было разбито окно? Выбита дверь? Украл что-нибудь ценное?

Я уставилась на него.

– Нет, кажется, нет.

Он поставил пустую кружку на стол, затем закрыл блокнот и быстро

взглянул на часы.

– Я так и думал. Мальчик вернется. – Он помолчал, потом хрипло хохотнул и добавил: – Когда как следует проголодается.

Дверь со стуком захлопнулась, и я разрыдалась, закрыв лицо ладонями.

– Я должна вернуться в свою квартиру, – прорыдала я. – Я должна быть дома. Вдруг Дэниел вернется.

Кэролайн покачала головой.

– Только не к этому тирану-домовладельцу, который тебя подкарауливает. Ты остаешься здесь. Мы можем попросить мистера Иванова проводить нас туда утром. А теперь тебе нужно отдохнуть.

Когда Кэролайн встала, у подножия лестницы появилась Ева.

– Мама! Дэниел не забыл застегнуть свое пальто? Он всегда забывает это сделать, а я ему говорю...

Кэролайн поспешила зажать дочке рот рукой, чтобы заставить замолчать.

За окном кружился снег, ледяной, непрекращающийся. Я даже не знала, надел ли мой малыш пальто.

Глава 6

Клэр

– Мне это нравится! – заявил Фрэнк, когда я рассказала ему о том, какую тему хочу взять для очерка. – Маленький мальчик пропал во время бурана. На это откликнется сердце каждого читателя. Сколько тебе нужно времени, чтобы написать об этом?

– По крайней мере, неделя, – ответила я. – Мне бы хотелось по-настоящему покопаться в этой истории... Может быть, я найду родственников или друзей, чтобы взять интервью.

Фрэнк кивнул.

– Хорошо, договорились. Держи меня в курсе.

В тот же день вечером я обнаружила Этана в кухне. Он осматривал пустой холодильник.

– Привет, – поздоровалась я, кладя ключи на стол. Этот звук эхом разнесся по всем уголкам огромной квартиры, заполняя всепроникающую тишину, тяжелую и неуютную.

– Привет, – отозвался Этан, не оборачиваясь. – Сумасшедший буран сегодня, верно? Послушай, у нас вроде где-то оставалось буррито?

– Я его выбросила.

Этан повернулся ко мне и нахмурился, как будто я совершила предательство, выбросив остатки лепешки с начинкой. Хотя нет. С его точки зрения, я просто объявила ему войну.

– И почему ты это сделала? – обиженно поинтересовался он.

– Потому что остатки твоего буррито пролежали в холодильнике две недели и покрылись плесенью.

– Вот как, – констатировал Этан, прежде чем направиться к дивану. – Неужели так долго?

– Да, именно так, – ответила я и в ту же минуту поняла, что именно столько времени мы с ним по-настоящему не разговаривали.

– Звонили от твоего врача.

Я сделала вид, что занята почтой, и не ответила.

– Тебе и в самом деле следовало бы пойти на прием, Клэр.

Я почувствовала, как внутри нарастает гнев. Я была сердита на него за все: за этот тон, бесчувственный, отстраненный, за сегодняшний ленч с Кассандрой, но больше всего за боль прошлого.

– Не наставляй меня, Этан, – отрезала я.

Он пожал плечами и потянулся за пультом, пробормотав что-то сквозь зубы.

Я открыла коробку мюсли с изюмом, высыпала их в миску, залила соевым молоком и ушла в спальню. Я даже не подумала вытереть брызги молока, оставшиеся на гранитной столешнице.

Как он может быть таким бесчувственным? Таким пресыщенным? Этан знал, как я отношусь к возвращению в клинику. Снова увидеть лицо моего врача, пережить все сначала. Почему Этан заговорил об этом? Неужели он хотел сделать мне больно? Я съела ложку мюсли, заставив свои мысли переключиться. Я не хотела думать об Этане, о прошлом. Я начала думать о маленьком Дэниеле Рэе. Что стало с ним и с его матерью? Встретились ли они когда-нибудь снова? И виноват ли в этой трагедии буран?

Когда я была маленькой, то ездила однажды на Рождество в Мэн к дедушке и бабушке. Снега тогда выпало сантиметров тридцать. Мы с моим младшим братом, два калифорнийских ребенка, смотрели на снежную пелену во все глаза. Целую неделю мы лепили снеговиков, падали на снег и рисовали на снегу фигуры, похожие на ангелов, ловили языком снежинки. Вот это была радость! Мне захотелось снова испытать ее, чтобы исчезла боль в сердце, чтобы затянулась рана. Играл ли Дэниел в снегу в то утро, когда он исчез? Радовался ли он?

Я села на кровать и потянулась к телефону. Мне нужно было набраться мужества, чтобы сделать этот звонок. Еще в клинике мой врач дала мне номер своего мобильного и попросила звонить при первой же необходимости. Я набрала нужные цифры, ждала целую секунду, а потом быстро дала отбой. *Нет. Не сейчас.*

Я забралась под стеганое покрывало и как следует укуталась. Спустя час я услышала, как вошел Этан. В его руке звенели ключи. Я повернулась и увидела, как он, словно робот, достал из гардероба свитер и вышел. Входная дверь громко хлопнула.

* * *

На следующее утро улицы по-прежнему были покрыты снегом, и синоптики предупреждали, что снегопад может продолжаться. Я прошла пешком до кафе «Лаванто», на этот раз в более подходящей обуви. Мы с Эбби договорились встретиться там в девять часов, и она уже ждала меня

за столиком у камина, в котором, к моей огромной радости, ярко горело пламя.

– Доброе утро, – поздоровалась Эбби, потягивая, как обычно, свой тройной американо.

– Привет, – ответила я, опускаясь на стул рядом с ней.

Моя подруга нахмурилась.

– Что у нас с лицом?

Я удрученно поставила сумку на пол.

– Этан.

– Прости, милая. Что на этот раз?

Я вздохнула.

– Ох, Эб, я даже не знаю, с чего начать. Все так плохо.

– Вам обоим крепко досталось. Такое не проходит бесследно.

Незамужняя Эбби была лучшим семейным психологом, которого я только знала.

– Ты права, – согласилась я. – Я не хочу его потерять, но как все исправить, я тоже не знаю. – Я замолчала и оглядела кафе. Доминик стоял за кофемашиной. – Этан снова встречался за ленчем с Кассандрой.

Эбби помрачнела.

– Эта женщина опасна, я так думаю.

– А то я не знаю, – бросила я и тут услышала слабое позвякивание телефона в сумке. – Извини, мне надо ответить.

Номер оказался незнакомым.

– Алло?

– Миссис Олдридж?

– Да.

– Это Джерри из фирмы «Ювелиры бухты Эллиотт». Вы можете забрать ваши часы. Специальный заказ прибыл из Нью-Йорка сегодня утром, – сказал мужской голос. Я совсем забыла о том, что месяц назад мне вдруг пришла в голову идея заказать часы для Этана. Весь прошлый год он мечтал о часах от Хьюго Аллена. В этих часах был секундомер, и он считал, что это пригодится для детских игр и занятий спортом. Часы для папочки. Приближался День отца, и мне показалось, что такой подарок в третье воскресенье июня заставит его улыбнуться. Что-то вроде оливковой ветви мира.

– О да, – ответила я, думая о том, что лучше бы я вообще не заказывала эти часы. – Я найду и заберу их.

– Может быть, вы хотите, чтобы мы сделали гравировку?

– Гравировку?

– Вы, разумеется, не обязаны ее заказывать, – пояснил мужчина, – но многим нашим клиентам нравится придать индивидуальность своему подарку. Он становится особенным.

– Вот как! Вы правы, – вяло отреагировала я.

– И какую же надпись нам сделать?

Что бы мне хотелось написать? Моему мужу. Мужчине, который ускользает от меня. Мужчине, которого, кажется, я совсем не знаю. Я покачала головой. Как выразить в одной фразе то, что у меня на сердце?

Клерк явно почувствовал мое замешательство.

– Может быть, вы подумаете об этом, а потом перезвоните нам?

У ювелиров шестое чувство, когда речь идет о любви.

– Да, это было бы лучше всего, – согласилась я. – Благодарю вас.

Я закончила разговор и посмотрела на Эбби.

– У меня ничего не вышло.

Подруга вопросительно посмотрела на меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Это был ювелир. Я купила Этану часы, – объяснила я. – Те самые дурацкие слишком дорогие часы, которые он где-то увидел. Я собиралась подарить их ему на День отцов. – Я засучила рукава, в полной мере ощущая жар камина. – Ювелир спросил меня, какую гравировку я хотела бы сделать, и я не смогла ничего придумать, Эбби.

Она открыла еще один пакетик сахара и высыпала его в свою чашку.

– Можно, я кое-что тебе скажу?

– Давай.

– Я не думаю, что его интересует Кассандра, – сказала Эбби. – Он хочет тебя.

– Я у него *есть*, – фыркнула я.

– Нет, дорогая, это не так. Ты не та девушка, на которой он женился. Ее давно нет, она утонула в печали.

Я внимательно смотрела на свои руки, лежавшие на коленях, и на кольцо с крупным бриллиантом на пальце. Эбби права. Я была леммингом^[2], который идет к пропасти, не в силах остановиться.

– Послушай, – продолжала Эбби, – вчера в офисе я увидела в твоих глазах то, чего не видела много месяцев. На мгновение ты снова стала прежней. Тебя что-то увлекло. Господи, Клэр, я так давно не замечала, чтобы ты чем-то интересовалась.

Я кивнула, успев почувствовать огонек эмоций до того, как он погас.

– Мне кажется, эта история, этот маленький мальчик тронули твою душу, – Эбби сделала глоток кофе. – Как звали малыша, напомни.

– Дэниел, – ответила я, глядя на пламя в камине, – Дэниел Рэй.

Тут кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулась и увидела Доминика, стоявшего у стола.

– Доброе утро, – радостно приветствовал он меня. – Надеюсь, я не помешал.

Он поставил передо мной чашку с какао, увенчанную высокой шапкой взбитых сливок.

– Я подумал, что вы не откажетесь от горячего шоколада.

Мои щеки горели. Я наверняка покраснела, но надеялась, что ни Эбби, ни Доминик этого не заметили.

– Спасибо, – поблагодарила я и указала на Эбби. – Вы знакомы?

Доминик покачал головой.

– Эбби – Доминик. Доминик – Эбби.

– Приятно познакомиться с вами, – Эбби улыбалась больше мне, чем ему.

Доминик опустил на одно колено и подбросил еще одно полено в камин.

– Надеюсь, вам не будет слишком жарко, – сказал он.

– Все замечательно, – заверила я его, снимая свитер. Я внимательно посмотрела на кирпичную кладку камина, вспомнив об изразце, который я заметила накануне. Теперь я могла рассмотреть его ближе. На нем была надпись «Паб Лэндера».

Я обратилась к Доминику:

– Откуда здесь этот изразец?

Он бросил взгляд на плитку.

– А, это! Когда-то здесь был паб или салун. Не помню точно, как в то время назывались подобные заведения. Оно пережило сухой закон, – Доминик указал на щербину в досках пола, который явно не ремонтировали. – Здесь собирались городские пьяницы. Полиция просто отправляла их всех сюда. Когда-то это было шумное местечко. У нас в мансарде еще осталась парочка старинных пивных бочонков и несколько глиняных пивных кружек.

Он провел рукой по камину, вытащил кусочек серого раствора.

– Но этот изразец особенный, – продолжал Доминик. – Видите эти инициалы? – он указал на уголок плитки с подписью «С.В. Иванов». – Это был один из лучших каменщиков в городе. Он сложил большую часть всех декоративных каминов в отеле «Олимпик» и в других исторических зданиях. Настоящий мастер. Разумеется, его работа была по-настоящему оценена только после его смерти.

– Кто знает? Возможно, отдел архитектуры заинтересуется его работой, – я вытащила блокнот и записала имя.

В эту минуту зазвонил колокольчик у двери, оповещая о появлении нового посетителя. Я почувствовала, как мои щеки обдало ледяным воздухом, несколько укротившим жар пылающего камина.

– Что ж, был рад снова вас видеть, – сказал Доминик, глядя прямо мне в глаза.

– Я тоже, – ответила я. Мужчина развернулся и направился обратно к стойке.

– *Кое-кто* к тебе неравнодушен, – звонким шепотом объявила Эбби.

Я отвернулась.

– Прекрати, пожалуйста.

– Ладно, ладно. – Моя подруга не стала настаивать. – Но, послушай, по крайней мере, у тебя есть поклонник.

– У тебя он тоже есть, – парировала я. – Или мне стоит напомнить тебе о Рике?

Мы обе расхохотались. Рик – нежный и, вне сомнения, из хорошей семьи – был давно и безнадежно влюблен в Эбби. Увы, он обладал очарованием краснолапой черепахи и к тому же жил с родителями.

Эбби допила свой кофе и потянулась за белым пухлым пуховиком. Она надела его, застегнула «молнию» и улыбнулась.

– Тебе не кажется, что я в нем похожа на парня из рекламы шин «Мишлен»?

– Хочешь услышать правду? – спросила я, стараясь не расхохотаться.

Она кивнула.

– Немного есть, – сказала я, хихикнув, – но зато тебе тепло.

Эбби широко улыбнулась.

– Что ж, пожалуй, парню из «Мишлен» пора отправиться в офис. Фрэнк дал мне задание: я должна кое-что найти для воскресного выпуска. И ты даже не представляешь, чем озадачила меня вчера вечером Кассандра.

Кассандра. Я поморщилась. В ее имени было что-то колючее. Мне всегда хотелось воскликнуть «ой!», если кто произносил его вслух.

– Эта женщина хочет собрать целый том сведений об итальянских ресторанах города в 1980-х и 1990-х годах, – продолжала Эбби. – Ресторанные критики слишком много о себе думают. Но, как бы то ни было, единственный результат моей работы на данный момент – это отчаянное желание съесть запеченные зити^[3].

Я усмехнулась.

– Удачи тебе.

Эбби через зал посмотрела на Доминика.
– Ты останешься здесь поработать?
– Нет, – ответила я, вставая. Встретившись взглядом с Домиником, я быстро отвернулась. – Я иду с тобой. Мы можем взять такси.

* * *

– Тук-тук.
Я подняла голову от компьютера и увидела Этана, стоявшего на пороге.
– Привет, незнакомка, – напряженно поздоровался он, протягивая мне огромный букет тюльпанов, розовых, белых, оранжевых и желтых. Завернутые в толстый пергамент и перевязанные шпагатом цветы ясно давали понять, что их купили на рынке Пайк Плэйс.
Я отчаянно заморгала, вдохнула аромат лепестков, позволяя их нежной сладости мгновенно опьянить меня.
– Они прекрасны, – сказала я, когда пришла в себя. – Спасибо.
– Я проходил через рынок и подумал о тебе, – объяснил Этан, усаживаясь в гостевое кресло. Высокому, широкоплечему, с каштановыми волосами, зелеными глазами и улыбкой, от которой подгибались колени, ему незачем было стараться быть очаровательным. Он им просто был. Внук патриарха газеты, Этан проходил практику на Восточном побережье, а когда много лет назад он появился в «Геральд» в качестве свежее испеченного ответственного редактора, я сразу же увлеклась им. И мое увлечение не прошло. Но теперь все было иначе. Когда-то мы безумно любили друг друга. И что теперь? Я даже вспомнить не могу, когда мы в последний раз были близки.
– Как это мило с твоей стороны. – Я произнесла это таким тоном, каким обычно разговариваю с коллегами. Услышав сигнал о том, что пришло письмо по электронной почте, я снова повернулась к компьютеру.
– О, у тебя аврал? – спросил Этан.
– Нет. Вернее, в некотором роде да. Фрэнк дал мне задание, и сейчас мне кажется, что я наконец нашла интересный аспект.
Этан резко встал.
– Что ж, тогда я не буду тебя отвлекать. Полагаю, мы увидимся сегодня на торжественном вечере?
– На торжественном вечере?
– Ты ведь не забыла, нет?

– Прости, – я смутилась, – но, кажется, забыла.

Этан нахмурился.

– Благотворительный фонд Рональда Макдональда устраивает гала-вечер, – объявил он. – Тот самый фонд, в совете которого состоят мои родители. Сегодня вечером моему деду вручат награду за достижения всей жизни. – Этан вздохнул. – Клэр, тебе об этом известно уже несколько месяцев.

Я действительно давно знала об этом. Но помнила смутно. Разговор об этом событии действительно был. Гленду, мать Этана, особенно беспокоило то, сумею ли я найти подходящее вечернее платье в пол. Я не ношу длинные платья, но мой слабый протест не мог убедить свекровь.

– О да, – равнодушно подтвердила я.

– Ты нашла платье?

– Нет.

– Ты сможешь надеть что-то из того, что у тебя есть?

Как это бестактно, особенно после того, через что мне пришлось пройти.

– Ты же знаешь, что я не могу влезть ни в одно из своих старых платьев!

Я произнесла это чуть громче, чем хотелось бы. Я опустила взгляд и утопила пальцы ног в ковролине. Я уже сожалела, что сорвалась на него. В конце концов, Этан действительно пытался мне помочь.

– Прости, – извинилась я, – твоя мать возненавидит меня за то, что я забыла о платье.

Этан скрестил руки на груди.

– Клэр, зачем ей тебя *ненавидеть*?

– Не беспокойся, – сказала я, раздражаясь еще сильнее. – Я обязательно буду на этом вечере. И не приду в бумажном пакете. Я заеду в «Нордстром» по дороге домой.

В глазах Этана промелькнула нежность.

– Клэр, – негромко начал он, – я долго думал, и я...

Я выпрямилась в кресле.

– Что?

– Ничего, – ответил он, быстро сменив тон на обычный деловой, которым мы всегда разговаривали в офисе. – Ерунда.

Муж вымученно улыбнулся мне и направился к двери.

Все утро я занималась поисками информации и быстро поняла, что найти мальчика, потерявшегося в 1933 году, не так-то просто. Сотрудница, ответившая по телефону в департаменте полиции, развеяла мои иллюзии на этот счет.

– Кого вы ищете?

– Маленького мальчика, – повторила я. – Он пропал в мае 1933 года. Насколько мне известно, его так и не нашли.

– Мэм, – ответила женщина, чавкая жевательной резинкой, – что вы хотите, чтобы я сделала? Вы хотите подать заявление?

Мне нетрудно было представить себе выражение ее лица.

– Нет-нет, – торопливо начала объяснять я, – я просто надеюсь, что вы можете проверить по своим архивам, есть ли сведения о Дэниеле или Вере Рэй.

Сотрудница вздохнула. Мои слова явно не произвели на нее впечатления.

– Мы не храним сведения такой давности.

– О! – Я опустилась в кресло.

– Послушайте, – наконец после долгого молчания произнесла женщина, – если вы не против поворочать тяжести, приходите в полицейское управление. Я могу проводить вас в наши архивы. Никто не будет возражать, если вы в них заглянете. У вас есть удостоверение представителя прессы, верно? Вы же из газеты?

– Да, из «Сиэтл Геральд».

– Отлично. Только постарайтесь, чтобы в вашей статье департамент выглядел достойно. Шеф выходит из себя, когда ругают его ведомство.

– Я постараюсь, – ответила я и повесила трубку, другой рукой сразу потянувшись за пальто.

* * *

– Удивлен, что вы сюда добрались, – улыбнулся младший офицер полиции. Он провожал меня по длинному коридору, который вел в архивы полиции в подвальном помещении. – Синоптики обещают, что после обеда выпадет не меньше пяти сантиметров снега.

Я указала на свои сапоги, на которых еще не растаял снег, и ответила на его улыбку.

– Это было непросто.

– Полагаю, у вас очень важное задание, не так ли?

Я кивнула.

– Да. По крайней мере, я так думаю.

– Так странно – буран весной, – продолжал он. – Одному из наших офицеров позвонила мать. Она живет в Сиэтле с рождения и говорит, что такой же буран был в мае в тридцатых годах.

– Я знаю.

– О, у вас есть родственник, который об этом помнит?

– Нет, но я пишу о маленьком мальчике, который пропал в тот самый день, когда случился снегопад.

– У меня самого трое мальчишек, – сказал офицер, – пять лет, три года и годик. – Он с сожалением покачал головой. – Не могу представить, каково это – потерять ребенка. И я даже подумать не могу, что бы случилось с его матерью. Она бы никогда от такого горя не оправилась, вот что я вам скажу.

Я кивнула.

– Ни одна мать не должна терять своего ребенка. – Я не сводила глаз с двери, обозначившейся впереди. – Думаю, именно поэтому эта история так важна для меня. Насколько я могу судить, этот маленький мальчик так никогда и не встретился со своей матерью. Я хочу узнать, что случилось.

Мы вошли в темную комнату, и офицер щелкнул выключателем. Над нашими головами зашипели и заморгали лампы дневного света.

– В каком году исчез мальчик?

Голос полицейского эхом отозвался среди серых бетонных стен.

Я вытащила из сумки блокнот, просмотрела записи.

– В тысяча девятьсот тридцать третьем.

– Нам сюда, – указал офицер. – Убийства вот в этом ряду, все остальное вон там, у стены.

Убийства.

Я оглядела полки, заставленные коробками, пытаюсь не думать о том, какие мрачные вещественные доказательства могут в них храниться. Одежда с пятнами крови. Орудия убийства. Кости. Я передернула плечами.

– Благодарю вас, – сказала я и направилась к полке с надписью «Пропавшие люди».

– Я буду в коридоре, если вам вдруг что-нибудь понадобится, – предупредил офицер, поворачиваясь к двери. Но спустя мгновение он уже снова смотрел на меня.

– Вы добрый человек, раз пытаетесь найти этого малыша.

Я пожала плечами.

– Я всего лишь выполняю свою работу.

Воспользовавшись стоявшей неподалеку стремянкой, я сумела

стащить несколько коробок с полки и начала перебирать хранящиеся в них папки, пока не дошла до буквы «Р». Я все просмотрела, но ничего не нашла. Я спустилась со стремянки разочарованная. Как он мог исчезнуть так, что не осталось ни одной записи?

Я оглядела верхнюю полку. Или я что-то пропустила? Я снова забралась на стремянку и принялась внимательно оглядывать полку в поисках важной коробки. Но все коробки стояли в алфавитном порядке, и среди них была лишь одна с буквой «Р». А что, если та коробка осталась без подписи? Я открыла следующую коробку под буквой «С». Ничего. Тогда я заглянула в коробку под буквой «П». В самом дальнем ее конце я заметила две папки с буквой «Р». Должно быть, они положили папки не в ту коробку. Я вытащила первую папку, прочитала ее и отложила в сторону. Мои пальцы застыли, когда во второй папке я увидела напечатанное на машинке имя маленького Дэниела Рэя.

Вера Рэй из Сиэтла сообщает, что ее сын, Дэниел Рэй, исчез. Последний раз его видели в квартире 2 в доме 4395 по Пятой авеню. Подозревается побег.

Как они могли так быстро прийти к выводу, что мальчик убежал? В три года дети не убегают из дома. Он был еще совсем маленьким. Нет, случилось что-то другое, страшное...

Я записала адрес, затем еще раз пробежалась по папкам, горя желанием найти еще какую-нибудь информацию. Но, потратив на поиски еще целый час, я так ничего и не обнаружила. Я вышла в коридор, и офицер проводил меня по лестнице наверх.

– Нашли что-нибудь? – спросил он.

– Да, – ответила я, выглядывая из двери на заснеженную улицу. – Адрес.

Мне оставалось только гадать, что ожидало меня там.

* * *

В два часа я вернулась в офис, надеясь сделать несколько телефонных звонков перед тем, как отправиться с визитом в бывший дом Дэниела Рэя и его матери Веры. Но я еще не успела поставить сумку на пол, как едва не налетела на Кассандру.

– О, привет! – поздоровалась она, стоя у моего отсека. На ней был

шелковый топ, и кружево черной комбинации выглядывало в прорезь застёжки.

– Привет, – откликнулась я, гадая, что она здесь делает. Но больше всего меня интересовало то, как ей удастся выглядеть такой свежей и идеальной. Чуть раньше мне удалось бросить на себя взгляд в зеркало в туалетной комнате, и я пришла в ужас от темных теней под глазами.

– Мы с Этаном только что вернулись с ленча в «Джанкарло» и принесли тебе кое-что, – сообщила Кассандра.

Мы с Этаном.

Я уставилась на маленький коричневый пакет, который она держала пальцами с идеальным маникюром.

Она поставила пакет на мой стол и заметила вазу с тюльпанами от Этана.

– Правда, они красивые? Мы проходили через рынок, и я сказала Этану, что он просто обязан купить их для тебя.

Мое сердце упало. Значит, цветы были ее идеей.

– Иногда мужчин нужно просто чуть-чуть подтолкнуть, – вещала Кассандра, накручивая на палец прядь длинных волос. – Мы же еще с тобой увидимся, правда? На торжественном вечере?

– Да, конечно, – без всякого выражения ответила я. – Увидимся вечером.

– Клэр, тебе действительно стоит попробовать это ризотто со спаржей. Оно было превосходным, – с этими словами Кассандра вышла.

Я кивнула, но не обернулась ей вслед, а потом швырнула пакет в мусорную корзину. В коридоре еще не стих звук ее шагов.

* * *

У меня было два часа свободного времени до начала подготовки к торжественному выходу. Поэтому я поспешила на улицу и остановила такси. Я назвала адрес водителю, гадая, что меня там ожидает. Старый многоквартирный дом? А вдруг мне повезет, и я найду кого-нибудь из жильцов, который помнит буран или маленького Дэниела?

Такси остановилось, а я настолько увлеклась поисками десятидолларовой банкноты в сумке, что не сразу обратила внимание на то, куда мы приехали. Но как только я взялась за ручку дверцы и подняла глаза, я просто ахнула от изумления.

– Прощу прощения, – пробормотала я, совершенно сбита с толку. Мы

припарковались рядом с кафе «Лаванто», его зеленый навес над входом был припорошен снегом. – Должно быть, я дала вам неверный адрес. Это ошибка.

– Сорок три девяносто пять, Пятая авеню, так? – уточнил водитель, глядя на табличку с адресом в окне кафе.

Я заглянула в блокнот.

– Как бы там ни было, у меня записан именно этот адрес.

Расплатившись с таксистом, я вышла из машины. На холодном воздухе мое дыхание мгновенно превратилось в пар.

В кафе было тихо, в кресле у камина сидел единственный посетитель. Доминика я нашла за стойкой. Он вытер столешницу посудным полотенцем и перебросил его через плечо.

– Захотелось какао во второй половине дня?

Я покачала головой.

– Если я вам расскажу, вы мне не поверите.

– Что ж, попробуйте.

Я вытащила папку из сумки, положила ее на стойку и открыла на том месте, где лежала вырезка из газеты 1933 года с расплывчатой черно-белой фотографией Дэниела Рэя.

– Этот маленький мальчик когда-то жил здесь, – объяснила я.

– Здесь?

Я посмотрела на потолок, представляя, как выстроен верхний этаж здания.

– Или, возможно, наверху. Квартиры были построены в начале XX века или даже раньше.

– Вполне вероятно, – отметил Доминик, внимательно вчитываясь в заметку. – Верхние этажи пустуют, только склад, но, пожалуй, там и в самом деле когда-то могли быть квартиры. Большинство зданий на этой улице были старыми доходными домами, в которых сдавали квартиры в аренду. Почти все они были перестроены под офисы или роскошные кондоминиумы.

Доминик с восхищением огляделся по сторонам.

– Я бы никогда не смог продать это здание.

Я улыбнулась.

– Но ведь вы не такой, как все.

Доминик явно смутился.

– Почему?

– Вы действительно любите это место, ведь так?

– Да, – просто сказал Доминик. – В каком-то смысле оно меня спасло.

Я пришел сюда работать, когда, как я думал, все потеряно, и даже не знал, что делать дальше. И теперь я владелец этого здания. Да я просто везунчик!

Я улыбнулась и указала на дверь, ведущую на верхний этаж.

– Та мансарда, о которой вы говорили мне вчера, – начала я, – не позволите ли вы мне на нее взглянуть? А что, если именно там располагалась квартира, в которой жили Дэниел и его мать?

– Пожалуйста, – Доминик с готовностью повел меня по коридору. Мы дошли до небольшой лестницы, слишком узкой, чтобы соответствовать нынешним строительным кодексам, и начали подниматься. Я шла следом за Домиником. Ступеньки потрескивали под нашими ногами. Мы вошли в помещение, которое в прошлом, несколько десятилетий назад, вполне могло бы быть маленькой гостиной. К нему примыкала крохотная кухня, давным-давно не видевшая ремонта. Шкафчики цвета слоновой кости выглядели совсем древними, старая фаянсовая раковина потрескалась и пожелтела от времени. Возле слива темнели пятна ржавчины.

Заметив еще одну маленькую лестницу справа, я взглянула на Доминика.

– А что там?

– Всего лишь маленькая комната, – ответил он. – На самом деле чердак. Там мы храним коробки с документами. Полагаю, когда-то там была спальня.

– Вы не возражаете, если я взгляну?

– Вовсе нет, – ответил он.

Лестница как будто прогибалась под каждым моим шагом. Когда я споткнулась на предпоследней ступеньке и едва не упала, Доминик успел подхватить меня. После пребывания в больнице я легко теряла равновесие и временами чувствовала себя как старушка.

– Спасибо, – немного нервно поблагодарила я своего спутника.

Я вошла в комнату и сразу обхватила себя руками, чтобы согреться.

– Простите, – извинился Доминик. – На этом этаже я не топлю. Сейчас нам приходится экономить деньги на всем. Да и старый владелец не стал тратиться на плинтусы, поэтому тепло мгновенно уходит.

Я подошла к единственному старому окну, которое выходило в проулок, внизу торчал большой пень. Потом повернулась к Доминику.

– Вы когда-нибудь чувствуете энергетику места?

Он кивнул.

– Честно говоря, – признался он, – в этой комнате у меня всегда появляются мурашки.

Я внимательно осмотрела стены со слоями отваливающейся краски и

остатками обоев прошлых десятилетий.

– Здесь ее буквально чувствуешь кожей, – сказала я.

– Кого чувствуешь?

Я снова вытащила из папки вырезку и посмотрела на фотографию мальчика.

– Печаль, она ощутима. Здесь случилось что-то плохое.

Доминик кивнул.

– Как вы думаете, что именно?

– Думаю, этого маленького мальчика, – я махнула страницей с фотографией Дэниела Рэя, которую держала в руке, – украли отсюда в 1933 году.

– Его нашли?

– Нет. То есть я не знаю.

Доминик улыбнулся.

– И вы, Шерлок, намерены отыскать его?

– В любом случае я собираюсь выяснить, что с ним случилось. – Я посмотрела на свои часы. Половина пятого. – Торжественный вечер! – Я едва не застонала. – У меня всего час, чтобы купить платье и попасть на очень важное мероприятие.

– Я был знаком с немалым количеством женщин, – усмехнулся Доминик, – но мне до сих пор не встретилась та, которая смогла бы купить платье и одеться меньше чем за час.

Я в смятении запихнула папку обратно в сумку.

– Что ж, я бы вас поразила.

– Может быть, я могу вам помочь? – спросил он, как только мы спустились по лестнице.

– Помочь мне? Если только вы сошьете мне платье...

– Я вас подвезу, – предложил Доминик, протягивая мне мотоциклетный шлем. – Наденьте это. Сегодня я закроюсь пораньше. Я довезу вас до универмага «Нордстром» быстрее, чем такси.

– В такой снег?

– Доверьтесь мне, – сказал Доминик, надевая другой шлем. – Я водил байк и в куда худших условиях. И потом, улицы уже посыпали песком. Все будет отлично.

– Ладно, – после некоторого замешательства согласилась я и пошла следом за ним к задней двери.

Даже на небольшой скорости ледяной ветер насквозь пронизывал мое пальто, и я инстинктивно крепче прижалась к Доминику.

– Холодно? – спросил он, перекрикивая шум мотора, который ревел так громко, что дети, возившиеся на тротуарах со снеговиками, оборачивались.

– Все в порядке, – ответила я, хотя это не было правдой. А что, если Этан увидит меня? Что он скажет? Разве следовало мне, замужней женщине, ездить на заднем сиденье мотоцикла с парнем, которого я едва знаю? Но тогда по какому праву он снова встречался за ленчем с Кассандрой? Счет равный.

Доминик свернул на парковку перед «Нордстромом», и мы слезли с мотоцикла и привязали шлемы к сиденью.

– Не хотите взять с собой еще пару глаз?

Я улыбнулась.

– В самом деле? Вы действительно собираетесь идти вместе со мной покупать платье? Думаю, мой муж скорее согласился бы остаться без глаз, чем решился бы на такое.

– У меня четыре сестры, – объяснил Доминик, – для меня «Нордстром» – дом родной.

Я бросила взгляд на витрину, посмотрела на манекен в серебристом платье и почувствовала, как мое сердце затрепетало от страха. Ну почему мне так сложно это сделать? Это всего лишь шопинг и ничего больше. Ну почему при мысли о примерке платья я начинаю так нервничать? Я посмотрела в добрые глаза Доминика и вдруг обрадовалась тому, что он рядом. Более того, мне хотелось, чтобы он был рядом.

– Да, – ответила я и улыбнулась. – Я была бы рада вашей помощи. У меня полностью отсутствует чувство стиля. И моя свекровь разорвет меня на куски, если я не найду подходящий наряд. И давай перейдем на «ты».

– Идет! Я обо всем позабочусь, – пообещал Доминик и галантно распахнул передо мной дверь.

Мы вместе поднялись на эскалаторе на второй этаж в отдел готового платья и прочесали его весь в поисках подходящего наряда.

– Как насчет этого? – Доминик показал мне длинное черное платье с блестками.

– Слишком облегающее, – я неодобрительно покачала головой. – В нем я буду напоминать колбасу.

Доминик быстро сменил ориентиры и снял с соседней вешалки голубое платье.

– Вот это очень милое.

Я кивнула.

– Согласна.

– Голубой – твой цвет.

Я подняла руку, чтобы был виден браслет. Золотая цепочка с тремя сапфирами засверкала под лампами магазина. Этан подарил мне его на мое тридцатилетие. Я никогда не забуду, как он сиял от гордости, застегивая украшение на моем запястье.

– Отличное сочетание, – одобрил Доминик. – Иди примерь платье.

Я схватила вешалку и быстро прошла в примерочную. В зеркале я на мгновение увидела свое обнаженное тело, но потом его скрыло платье. Я быстро отвернулась. Господи, как же я могла забыть? Сегодня 3 мая. Годовщина того ужаса, что случился год назад.

На глаза навернулись слезы. Я вдруг почувствовала непреодолимое желание как можно быстрее одеться в свою одежду, выбежать из примерочной и бежать до тех пор, пока не окажусь в безопасности, в своей квартире. Я бы свернулась калачиком в кровати. Таблетка снотворного приглушила бы боль. У меня в аптечке еще осталось несколько штук в том флаконе, который мне выписал врач. Но тут на моей руке снова сверкнули сапфиры. Я подумала об Этане и о своем обещании быть на вечере. Я решительно застегнула «молнию» на платье и пригладила ткань там, где она немного морщила, – по бокам. Я смогу это сделать.

Я едва узнала женщину, которая смотрела на меня из зеркала, потому что весь прошедший год я носила только мешковатую одежду. Я почти забыла о том, что у меня есть *фигура*. Открыв дверь примерочной, я вышла в зал.

– Ты выглядишь... сногшибательно, – оценил Доминик, терпеливо ожидавший моего появления. – Это то, что нужно.

– Ох! Через пятнадцать минут я должна быть в отеле «Олимпик».

– Иди прямо в платье, – предложил Доминик. – На кассе они отрежут ценник.

Я улыбнулась, показывая на свои желтовато-коричневые сапоги.

– Полагаю, мне стоит подобрать и какие-нибудь туфли.

– Точно, – усмехнулся он.

* * *

Я попрощалась с Домиником и взяла такси до отеля «Олимпик». Этан уже ждал меня, меряя шагами вестибюль под свисающей с потолка

старинной люстрой изысканной работы. Я мгновенно расшифровала выражение его лица: наивысшая степень раздражения.

– Вот, наконец, и ты, – приветствовал он меня, глядя на часы. – Ты понимаешь, что опоздала на полчаса?

– Я тоже рада тебя видеть, – с сарказмом ответила я, проводя рукой по краю платья, чтобы убедиться в том, что все ценники срезаны.

Этан нахмурился.

– Ну почему тебе нужно быть такой...

Я скрестила руки на груди.

– Какой *такой*?

– Ты всегда обороняешься и всегда злишься.

Я вздохнула.

– Клэр, – продолжал Этан, – день был долгим. Может быть, мы пройдем в зал и сядем? Притворимся, что у нас все хорошо? Хотя бы на один вечер?

Я почувствовала ком в горле.

– Ты ведь все забыл, верно?

– Что именно?

– Ты не помнишь, какой сегодня день. – Я попыталась встретиться с ним взглядом.

Он посмотрел на бальный зал, потом снова на меня, явно раздосадованный.

– Я не имею представления, о чем ты говоришь, но если мы не пойдем в зал, то пропустим...

– Сегодня ровно год...

Я почти прошептала эти слова, воспоминание было слишком важным, чтобы меня слышали посторонние.

Лицо Этана мгновенно изменилось. Исчезла резкость, оно смягчилось. Он шагнул ко мне.

– О, дорогая, прости. – Муж приобнял меня. – Как же я мог об этом забыть...

– Что ж, – я смахнула слезу, – возможно, ты был слишком занят, встречаясь за ленчем с Кассандрой.

Этан снова напрягся.

– Клэр, не смей меня. Послушай, давай войдем и сядем. Мы можем поговорить позже.

Меня резанул его тон, но и мой собственный тон мне тоже не понравился. Холодный. Бесчувственный. С какого времени мы стали постоянно ссориться? Мой взгляд упал на черные лодочки, которые совсем

недавно мне помог выбрать Доминик, потом снова подняла глаза на Этана. А что, если я возьму и просто поцелую его сейчас? Обнимет ли он меня так, как обнимал когда-то? Меня охватила печаль.

– Ты винишь меня за то, что случилось, – еле слышно произнесла я. *Ну вот, я это сказала.*

– Перестань, Клэр. Неужели ты серьезно в это веришь?

– Не делай вид, будто ты на меня не сердишься, – продолжала я. – Знаю, ты думаешь, что во всем виновата я. Я вижу это в твоих глазах каждый раз, когда смотрю на тебя.

– Клэр, это нечестно.

– Видишь, ты этого не отрицаешь.

Этан опустил взгляд.

– Я...

Мы оба подняли глаза, когда услышали приближающиеся шаги.

– Вот ты где, Этан, – протянула Кассандра, держа два бокала с шампанским. Ее золотистое платье с блестками облегло тело, выгодно подчеркивая все изгибы. На мне никогда ни одно платье так не сидело. – У вас все в порядке? Твоя мать попросила меня найти тебя. Твой дедушка вот-вот поднимется на сцену.

Этан кивнул.

– Спасибо, Кассандра. Я...

– Я как раз собиралась уходить, – вставила я. Направляясь к двери, я крепко сжимала браслет. Я остановила такси, села на заднее сиденье и отвернулась от окна. Я не могла позволить им увидеть мои слезы.

Глава 7

Вера

Чарльз

Я с легкостью вспомнила его лицо, хотя прошло уже четыре года с тех пор, как я влюбилась в его добрые глаза, мужественный подбородок, в его улыбку, которая мгновенно очаровала меня.

Мы не должны были встретиться. Честно говоря, мне вообще не следовало бы с ним встречаться. Чарльз был слишком хорош для меня. Ведь он был из высшего общества. Это понимали все. Все, кроме него. Он был богатым, из аристократической семьи, слишком крупная добыча для такой девушки, как я, – бедная дочь рыбака. Но в тот вечер Кэролайн уговорила меня пойти на открытие самого фешенебельного отеля, которые когда-либо видел Сиэтл. И там за двойными дверями, в большом вестибюле под хрустальной люстрой, стоял он и курил сигару, а вокруг суетились официанты, носившиеся туда-сюда с тяжелыми подносами с закусками. Вокруг было полно хорошеньких женщин, нарядных, завитых и напудренных. Но неизвестно почему, он смотрел только на меня.

– Иди же, – прошептала Кэролайн.

Я избегала его взгляда, чувствуя себя полной дурочкой.

– Давай войдем внутрь.

Я нахмурилась.

– Ты же знаешь, что им достаточно будет только взглянуть на нас с тобой, и нас сразу отсюда выставят.

– Глупости, – парировала Кэролайн. – Ты только посмотри на себя – в этом платье ты просто великолепна!

Она была права. Мы действительно надели наши лучшие наряды. Издалека наши сшитые вручную платья легко было принять за платья для эмансипе, творения Шанель, но при ближайшем рассмотрении истина становилась очевидной. Мы были девятнадцатилетними девушками без гроша в кармане.

Я вздохнула.

– Ладно, – уступила я. – Идем, но ты уверена, что мы не попадем в неприятности?

– Разумеется, все будет хорошо, – пожалуй, слишком уверенно ответила Кэролайн, взяла меня за руку и увлекла за собой ко входу.

Швейцар подозрительно посмотрел на нас.

– Вы кто?

– Я мисс Элла Вентуорт, а это моя кузина-дебютантка Джильда из Атланты, – бойко ответила Кэролайн.

Я опустила глаза, подыгрывая ей и пытаюсь сдержать смех. *Неужели она не могла обойтись без слова «дебютантка»?*

Мужчина посмотрел в свой блокнот.

– Простите, но вас в списке нет.

– Какая неприятность! – протянула Кэролайн. – Папочка будет очень расстроен, когда услышит об этом. Вы ведь знаете, кто мой отец, правда?

Швейцар покачал головой.

– Александр Вентуорт, – гордо подняла голову моя подруга. – Из фирмы «Недвижимость Вентуорта». – Кэролайн подняла глаза и посмотрела на высокое здание. – Он вложил так много денег в эту собственность. Очень жаль, что список гостей составлен ненадлежащим образом.

Она вздохнула и натянула золотую цепочку, украшавшую шею.

– Мне придется поговорить с папочкой об этом.

– Подождите, подождите, – засуетился швейцар. – Я уверен, что это всего лишь недоразумение. Прошу вас, входите, мисс Вентуорт. И передайте наши самые искренние извинения вашему отцу.

– Непременно передам, – Кэролайн царственно кивнула, когда мы проходили мимо швейцара.

Оказавшись на роскошной вечеринке, Кэролайн сразу взяла бокал пунша с подноса у официанта и протянула его мне, потом взяла бокал и себе тоже.

– Вот так это делается, – объявила она и сделала глоток.

– Кэролайн, – прошептала я, – ты сошла с ума.

Она хихикнула, прикрываясь бокалом.

– Брось! Давай немного повеселимся.

Я покачала головой.

– Думаю, нам лучше уйти отсюда.

Она посмотрела на меня и со смехом откинула голову назад.

– И пропустить лучшую вечеринку сезона? Ну уж нет!

Я посмотрела на изысканно одетых женщин вокруг нас. Все-таки стоило пришить еще ряд бахромы по краю моего платья. Оно выглядело слишком простым на фоне атласа и кружев.

– Мы здесь чужие, – негромко сказала я Кэролайн.

– Да перестань ты! – ответила она, не желая поддаваться моей

панике. – И посмотри туда.

Она указала на двух мужчин, которые стояли недалеко от нас. Я снова увидела мужчину, с которым встретилась взглядом несколько минут назад. Он смотрел на меня и сиял улыбкой, поэтому я сразу же отвернулась.

– Пожалуй, стоит подойти к ним и поговорить, – решила Кэролайн, игриво накручивая на палец свой локон.

– Кэролайн! – Я дернула ее за руку и вывела в зал слева от нас, где люди собрались вокруг рояля. – Что за бес в тебя вселился?

Кэролайн ухмыльнулась.

– Послушай, давай просто повеселимся. И потом, мне нравится идея провести вечер с *богатыми* мужчинами.

Я покачала головой.

– Я здесь не останусь и...

Я замолчала, почувствовав прикосновение к своему плечу. Обернувшись, я увидела двух мужчин из вестибюля.

Один из них, тот самый, в сером костюме, улыбнулся.

– Вы здесь не останетесь и...? Договаривайте.

Я покраснела.

– Нет, ничего, – пробормотала я, в панике глядя на Кэролайн, но ее вниманием уже завладел другой мужчина.

– Меня зовут Чарльз, – представился мой собеседник и протянул руку. Я послушно пожала ее, но, едва прикоснувшись к ней, вдруг почувствовала, что мне не хочется ее отпускать. – А как зовут вас?

– Вера, – сказала я, глядя в сторону, чтобы не попасть под гипноз его взгляда. – Вера Рэй.

Чарльз жестом указал на два кресла с высокими спинками, стоявшие у камина справа от нас.

– Не желаете ли присесть?

Я взглянула на Кэролайн, надеясь на ее одобрение, но она была слишком поглощена разговором с приятелем Чарльза, чтобы заметить мой взгляд.

– С удовольствием, – нервно сказала я. До этого момента я общалась с мужчинами только из рабочего класса. Костюм Чарльза, его чистые ухоженные руки подсказали мне, что он совсем из другой породы. Я беспокоилась о том, что при более близком знакомстве он сочтет меня неподходящей парой. Я радовалась тому, что в зале приглушенный свет, поэтому убогость моего платья и царапины на туфлях были не так заметны.

– Неплохая вечеринка, – сказал Чарльз, оглядывая комнату.

– Да, в самом деле, – ответила я, крепко вцепившись в сумочку.

Он долго смотрел на меня. И я почувствовала себя неуютно.

– Знаете ли, – продолжал Чарльз, – мне кажется, что я вас раньше не видел. Вы ведь не были на открытии Музея искусств в прошлом месяце?

– Нет, – тревожно ответила я.

Чарльз выглядел довольным.

– Что ж, вы не много потеряли. Там было довольно скучно. – Он нагнулся ко мне поближе. – Вы умеете хранить тайны?

Я нерешительно кивнула.

– Я ненавижу подобные сборища. Но мой отец настоял, чтобы я сюда пришел.

– Моя подруга тоже настояла на том, чтобы я пришла, – ответила я с улыбкой.

Чарльз опустил подбородок на руку и усмехнулся.

– По-моему, мы отличная пара, не так ли?

Мои щеки вспыхнули.

Он отбросил прядь волос со лба.

– Честно говоря, я бы предпочел оказаться в любом другом месте, только не здесь, – Чарльз указал на мужчину примерно его возраста, который вдалеке вытирал стол. – Я ему завидую.

Я ошеломленно посмотрела на него.

– Почему?

– Потому что он свободен, – просто сказал Чарльз.

– А вы нет?

Он потянул за воротник своей крахмальной сорочки так, словно это был ошейник.

– Не совсем. Я должен сыграть свою роль, от меня этого ждут. Мистер Чарльз Кенсингтон второй.

– Я отдаю должное вашему имени, и многие люди пошли бы на убийство, только бы оказаться на вашем месте, – сказала я.

– И очень скоро они бы поняли, что оно не так уж сладко. – Он вздохнул. – Я бы предпочел быть фермером.

– Вы? Фермером?

Его глаза засияли.

– Я бы выращивал такую кукурузу, чтобы в ней можно было затеряться. Вы знаете, что в Калифорнии выращивают кукурузу? Стебли ростом с меня, а поле не охватишь взглядом.

Я покачала головой.

– Что ж, именно этим я предпочел бы заниматься, если бы мог выбрать другую жизнь. А вы? – В его глазах светилась неподдельная искренность. –

Вы счастливы?

Я смущенно разгладила платье. *Он что, видит меня насквозь? Значит, что я не из этого круга?*

– Почему бы мне не быть счастливой? – ответила я чуть более агрессивно, чем намеревалась.

Оркестр заиграл медленную мелодию, и несколько пар поднялись с кресел, чтобы потанцевать. Чарльз застенчиво посмотрел на меня.

– Давайте потанцуем.

Мое сердце чуть не выскочило из груди. *Танцевать? Я? Я покачала головой.*

– Прошу прощения, нет.

– О! – Чарльз явно обиделся. – Обещаю вам, что я вас не съем.

Я отвернулась, пытаюсь придумать отговорку.

– Нет, дело не в этом, просто...

– Скажите мне, – он говорил очень нежно, – чего вы боитесь? Нет, позвольте, я сам угадаю. Вы помолвлены?

Он театрально прижал руку к сердцу, как будто стрела Купидона только что пробила лацкан его визитки.

– Нет, – я невольно улыбнулась. – Я просто... не умею.

– Чего вы не умеете?

– Я не могу *танцевать*, – прошептала я.

Чарльз явно удивился.

– И всего-то? – Он взял меня за руку. – Идемте. Я вас научу.

Мое сердце стучало как у зайца, когда Чарльз вел меня по натертому паркетному полу. Я огляделась по сторонам и увидела, насколько грациозно и элегантно двигаются пары вокруг нас. Я могла бы станцевать джиттербаг^[4], но это? Я была как корова на льду.

Чарльз положил мою левую руку к себе на плечо, взял правую руку в свою. Я оказалась к нему так близко, что почувствовала тепло его тела.

– Это вальс, – объяснил он. – Все просто. Повторяйте за мной.

Через несколько минут я уловила ритм, и мы заскользили по сверкающему паркету. Чарльз вел меня с такой точностью, что с лихвой компенсировал мое неумение танцевать этот танец.

– Вы просто рождены для танцев, – с улыбкой произнес он, не сводя с меня теплых зеленых глаз.

Я просияла и отвернулась.

– Что ж, за это мне следует поблагодарить вас.

Чарльз с любопытством посмотрел на меня, твердо решив продолжить разговор.

– Скажите мне, мисс Рэй, из какой вы семьи? Фамилия Рэй мне незнакома. Ваш отец занимается недвижимостью?

Я высвободила свою руку и резко остановилась.

– Мне пора уходить.

– Прошу прощения, я сказал что-то не то?

Я бросила взгляд туда, где, как я думала, должна была стоять Кэролайн, но в наполненной табачным дымом, плохо освещенной комнате я ее не увидела. Что я здесь делаю? Это место не для меня.

– Мне очень жаль, – торопливо произнесла я, поворачиваясь к дверям. – Доброй ночи.

Я пробежала через толпу людей, прокладывая себе путь через вестибюль и отчаянно ища Кэролайн. Может быть, она и могла общаться с богатыми не моргнув глазом, но я притворяться не умела.

– Прошу прощения, – бормотала я, пробираясь через группу мужчин, куривших сигары. Я сделала еще один шаг и налетела на горничную отеля, которую я мгновенно узнала. – Гвен?

Она ошарашенно на меня посмотрела.

– Вера? Что *ты* здесь делаешь?

Я вздохнула.

– Кэролайн убедила швейцара впустить нас.

Гвен подняла бровь.

– Эта штучка сумеет уговорить и норку отдать ей свой мех.

Я покачала головой.

– Здесь очень красиво и все такое, но... Я просто не могу делать вид, что я одна из них. – Я обернулась и посмотрела на гостей. – Мне здесь не место.

– Может быть, и так, но только у тебя, кажется, появился поклонник, – сказала Гвен.

Я обернулась и увидела, что к нам приближается Чарльз.

– Быстрее, помоги мне спрятаться.

Она пожала плечами и повела меня по коридору. Мы обе юркнули в кладовку для горничных. Я отодвинула в сторону швабру, чтобы было больше места.

– Все в порядке, – Гвен закрыла за нами дверь. – И почему это ты прячешься от самого завидного холостяка в Сиэтле?

– Ты о Чарльзе?

– Да, чудело ты эдакое, – со вздохом ответила она. – Его отцу принадлежит половина города. И этот отель тоже.

– Что ж, тогда я избавлю его от разочарования. Он бы все равно узнал,

что я не девушка из высшего общества.

– Милая, – фыркнула Гвен, – прости за такую откровенность, но я уверена, что он и так уже давно понял, что ты девушка не из высшего общества.

Безжалостный свет в кладовке не мог скрыть дыру на носке моей правой туфли.

– Ох!

– Но ему определенно на это наплевать, – продолжала Гвен. – Ты могла ему понравиться и такая, какая ты есть.

– Гвен, ты очень добрая, но ты точно сошла с ума, – я сжала ее руку. – Я иду домой. Здесь есть черный ход, которым я могла бы воспользоваться?

– Да, – ответила она, открывая дверь и указывая в конец коридора. – Иди вон туда.

– Спасибо. И если увидишь Кэролайн, не могла бы ты незаметно предупредить ее, что я ушла?

– Я все сделаю. Передам ей записку в черной икре, – усмехнулась Гвен.

Я прошла по коридору и открыла дверь, которая вывела меня в проулок. Я сделала пару шагов и буквально подпрыгнула на месте, услышав у себя за спиной деликатное покашливание. Я обернулась и увидела Чарльза, который стоял, прислонившись к стене здания, и застенчиво улыбался.

– А вот и вы, – произнес он. – Я подумал, что вы убегали от меня.

– Так и есть, – честно призналась я.

Он шагнул ко мне.

– Я должен знать, *что* в моих словах так вас напугало? Я чем-то огорчил вас?

– Послушайте, – начала я, – у вас неправильное представление обо мне. Я не дебютантка. Я не ходила в старшие классы школы. И меня никто не приглашал на открытие отеля.

Чарльз пожал плечами.

– И вы думаете, что это имеет для меня хоть какое-то значение?

Я помолчала, внимательно вглядываясь в его лицо, честное и доброе.

– Вам все равно?

– Я не выношу светских девиц, – ответил Чарльз, махнув рукой в сторону отеля. – Они все одинаковые. Если вы позволите, я хотел бы узнать вас получше. Давайте начнем все сначала.

Я улыбнулась и протянула руку.

– Я Вера Рэй. Рада с вами познакомиться.

Глава 8

Клэр

Такси подъехало к подъезду моего дома, заскользило вперед по обледеневшей улице и наконец резко остановилось. В свете уличных фонарей блески на моем платье переливались, как рыба чешуя. Я вздохнула, жалея, что на мне не джинсы и футболка.

– Повезло парню, – бросил таксист, разглядывая мое платье.

– Простите?

– Тому, с кем вы встречаетесь сегодня вечером, – пояснил он.

Видимо, водитель не заметил моих покрасневших глаз и лица, залитого слезами.

– Да, наверное. – Я пожала плечами, протянула ему двадцатку и вышла из машины. – Он уже забыл о моем существовании, – прошептала я, когда такси отъехало.

Джин открыл передо мной дверь, и я подобрала подол платья, чтобы оно не зацепилось за порог.

– Пришли домой пораньше? Я думал, что вы с Этаном на...

– Вы же знаете, что я не люблю всю эту шумиху и гламур, – поспешила ответить я, чтобы швейцар замолчал. – И потом, это платье такое колючее...

Джин взглянул на мое лицо.

– Клэр, как ваши дела? – спросил он, его большие глаза светились добротой. – После несчастного случая, – запинаясь, продолжил швейцар, – вы сама не своя.

Я кивнула.

– Вы правы, так и есть.

Он обнял меня за плечи сильной рукой. Ему удивительным образом удалось освободить меня от брони, чтобы я почувствовала то, что копилось у меня внутри, чтобы ощутила все те чувства, которые я так отчаянно пыталась спрятать. – Сегодня ведь годовщина, верно?

– О, Джин, – всхлипнула я, – иногда я думаю, что мое сердце вот-вот разорвется.

– Дайте себе волю, – сказал он, поглаживая меня по волосам, – так говорил мне отец, когда я был маленьким. – Вы слишком долго носили эту тяжесть в себе. Выпустите ее наружу.

Я закрыла глаза, поддаваясь воспоминаниям, хлынувшим, словно грязевой поток, разрушающим тот маленький мир, который я создала для себя, срывая эмоциональные доспехи, которые защищали меня и не давали чувствовать боль прошлого. Я закрыла глаза и начала вспоминать.

Годом раньше

– Розовый или голубой? – спросил Этан, утыкаясь носом в мою шею сзади.

Я повернулась к нему и увидела, что в каждой руке он держит крошечный комплект: голубой свитер со светло-голубыми ползунками в одной руке, а в другой – розовое платьице с оборочками и белые колготки. Мое сердце затрепетало.

– В любом случае этот ребенок будет хорошо одет.

Этан посмотрел на розовый наряд и улыбнулся.

– Думаю, что это будет девочка.

Я покачала головой.

– Мальчик.

Он притянул меня ближе, любовно поглаживая мой огромный живот. Мы решили не узнавать заранее пол ребенка – пусть это будет сюрпризом – несмотря на протесты наших родственников, особенно родителей Этана.

– Ты знаешь, как сильно я люблю тебя? – прошептал Этан.

Я просияла, крепко поцеловала его в щеку и тут заметила свои кроссовки для бега, стоявшие у двери.

– Я собираюсь немного пробежаться перед ужином.

Этан нахмурился.

– Клэр, думаю, тебе не стоит этого делать. Ты даешь себе слишком большую нагрузку.

Не буду отрицать: женщина на восьмом месяце беременности, с огромным животом, которая бежит трусцой по улицам Сиэтла, не раз шокировала прохожих. Но я много читала о беге трусцой во время беременности, и все источники утверждали, что это, как правило, безопасно. И хотя мой врач не была в восторге от того, что я планировала продолжить мои пробежки по шесть километров в третьем триместре беременности, она их не запретила. Я останавливалась, если чувствовала, что действительно задыхаюсь, и поддерживала правильный водный баланс. Кроме того, я бегала всю свою жизнь, и перестать бегать трусцой для меня

означало все равно что перестать дышать.

– Этан, – запротестовала я, – ты же знаешь, что доктор Дженсен говорит, что во время беременности можно бегать трусцой.

– Да, возможно, в самом начале беременности, но на восьмом месяце это уж слишком.

– Не волнуйся, ребенок не вывалится, – со смехом ответила я и погладила Этана по руке. – Милый, все будет в порядке.

Я потянулась за моим iPod, надела наушники.

– Вернусь через полчаса, – пообещала я, прежде чем муж успел сказать хотя бы слово.

Выходя на тротуар, я помахала рукой Джину. Сияло майское солнце. Теплый воздух коснулся моих щек, я прибавила громкость и неспешно побежала. Когда я пробегала мимо Джеймс-стрит, ребенок толкнулся у меня в животе, и я задумалась над тем, каково будет бегать трусцой и везти прогулочную коляску с малышом. Я знала, что привыкну к этому. Я представила себе, каким станет мое утро с ребенком на руках.

С ребенком.

С моим маленьким мальчиком. Или с маленькой девочкой, как предсказывал Этан. Мое сердце забилось быстрее, слишком быстро на этот раз, поэтому я замедлила бег и глубоко вдохнула морской воздух, соленый и свежий, прилетевший из бухты Эллиотт. Я громче включила музыку, затем вернулась к привычному темпу. И в эту минуту краем глаза я заметила машину. Красную машину. Она оказалась близко. Слишком близко. Я рванулась влево. Моя левая нога попала в широкую трещину на тротуаре. На мгновение мне показалось, что я лечу, скольжу по воздуху, став невесомой, пока крыло машины не врезалось в меня. Удара я не почувствовала, почти не почувствовала. Мое тело приглушило боль. Только глубоко внутри я ощутила какое-то давление, и как будто что-то лопнуло. А потом все погрузилось во мрак.

* * *

Я открыла глаза и зажмурилась. Яркий свет над головой заставил меня прищуриться. Этан сгорбился на стуле справа от меня, мама – слева. Оба были в голубых хирургических халатах и шапочках. Комната расплывалась у меня перед глазами, и я на мгновение крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза. Картина немного прояснилась. Почему я не чувствую ног?

– Этан, – прошептала я, – что случилось? Мои ноги... Они онемели.

Что происходит? Я бегала трусцой...

Память возвращалась ко мне, сначала медленно, и вдруг я отчетливо вспомнила, как машина ударила меня.

– Ма... Машина, – запинаясь, проговорила я. – Меня ударила машина. Этан... Ребенок!

Я опустила глаза на живот. Он стал заметно меньше. Я запаниковала, положила на него ладони. Живот был мягким, каким-то вялым, пустым. Я застонала.

– Где мой ребенок? Где мой ребенок? Куда они унесли ребенка? Принесите его мне!

Я села и, хотя мои ноги оставались безжизненными и онемевшими, я метнулась к краю кровати, намереваясь встать и найти своего ребенка.

Этан бросился ко мне, осторожно прижал мои руки к кровати.

– Нет, Клэр, – нежно сказал он. Я услышала в его голосе горестные нотки. – Ребенок...

– Замолчи! – крикнула моя мать. Я повернулась к ней, но она смотрела только на Этана. – Она еще не готова. Дай ей время.

Мой муж покачал головой.

– Нет, она должна знать...

Он повернулся ко мне, и я, посмотрев на него, сразу все поняла. Ему незачем было что-то говорить. Все стало ясно. Пока слова, которым было суждено навсегда изменить мою жизнь, срывались с его губ, я таращилась на белую стену.

– Ребенок этого не выдержал.

Комната поплыла перед моими глазами.

Он сел на стул рядом с кроватью.

– Я держал...

– Нет! – крикнула я. – Ничего не говори!

Этан посмотрел на меня глазами, полными слез.

– Почему? Или ты не хочешь узнать, кто у нас был, мальчик или девочка? Тебе не интересно, что я успел немного подержать наше дитя на руках, прежде чем...

– Прекрати. – Я зарыдала, утыкаясь лицом в подушку.

– Они принесли малыша тебе, – продолжал Этан, вытирая слезы со щеки. – Ты была без сознания, но ты...

– Замолчи, – выкрикнула я, – это невыносимо.

Я посмотрела вниз и заметила пятно крови на своей груди. Меня затрясло так сильно, что прибежала сестра и вонзила иглу в вену на руке. Прохладная жидкость из шприца побежала по сосудам. Когда мое тело

обмякло, я будто бы провалилась в небытие, но разум подстроил мне ловушку: меня терзали мысли о ребенке, которого я никогда не узнаю, и о муже, который, как я боялась, винил меня в том, что мы потеряли малыша.

Глава 9

Вера

Прошло шесть дней, как исчез Дэниел. Шесть дней с тех пор, как небеса опустили на город белое покрывало и навсегда изменили мой мир. Днем я ходила по улицам в поисках сына, ночью несла вахту в крошечной квартире Кэролайн, молилась и надеялась на чудо.

– Ева! – рявкнула Кэролайн, стоило ей только переступить порог около семи часов утра. Она выглядела усталой, лицо стало серым. Во время двенадцатичасовых ночных смен на фабрике перерывы не предусматривались. – Иди и принеси маме кусочек сыра из холодильника, – сердито сказала она, ставя сумочку на пол у камина и опускаясь рядом с ней. Я подвинула ноги, чтобы освободить ей место на кушетке, но Кэролайн этого не заметила. Или, возможно, она слишком устала, чтобы снова встать.

– Но, мама, – Ева испуганно посмотрела на меня, потом снова на мать.

– Ева, что я тебе сказала? Принеси мне сыр, – Кэролайн повернулась ко мне и вытянула правую руку. Она тряслась так сильно, что я вздрогнула. – Зарплата только завтра. Я ничего не ела со вчерашнего дня, – она указала на окно. – Хоть бы этот проклятый снег наконец прекратился.

– Но, мама, – снова подала голос Ева, – тетя Вера... съела сыр.

– Прости меня, пожалуйста, – быстро вмешалась я, пока Кэролайн не успела ответить, – там и правда ничего не осталось. Большую часть я дала Еве. Оставался всего лишь кусочек, и я...

Кэролайн подтянула колени к груди и закрыла лицо руками.

– Все в порядке, все в порядке, – пробормотала она, и сухой короткий всхлип прорвался через ее пальцы. – Я не знаю, сколько мы еще так протянем. Надо платить за квартиру, покупать еду. Придется мне снова идти к миссис Харрис. Видела бы ты, как она посмотрела на меня на прошлой неделе, когда я попросила ее одолжить мне несколько кусочков хлеба. Я уже который месяц не могу купить молока. А Еве оно необходимо. – Кэролайн внезапно подняла голову и вытерла слезы рукавом. – Нет, ты только посмотри на меня, реву тут из-за такой ерунды, когда ты потеряла...

Я опустилась на колени рядом со своей давней подругой. Она порядком исхудала, щеки ввалились, взгляд стал рассеянным. В ней ничего

не осталось от той молодой женщины, которую я знала четыре года назад. Та девушка, казалось, держала весь мир на своей ладони. Нет, я больше не могу у нее оставаться. Лишний рот – это как раз то, что меньше всего нужно Кэролайн.

– Мне пора уходить, – сказала я, потянувшись за жакетом, висевшим на ржавом гвозде.

– Нет! – крикнула Кэролайн, быстро вскакивая на ноги. Она схватила меня за руку и заставила сесть обратно на кушетку. – Даже слышать об этом не хочу. Тебе некуда идти. Ты остаешься здесь.

Я покачала головой.

– Послушай, тебе едва удастся прокормить Еву, а тут еще я. И потом, мне необходимо вернуться к себе.

– А как насчет твоего хозяина?

– Я что-нибудь придумаю, – неопределенно ответила я. – Я должна быть дома, когда Дэниел вернется.

У меня стало легче на сердце, когда я произносила эти слова. Конечно же, он придет домой. Я представила, как мой малыш входит в дверь, улыбается так, что на подбородке появляется крошечная ямочка. Он подбежит ко мне, я уткнусь носом в его лоб, слезы польются на мягкие завитки его белокурых волос. Он расскажет мне, что увидел снег и потерялся. Добрая семья приютила его, пока не кончился буран. Они хорошо к нему отнеслись, уложили в теплую постель. И напоили горячим шоколадом. Я улыбнулась.

– Милая ты моя, – воскликнула Кэролайн, – мне хочется верить, что Дэниел вернется. Господь свидетель. Но в какой-то момент тебе придется...

– Нет! – отрезала я, крепко зажмуриваясь. Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. – Он придет домой. Я это знаю.

Я подошла к двери, ухватила за ручку, но не успела выйти за порог, потому что кто-то слегка потянул меня за платье.

– Тетя Вера? – прошептала Ева, глядя на меня огромными испуганными глазами.

Я опустилась на колени рядом с ней.

– Что ты, малышка?

Девчушка протянула мне листок бумаги.

– Я сделала это для вас.

По моей щеке покатилась слеза и задержалась в складке у губ, соленая, горькая.

– Это... так красиво, дорогая, – сказала я, глядя на ее рисунок.

– Вот Дэниел, – девочка указала на тоненькую фигурку, которая

держала пухлого мишку. – А вот это я, – добавила она.

Третья фигура нависала над примитивно нарисованными детьми. Женщина, кажется? Шляпка сложного фасона напоминала фазана.

– Кто это, Ева?

Малышка сморщила нос.

– Никто.

– Ну как же никто? – настаивала я. – Ты нарисовала ее позади тебя и Дэниела. Кто она такая, милая?

– Просто одна леди.

Я кивнула.

– Хорошо, – я встала. – Мне нравится твой рисунок. Спасибо. Я буду хранить его.

– Ты знаешь, что всегда можешь вернуться, – произнесла Кэролайн, прежде чем я успела выйти. – Здесь тебе всегда рады.

Но я знала, что не вернусь, и ответила так, чтобы Кэролайн поняла: уговоры бесполезны.

– Спасибо тебе за все, дорогая моя подруга.

* * *

Я пошла знакомой дорогой до дома, в котором снимала квартиру, не чуя ног. Мне казалось, что я лечу, словно привидение, невидимая в моем горе. Люди проходили мимо, но никто не смотрел на меня. *Замечали ли они меня?*

Я прошла мимо сердитых мужчин, толпящихся возле салуна. Отвратительно пахло элем, застоявшимся табачным дымом и потом.

– Прощу прощения, – обратилась я к вменяемому на вид мужчине возле двери. – Вы не видели мистера Иванова?

В то утро, когда начался буран, он работал в салуне. Может быть, он как-то мог мне помочь...

Улыбка мужчины превратилась в ухмылку, и я мгновенно пожалела о том, что задала этот вопрос.

– Иванова, каменщика?

– Да, – ответила я, осторожно продвигаясь к лестнице.

Мужчина потер заросший щетиной подбородок и сделал шаг по направлению ко мне.

– А что тебе от него нужно?

– Я хочу с ним поговорить.

– Что ж, тогда тебе придется отправиться к нему в тюрьму. Его вчера вечером арестовали.

– Арестовали?

– Точно. Надавал оплеух своей женушке. Ей здорово досталось. Доку пришлось наложить ей швы.

Мое сердце забилось быстрее. Я вспомнила, каким нежным мистер Иванов был с Дэниелом, как мягко с ним разговаривал. Как отец. Я содрогнулась. Как я могла не заметить в нем жестокости?

Мужчина придвинулся ближе.

– Если ты ищешь кого-нибудь, чтобы весело провести время, я...

– Всего доброго. – Я прошла, оттолкнув его в сторону.

Подхватив юбку, я бросилась вверх по лестнице на второй этаж, едва не сбив с ног на площадке пожилого бородатого мужчину. Я достала из кармана ключ. Вена на моем запястье пульсировала, когда я вставляла его в скважину.

Сердце вырывалось из моей груди. Вдруг Дэниел здесь? Вдруг он вскарабкался по вишне и пролез через маленькое окошко? Вдруг он ждет меня внутри?

Я старалась повернуть ключ в замочной скважине, но у меня ничего не получалось. Я попыталась снова, поворачивая ключ вправо и влево, но безрезультатно. Боже мой. Мистер Гаррисон, должно быть, сменил замок.

– Нет! – крикнула я, прижимаясь щекой к двери. И тут я услышала шаги внутри своей квартиры. – Эй! – я забарабанила в дверь. – Эй! Кто там за дверью?

Когда дверь начала открываться, я отскочила назад. Передо мной стояла девочка лет одиннадцати со смущенным личиком.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

Я прошла мимо нее в квартиру.

– Что ты делаешь здесь, в моем доме? Где Дэниел? – Я подбежала к лестнице. – Дэниел, это мама. Мама дома.

Из кухни появился мужчина в мятой белой сорочке, пожелтевшей и запятнанной вокруг воротничка. Подтяжки болтались по бокам.

– Кто это, Джейн?

Девочка пожала плечами.

– Не знаю, папа. Она говорит, что это ее квартира.

– Это действительно моя квартира, – четко произнесла я. – Почему вы здесь? Где мой сын? Дэниел!

– Произошла какая-то ошибка, – сказал мужчина. – Мы въехали сюда три дня назад. Хозяин сказал, что предыдущая владелица умерла. Еще он

сказал, что родни у нее нет, поэтому продал нам мебель за пять долларов.

– Умерла?

Мужчина кивнул.

– Я что, по-вашему, выгляжу мертвой?

Я обвела взглядом то, что осталось от моего дома, от моей жизни. Вот маленький кофейный столик с резными дубовыми цветами по краям. Мой отец сделал его незадолго до смерти. Два кресла, старенькие, но удобные. Белая ваза на столе, куда я ставила полевые цветы, которые собирал для меня Дэниел во время прогулок по Четвертой авеню. Мои вещи. Моя жизнь. *Их у меня забрали.*

Потеряв ко мне всякий интерес, девочка взяла с дивана куклу и стала подниматься по лестнице.

– Подождите, я сейчас, – приказал мне мужчина, явно раздосадованный. – На плите кипит обед.

Как только он вышел, я сразу подошла к лестнице. У стены появился маленький шкафчик, и мне пришлось приложить усилие, чтобы сдвинуть его в сторону. Только так я могла добраться до тайника. Я открыла его и вздохнула. Перышко Дэниела, ракушки. Комнату заполнили воспоминания, и мне бы так хотелось в них погрузиться, но я понимала, что сейчас не время. Я вытащила из сумочки Макса, поправила на медвежонке голубой бант и убрала игрушку в тайник. Его место было тут. И Дэниел снова найдет его. Так подсказывало мне сердце.

Я услышала за спиной шаги и быстро закрыла дверцу, уронив при этом сумочку. Я быстро подняла ее.

– Чем это вы там занимаетесь, мисс? – подозрительно спросил мужчина.

– Я только...

Он нахмурился.

– Я прошу вас немедленно уйти отсюда.

– Прошу вас, – взмолилась я, – если вы увидите маленького мальчика...

– Если я еще раз увижу вас, то сообщу в полицию.

В комнате снова появилась девочка. Она сочувственно смотрела на меня, пока ее отец не вытолкнул меня в коридор и с громким стуком не закрыл за мной дверь.

Снова оказавшись на улице, я проверила свою сумочку и обрадовалась тому, что мой бумажник, пусть и совсем пустой, остался на месте. А вот рисунку Евы повезло меньше. *Он, должно быть, выпал.*

Я бездумно шла по тротуару. Детишки в теплых пальто играли в

«классики» под присмотром матерей.

– Дэниел! – позвала я, но напрасно. Над моей головой летали чайки, описывая круги и насмешливо крича. Весь мир и каждое создание в нем казались жестокими и безразличными.

– Вера, это ты? – окликнул меня знакомый голос.

– Гвен?

– Ох, милая ты моя, – произнесла она, – я так за тебя волновалась. Я только что виделась с Кэролайн. Она рассказала мне о том, что случилось. Мне так жаль.

– Мой сын исчез, – сказала я. Слова, сорвавшиеся с губ, показались чужими, словно их произнес кто-то другой.

– Что значит *исчез*?

– Когда я пришла домой с работы, Дэниела там не было, – объяснила я и почувствовала, как от слез защипало глаза. – Полиция не желает ничего делать, потому что там считают, что он просто сбежал. Но, Гвен, он бы никогда не убежал из дома.

Она обняла меня за плечи и прижала к себе.

– Ты только посмотри на себя, просто скелет. Ты ела хоть что-нибудь? Я покачала головой.

Гвен похлопала меня по руке.

– Что толку тут стоять и плакать. У тебя такой вид, будто ты не ела несколько дней. Позволь мне купить тебе что-нибудь горячее.

В животе у меня заурчало. Я ненавидела себя за то, что в такое время мне хочется есть, но я понимала: если свалюсь от слабости, то уже ничем не помогу Дэниелу. Поэтому я согласилась.

– Хорошо, – еле слышно сказала я.

Мы с Гвен зашли в маленькое кафе «Линдгрэн», где в более счастливые времена мы с ней обычно обедали.

– Два сандвича с ветчиной и соусом, – сделала заказ Гвен.

Когда еду принесли, я начала жевать, не замечая, что ем, не ощущая вкуса. Мне почему-то казалось, что испытывать удовольствие от пищи было бы неправильно. Я ощущала комфорт от собственной невосприимчивости.

– Ты вернешься на работу? – осторожно поинтересовалась Гвен.

Я вздохнула.

– Думаю, мне придется это сделать. То есть если меня еще не уволили. Я пропустила не меньше полудюжины смен, с тех пор как...

– Эстелла поймет.

Я покачала головой.

– Ты действительно так думаешь?

– Я поговорю с ней, – пообещала Гвен, выуживая из бумажника мелочь и кладя ее поверх банкноты. – Идем со мной в гостиницу. Я сама объяснюсь с Эстеллой.

В помещении для обслуживающего персонала привычно пощелкивал и посвистывал радиатор. Огромные стопки постельного белья ожидали глажки. Эстелла, как всегда, сидела за своим старым столом. Все было как прежде, но в то же время совсем иначе. Ось мира сместилась после исчезновения Дэниела, навсегда изменив все вокруг.

– Вот наконец и ты, – саркастически приветствовала меня Эстелла.

Гвен бросилась на мою защиту.

– Ты даже не представляешь, через что ей пришлось пройти, Эстелла. Ее сына похитили. Вера дни и ночи искала его.

Глаза Эстеллы сузились, и я увидела блики жалости на ее лице.

– Что ж, – рассеянно проговорила она, глядя на лист бумаги, лежавший перед ней. – Это очень печально.

– Так ты позволишь ей снова вернуться на работу? – продолжала Гвен.

Эстелла вздохнула, сложила листок и убрала его в конверт.

– Я бы с радостью, но я уже наняла другую девушку.

– Что? – взвилась Гвен. – Как ты могла? Послушай, этой бедной женщине работа сейчас нужна как никогда. Она пришла работать, хотя ее сын пропал. Я уверена, что у тебя найдется для нее место.

Эстелла покачала головой.

– Боюсь, что нет. Она не приходила на работу несколько дней, поэтому мне пришлось ее уволить и нанять другую горничную на ее место. Без обид, – она поправила очки на носу. – Разговор окончен. Гвен, апартаменты на шестом этаже нужно убрать. Сделай все как следует.

– Да, мэм, – проворчала Гвен.

Мы вместе вышли в коридор. Голова казалась мне странно тяжелой.

– Гвен, ты сделала, что смогла. Со мной все будет в порядке.

– Я буду отдавать тебе все свои чаевые, – пообещала подруга, – пока ты снова не встанешь на ноги.

– Конечно же, ты не будешь этого делать, – сказала я, – но ты очень добра ко мне.

Гвен вышла за мной в вестибюль.

– На что же ты будешь жить?

– Как-нибудь выкручусь, – ответила я. – Мне это всегда удавалось. А теперь тебе лучше отправиться на шестой этаж, пока Эстелла тебя не увидела.

Гвен кивнула.

– Ладно. Береги себя, Вера.

– Обещаю.

Она исчезла в коридоре, который вел к служебному лифту. Я постояла немного, ошеломленная, не зная ни куда идти, ни что делать. Я сделала несколько шагов, а потом села в пухлое, обитое полосатым атласом кресло в вестибюле. Было приятно отдохнуть там, где могли находиться только богатые постояльцы гостиницы. Мои ступни болели, рядом с дырой на туфле образовался большой волдырь. Я закрыла глаза.

– Прошу прощения, – мои мысли прервал чей-то голос. – Я вынуждена попросить вас уйти.

Я открыла глаза и увидела перед собой Марту, администратора.

– Вам, как и всем остальным, отлично известно, что вестибюль предназначен только для гостей «Олимпиака».

Я кивнула и встала.

– Прошу прощения, – извинилась я и заковыляла к дверям.

– Эта женщина – мой гость, – раздался за моей спиной глубокий мужской голос.

Я обернулась и увидела Лона Эдвардса, того самого мужчину из апартаментов в пентхаусе, с которым я познакомилась на прошлой неделе. На этот раз он был полностью одет.

– Она моя гостя, – не терпящим возражений тоном повторил он Марте.

Администратор покорно опустила глаза, не заметив смущения на моем лице.

– Да, мистер Эдвардс, конечно, – произнесла она со сладкой улыбкой, – разумеется.

После того как Марта поспешно вернулась за стойку портье, Лон посмотрел на меня и улыбнулся.

– Вас ведь зовут Вера, так?

– Да, – ответила я. – Спасибо, мистер Эдвардс, но мне не нужна помощь.

– Понимаю, но я хотел бы пригласить вас пообедать.

Я непреклонно покачала головой.

– Я не могу.

– Полно вам, мисс Рэй, это всего лишь обед, – игриво парировал Эдвардс. – Может быть, мне все-таки удастся вас уговорить?

Он щелкнул пальцами, и к нему подошел молодой невысокий мужчина.

– Да, сэр? – услужливо спросил он.

– Эндрю, это мисс Рэй. Отвези ее в салон и к «Фредерику и Нельсону». Проследи за тем, чтобы сделали все, что она захочет.

Мужчина кивнул.

– Мисс, если вы готовы, то автомобиль ждет вас на улице.

– Нет, – резко ответила я, – нет, я не могу. Вы очень добры ко мне, Лон, то есть мистер Эдвардс, но вы кое-чего не понимаете. Все дело в моем сыне. Он пропал. Его похитили. Я не могу пообедать с вами, потому что я должна его *найти*.

В глазах Лона появилось сочувствие, и стоило мне это заметить, как я почувствовала, насколько оно мне необходимо. Я изголодалась по сочувствию. Мои колени ослабели.

– Бедняжка! Вы обращались в полицию?

– Да. Только они ничего не делают. В полиции считают, что он сбежал.

– Я позвоню кое-кому. Я знаком с шефом полиции.

У меня немного отлегло от сердца.

– Правда?

Лицо Эдвардса вдруг стало властным и уверенным.

– Разумеется, – сказал он. – Мы вместе учились в школе. Я сам займусь этим. – Он помолчал, потом подмигнул мне. – Не обсудить ли нам детали за обедом?

Я глубоко вздохнула. В какое-то мгновение я ощутила надежду. Лон знал, что делать. Он обладал властью. Он мог мне помочь разыскать Дэниела.

– Теперь вы готовы, мисс Рэй? – поинтересовался помощник Лона.

Куда мне еще идти? У меня не осталось ни работы, ни дома, ни сына. Почему бы мне не сесть в автомобиль Лона Эдвардса, особенно если он поможет мне найти Дэниела?

– Да, – негромко ответила я и обреченно вздохнула. – Я готова.

Глава 10

Клэр

В тот вечер Этан не пришел домой и даже не позвонил. На следующее утро я готовила яичницу-глазунью и злилась на себя за то, что остро ощущаю отсутствие мужа. Мне так хотелось положить слегка поджаренное яйцо – так он любил больше всего – на тост из цельнозерновой муки, посолить морской солью и добавить чуть-чуть молотого перца, как ему нравится, а потом отнести ему. Мне не хватало наших привычных утренних забот. Но больше всего я тосковала по улыбке Этана, той улыбке, которую не омрачало прошлое или неуверенность в будущем.

Я смотрела на яйцо, шипящее на сковороде. Вероятно, он просто остался у родителей, только и всего. Этан иногда поступал так, когда мы ссорились или когда он работал допоздна, и ему нужно было побыть в одиночестве, чтобы его никто не отвлекал. После того, как мы потеряли ребенка, он проводил много времени в родительском доме, расположенном в нескольких милях от города. Я наклонила сковородку над тарелкой, но яичница соскользнула на кафельный пол и осталась лежать там убогой горкой. Шлеп. Я смотрела на растекшийся желток, и воспоминания о прошлом вечере ударили мне в голову.

Кассандра. Я почувствовала горький привкус на языке и сразу отогнала эту мысль. Нет, он не мог. На стене тикали часы. Одиннадцать утра. И я не имела ни малейшего представления о том, где находился мой муж.

Мое сердце забилось быстрее, когда зазвонил телефон. Это он. Наверняка звонит, чтобы извиниться.

– Этан? – Я надеялась услышать голос мужа, но мой собственный голос звучал сердито и устало.

Но на другом конце провода послышался другой голос, знакомый, мужской, но это был не Этан.

– Клэр, это Доминик.

– Доминик?

– Из кафе, – несколько робко напомнил он. Я слышала утренний шум в «Лаванто»: посвистывание кофеварки, жужжание голосов, шум кассового аппарата. – Прости, что беспокою тебя и звоню домой. Твой номер есть в телефонной книге и... – Он как будто был немного взволнован. –

Послушай, я не хочу, чтобы ты думала, будто я тебя преследую или что-то в таком духе. Просто я кое-что нашел для твоей статьи. Тебе определенно захочется на это взглянуть.

– В самом деле? – Я бросила взгляд на свое отражение в оконном стекле и скорчила гримасу. Тушь и тени с накрашенных накануне глаз вместе со слезами оставили мрачные дорожки на моих щеках.

– Мне нужно бежать, – продолжал Доминик. – Здесь сегодня просто сумасшедший дом, а один из наших барменов заболел. У тебя не получится заехать в кафе сегодня утром?

– Да, – ответила я, глядя в окно на остатки недельного бурана. Снег немного растаял, тротуары покрылись грязью неприятного серого цвета. Грязный снег. – Я буду через полчаса.

* * *

Я вошла в кафе «Лаванто» и в это утро увидела его совсем другими глазами. Теперь я знала, что здесь, наверху, жили Вера и Дэниел. Я огляделась по сторонам. Студенты сидели перед своими ноутбуками, счастливые пары смотрели друг на друга поверх чашек с пышной пеной. Были ли здесь счастливы Вера и Дэниел?

Доминик помахал мне рукой из-за стойки, на его белой рубашке чуть выше кармана осталась пыль от молотого кофе. Он попросил бармена сменить его возле кофеварки и подошел ко мне.

– Спасибо, что позвонил.

– Как прошел вечер?

Я пожала плечами.

– Не слишком хорошо.

– Прости, – промолвил он, развязывая свой фартук и вешая его на крючок. – Хочешь поговорить об этом?

Я покачала головой, взглянув на витрину с выпечкой.

– Чего мне действительно хочется, так это одну из вот этих ячменных лепешек с малиной.

Доминик заговорщицки улыбнулся.

– Тогда давай достанем одну для тебя.

Он потянулся за щипцами, лежавшими на стойке, обошел ее и достал с витрины огромную лепешку.

– Ешь, – он протянул мне тарелку.

Я откусила кусочек, крошки посыпались у меня изо рта, но мне не

было стыдно. Как приятно было вонзять зубы в плотную масляную лепешку!

– Так что ты нашел, Доминик?

– Идем со мной.

Мы прошли в заднюю комнату, и он указал на шкафчик с папками, стоявший у стены.

– Вчера вечером я просматривал кое-какие документы и нашел вот это.

Он достал помятый и пожелтевший конверт с оторванным уголком.

Я откусила еще кусок лепешки и поставила тарелку.

– Что это?

Доминик прислонился к стене.

– Посмотри сама.

Я аккуратно подняла клапан конверта, заглянула внутрь и вытащила сложенный листок бумаги и черно-белую фотографию. Хрупкий листок я отложила в сторону и поднесла снимок к свету. Он был старым, потертым, закругленные уголки обтрепались. На фото были мужчина и женщина, нежно обнимающие друг друга. Женщина, красивая какой-то застенчивой красотой, с подстриженными вьющимися на концах волосами и в простом платье с поясом на талии, с любовью смотрела на мужчину в элегантном костюме. Его улыбка, обращенная к ней, была полна обожания. Пара любила друг друга, это было очевидно. Любой бы это заметил. Неужели это Вера и ее муж, отец Дэниела? Я перевернула фото и увидела надпись на обороте. «Вера и Чарльз, март 1929 года, Сиэтл, танцевальный марафон».

Я удивленно посмотрела на Доминика.

– Танцевальный марафон? – Слова показались мне незнакомыми. – Ты представляешь, что это такое?

Доминик почесал макушку.

– Минутку... Помнишь ту сцену из фильма «Эта прекрасная жизнь»^[5]? Там, где они танцевали и...

Я мгновенно оценила то, что ему знаком этот фильм, один из моих любимых.

– Да! – сказала я. – Они еще упали в бассейн под танцплощадкой.

– Точно, – отозвался Доминик. – Думаю, это и есть танцевальный марафон. Я читал о нем в одном романе. Люди пытались танцевать как можно дольше, пока не падали от усталости. Они танцевали ради призов: наличных денег, бесплатных товаров, всего такого. Иногда они танцевали несколько дней подряд.

– Дней?

– Да, помню, тот персонаж, о котором я читал, в конце стер ноги в

кровь.

Я снова посмотрела на снимок молодой пары и задумалась о том, что произошло в вечер танцевального марафона. Фото было сделано до рождения Дэниела. Была ли Вера счастлива тогда? И кем он был, этот Чарльз? Как фотография оказалась здесь?

Я провела пальцем по ее ребристым краям и вспомнила коробку с семейными снимками, которые мне удалось забрать из дома бабушки перед тем, как она переехала в дом престарелых. Тетя Бет оставила их возле мусорного бака.

«Они все старые, черно-белые, – заявила она и махнула рукой так, словно смахивала стопку никчемных рекламных листовок. – Какие-то родственники, которых никто не помнит».

«Не надо, – я бросилась к коробке. – Не выбрасывай их, я их сохраню».

Пусть я не знала имен большинства моих родственников с этих снимков, но мне казалось предательством отправлять память о них на помойку. Мысль об этом была для меня невыносима.

Я осторожно убрала фото Веры и Чарльза обратно в конверт, взяла пожелтевший листок бумаги и очень аккуратно развернула его, чтобы не порвать.

– Смотри, – обратилась я к Доминику, – это рисунок.

Фигурки на листе явно нарисовала детская рука. Я прищурилась, чтобы лучше рассмотреть сценку, нарисованную чернильным карандашом.

– Думаю, это двое детей и женщина, – я поднесла рисунок ближе. – Ты только взгляни на ее шляпу. В то время все женщины носили большие красивые шляпы. По-моему, это перья или, может быть, бант. Точно не скажу.

– У тебя отлично получается, – одобрил Доминик.

Я улыбнулась.

– У меня есть трехлетняя племянница, которая регулярно присылает мне по почте свои рисунки. Так что я в некотором роде профессионал.

Доминик подошел поближе и начал рассматривать рисунок, который я держала в руках.

– Думаешь, это нарисовал маленький мальчик? Это его рисунок?

Его рука коснулась моей. Моя кожа была сухой и стянутой, уставшей. Лучше бы я приняла душ! А то только провела щеткой по волосам и натянула бейсболку.

– Прошу прощения, – извинился он.

Я покачала головой, избавляясь от возникшей неловкости.

– Нет, я не думаю, что это его рисунок.

– Почему?

Я указала на дальний правый угол листка.

– Видишь сердечко?

Доминик кивнул.

– Мальчики не рисуют сердечки.

– Ага! Отлично, Шерлок! Но это очень плохо. Я-то думал, что, возможно, это рисунок Дэниела. Надеялся, что он станет ключом к твоей истории.

Я перевернула лист и увидела два слова, нацарапанные на обороте. Я внимательно изучила корявые буквы.

– Но это действительно ключ, – воскликнула я. – Думаю, мы нашли автора. Тут написано «Ева». «Ева Морландстид».

– Как, по-твоему, этот рисунок как-то связан с похищенным мальчиком?

– Возможно, – ответила я, снова складывая лист так, чтобы он превратился в крошечный квадратик, и убирая его в конверт. – Можно мне взять это ненадолго?

– Это твое, – сказал Доминик.

– Спасибо. – Я повернулась к двери, потом снова посмотрела на Доминика. – Кстати, что ты сегодня делаешь?

Он улыбнулся.

– Ничего. А что?

– Если тебе удастся сбежать, может быть, где-нибудь пообедаем?

Если Этан может встречаться за ленчем с Кассандрой, то и я могу пообедать с Домиником.

– С удовольствием. – Он взял куртку. – Как насчет того местечка на рынке? Итальянское бистро, которое только что открылось?

Я улыбнулась про себя и заметила:

– Говорят, их ризотто со спаржей – это что-то.

– Отлично, – Доминик застегнул «молнию» на куртке. – Давай пройдемся пешком, на улице солнце.

– Замечательно, – согласилась я.

Холодный ветер ужалил мою уставшую кожу, но в это мгновение мое сердце согрелось.

Великолепный отзыв, написанный Кассандрой, привел к тому, что получить столик в бистро оказалось невозможно. Очередь, выстроившаяся перед входом, намекнула нам: стоит изменить планы.

– Я знаю одно местечко в нижней части рынка. Там давным-давно стоит вагон-закусочная, так, ничего особенного. Но считай, что ты и не жила еще, если не пробовала их сэндвичи с ветчиной и соусом.

– Уговорил.

Мы спустились по лестнице в чрево рынка, где влажный воздух был наполнен ароматами карри и гвоздичного перца.

– Мне нравится здесь, внизу, – негромко заметил Доминик, как будто мы вошли в священную обитель. – То, что наверху, – это для туристов. А здесь душа рынка. – Я зачарованно огляделась по сторонам.

– Господи, я так давно живу в этом городе, а здесь ни разу не бывала. Я даже не знала, что существует нижняя часть рынка. Я просто ошарашена.

Доминик указал на магазинчик справа от нас.

– Вот здесь ты можешь найти самые экзотические специи со всего мира.

– Я слышу аромат. – Я вдохнула благоуханный воздух.

– И тебе нужно попробовать пирожки с начинкой, которыми торгует Эл, – Доминик кивнул в знак приветствия пожилому мужчине, стоявшему за маленькой тележкой с едой. – Мы возьмем четыре с дополнительной порцией сахарной пудры, – сказал он. В воздухе закружился аромат жареного теста. Доминик протянул старику пять долларов и вложил мне в руку горячий пакет. – Это на десерт.

Мы прошли еще немного и оказались перед небольшим ресторанчиком. Как и говорил Доминик, в нем не было ничего модного, всего лишь несколько кабинок вдоль стен, старенькие стулья и столы, на которых не стояло ничего, кроме салфеток и бутылочек с кетчупом. Их явно не мешало бы протереть влажной тряпкой. У бара на скрипучих табуретах с порванными виниловыми сиденьями устроились несколько мужчин. Над входом висела простая зеленая вывеска с надписью «Линдгрэн».

Официантка, жуя жвачку, подошла к нам и подала засаленные меню.

– Как поживаешь, мой сладкий?

– Неплохо, спасибо. – Он повернулся ко мне. – Клэр, это Донна. Донна, это Клэр.

– Рада познакомиться, милашка, – прокуренным голосом произнесла пожилая женщина и снова повернулась к Доминику. – Тебя что-то давненько не было видно. Забавно, но как раз сегодня утром сюда зашли

несколько мужчин в костюмах, и они говорили о тебе...

– Да я был занят, – смущенно сказал Доминик, не дав Донне возможности рассказать о своих утренних впечатлениях. Он явно волновался и с извиняющейся улыбкой посмотрел на меня.

Донна пожала плечами.

– Ладно, устраивайтесь.

Доминик указал в дальний угол ресторана.

– Ты не возражаешь, если мы займем тот столик возле окон?

– Что ты, милый, конечно, нет, – Донна подмигнула, – он зарезервирован на твоё имя.

Я едва сдерживала своё любопытство, пока усаживалась на колченогий стул.

– Мужчины в костюмах? О чём она говорила?

Доминик вытащил салфетку из старого стального диспенсера и начал складывать её, превращая в крохотный квадрат.

– Да кто их знает! – отмахнулся он, небрежно изображая полное отсутствие интереса. – Возможно, они жаловались на медленное обслуживание в кафе. Некоторые бизнесмены просто не понимают, что для приготовления хорошего капучино требуется время. – Его голос звучал как-то отстраненно, но потом снова обрел присущую ему жизнерадостность. – Прости, я не хотел жаловаться. Возможно, мне все-таки стоит взять отпуск, о котором я постоянно твержу.

Где-то наверху крикнула чайка, заставив меня посмотреть в старое окно. Из него открывался вид на паромы, которые то входили, то выходили из бухты Эллиотт. У меня было такое чувство, что Доминик о чём-то недоговаривает и упорно пытается сменить тему разговора. Да ради бога, я не возражала.

– И куда бы ты поехал? – поинтересовалась я, опираясь подбородком на ладонь. – Я о твоём отпуске.

Глаза Доминика загорелись.

– Сначала, думаю, в Австралию, – принялся рассказывать он, водя пальцем по столу, как будто рисовал карту. – Мне всегда хотелось посмотреть на риф. Потом в Новую Зеландию и, возможно, на Фиджи.

Я представила, как он плавает с дыхательной трубкой в голубой воде, а его золотистая кожа стала ещё темнее от загара.

– Звучит привлекательно. Так почему же ты до сих пор не отправился в путешествие?

– Ну, я...

Вернулась Донна, чтобы принять у нас заказ.

– Что выбрали? Как обычно?

Доминик посмотрел на меня.

– Я всегда беру сэндвич с ветчиной и соусом.

– Мы делаем их со времен Великой депрессии, – вступила в разговор Донна. – В то время кофейный соус ели только бедняки. А теперь это высший класс. Так написали в прошлом году в одном журнале для гурманов. Они прислали сюда фотографа из Нью-Йорка, чтобы он сделал снимки.

Официантка указала на рамку на стене.

– Прошу прощения, – я немного смутилась, – вы сказали *кофейный* соус?

Женщина кивнула.

– Ветчину обжаривают на сковороде, а когда вытопится немного жира, мы наливаем туда немного кофе и нагреваем до тех пор, пока не получится вкусный густой соус. Вот так люди в давние годы умели поесть на доллар.

– Я не большая любительница кофе, – призналась я, – но думаю, что все-таки попробую такой сэндвич.

– Хорошо, – одобрила Донна. – Вы не будете разочарованы. Люди едят их уже почти сто лет. Это классика. Положить к сэндвичу немного картофельного пюре?

Мы с Домиником одновременно кивнули.

– Итак, как продвигается твоя статья?

– Я не слишком уверена, что она вообще куда-то продвигается. Редактор ждет ее от меня завтра, а я не написала еще ни одного слова. – Я нахмурилась. – Я все время думаю об этом маленьком мальчике.

– Не отчаивайся, самые трудные вещи обычно приносят самое большое вознаграждение.

Я была с ним согласна. Я вспомнила о своем первом и единственном марафоне, который я пробежала вскоре после того, как мы с Этаном поженились. Я тренировалась девять месяцев и миновала финишную черту с кровоточащим пальцем и мышцами, сведенными судорогой. Но никогда еще я так не гордилась собой, не была так уверена в себе. Когда Этан обнял меня и прижался щекой к моей щеке, красной и мокрой от пота, я почувствовала такое удовлетворение, какого никогда не испытывала раньше.

Я посмотрела в окно, прищурилась.

– Что ты там высматриваешь? – поинтересовался Доминик.

– Остров Бейнбридж, – ответила я, поворачиваясь к нему. – Я собираюсь завтра сесть на паром и навестить мою давнюю подругу, которая

там живет.

Он кивнул.

– Это красивое место, – Доминик как будто вспоминал о чем-то. – Мне бы хотелось когда-нибудь там поселиться.

– А почему ты не живешь там сейчас? Мог бы приезжать в город. На пароме до города всего полчаса.

Он посмотрел на свои руки, лежащие на коленях.

– Я не могу, во всяком случае, сейчас. Недвижимость на острове дорогая, а каждый лишний доллар я отсылаю домой.

– Домой?

– Мама больна, – пояснил Доминик, – а страховки у нее нет. Ее лечение стоит немалых денег, но оно помогает ей жить.

– Как жаль! Значит, ты ей помогаешь?

Доминик кивнул.

– Тебе бы она понравилась.

Мои щеки вспыхнули.

Я услышала звонок телефона в сумке, но решила не отвечать.

– Твоя мать, должно быть, очень любит тебя, – произнесла я. – В отношениях матери и сына есть что-то особенное. – Я снова сложила салфетку на коленях и опустила подбородок на ладонь. – Я не могу не думать о Вере и Дэниеле. Тем более что они однажды жили в том доме, где твое кафе, и теперь я это знаю точно, – я снова вздохнула. – Они как призраки.

Доминик усмехнулся.

– Мне всегда казалось, что в кафе есть привидения.

Через несколько минут Донна подошла к столику с двумя тарелками в руках. Как и обещало меню, сэндвич буквально сочился темно-коричневым соусом. Я беззастенчиво вонзила в него зубы.

– Что скажешь? – спросил Доминик.

– Это *очень* вкусно.

Он горделиво улыбнулся.

– Так и знал, что тебе понравится.

Я услышала, что телефон зазвонил снова. На этот раз я неохотно опустила руку в сумку, выудила мобильный и сразу увидела на экране номер Этана.

– Прости, – обратилась я к Доминику, – мне придется ненадолго выйти.

– Без проблем.

– Алло, – ответила я, быстро выходя из ресторана на улицу.

– Клэр, я все утро пытался до тебя дозвониться.

Я фыркнула.

– Хотел объяснить, почему ты не пришел вчера вечером домой?

– Клэр, я всю ночь провел в больнице.

Я ахнула.

– С тобой все в порядке?

– Со мной – да. С дедом плохо. С ним случился сердечный приступ сразу после вручения награды на торжественном вечере. Как только его привезли из операционной в палату, я от него не отходил.

– Боже! Он поправится?

– Пока трудно сказать, – ответил Этан. – Время покажет. Я пытался связаться с тобой вчера вечером, но ты, должно быть, выключила телефон. А утром в квартире никто не снял трубку. – Он помолчал, пытаясь понять, что за шум вокруг меня. Мужчина, которому явно не повезло в жизни, вдруг начал играть на банджо в нескольких шагах от меня. – Ты где?

Я посмотрела на сидящего в ресторане Доминика и почувствовала себя виноватой.

– Я обедаю на рынке. С другом.

Уоррен был дедушкой, которого у меня никогда не было. Оба моих деда умерли еще до моего рождения, и когда я вошла в семью Кенсингтонов, дедушка Уоррен принял меня с распростертыми объятиями. Я буквально влюбилась в него с первой же нашей встречи. Он предложил мне сыграть с ним в карты, и я у него выиграла. «Думаю, эта девушка сохранит традиции нашей семьи – сказал тогда Уоррен Этану. – С женщиной, которая обыгрывает мужчину в карты, можно прожить всю жизнь». Я знала, что он говорит не совсем обо мне. Его покойная жена, бабушка Этана, умерла задолго до того, как я стала членом семьи. Но мне не нужно было с ней встречаться, чтобы узнать, насколько сильно они с Уорреном любили друг друга. Это было видно по их совместным фотографиям, но особенно заметно о чувстве к жене говорили глаза Уоррена, когда он говорил о ней. Спустя пятнадцать лет после ее смерти он по-прежнему не мог вспоминать жену без слез.

– Я приеду, как только смогу, – сказала я Этану. – Скажи Уоррену, что я уже еду.

Я побежала обратно к столику, схватила сумку со стула.

– Мне ужасно жаль, Доминик, но случилось несчастье. Дедушка моего мужа в больнице. У него был сердечный приступ. Мне нужно идти.

– О, я сочувствую, – Доминик встал. – Могу я помочь?

– Нет-нет, – пробормотала я, снова остро ощутив вину. – Я просто

возьму такси. Я... Я позвоню тебе.

Прежде чем уйти, я посмотрела на свой недоеденный ленч.

* * *

Когда я вошла в палату, Уоррен слабо мне улыбнулся. Его руки безжизненно лежали вдоль тела на серой больничной кровати.

– Ну что вы наделали! – прошептала я. – Вы же знаете, что не можете просто взять и попасть в больницу с сердечным приступом, вы должны были предупредить меня заранее.

Я услышала, как вошел Этан, но не обернулась.

Уоррен моргнул.

– Прости, дорогая. Думаю, у моего старого мотора свое расписание.

– Что ж, – продолжала я, едва сдерживая слезы, – у вас впереди еще много хороших лет. Вы должны поправиться хотя бы ради нас.

Старик кивнул.

– Как скажешь, милая. Но если тебе все равно, то я бы предпочел уйти сейчас и встретиться с моей возлюбленной. Мне ее так не хватает.

– Я знаю, Уоррен. Но мы тоже вас любим, не забывайте.

Я почувствовала рядом тепло тела Этана.

– Ему нужно отдохнуть, – шепнул он мне. – Давай выйдем.

Мне не понравился его тон, но я видела, что у Уоррена действительно усталый вид, поэтому вышла следом за мужем из палаты. Мы сели на скамейку в коридоре. Мимо нас деловито сновали медсестры. В воздухе пахло тушеным мясом и дезинфекцией.

– Врачи считают, что он выкарабкается... на этот раз, – сказал Этан.

– Слава богу! – ответила я, нервно потирая руки.

Я подняла голову и увидела родителей Этана, Гленду и Эдварда, подходивших к нам.

– Как он? – обратилась Гленда к сыну, проигнорировав меня.

Этан пожал плечами.

– Все так же. Доктор говорит, что сердце у него изношенное. Он больше не сможет вести такую же активную жизнь, как прежде. Нам надо помочь ему выкарабкаться. Теперь ему придется сбавить обороты.

Гленда посмотрела на Эдварда, потом на меня.

– Клэр, дорогая.

Я сглотнула. Свекровь называла меня «дорогая» только в тех случаях, когда собиралась отдать приказ или оказать милость.

Она посмотрела на Этана.

– Клэр, мы думаем, что тебе, вероятно, пока следует отказаться от твоих еженедельных визитов к Уоррену.

– Простите? – такого я не ожидала. – Что вы имеете в виду?

Последние два года я действительно заезжала к Уоррену раз в неделю. Мы играли в карты, смотрели старые фильмы или просто вместе читали, он – романы о войне, я – романы о любви.

– Это из-за его сердца, дорогая, – продолжала Гленда. – ты же слышала, что сказал Этан. Врач говорит, что оно совсем никуда не годится. Все эти твои... В общем, Уоррену в данный момент не нужны лишние... драмы.

– Лишние драмы? – Мои щеки запылали. – Вы считаете, что мои визиты наносят вред его здоровью?

Я посмотрела на Этана, ища поддержки.

– Ну, разумеется, дорогая, мы говорим не об этом, – проворковала Гленда, церемонно похлопывая меня по спине. Меня бесил ее покровительственный тон. – Мы просто заботимся об Уоррене, пока он выздоравливает...

– Мама, – вмешался Этан и протестующе поднял руку. – Дедушка любит Клэр. Она из тех немногих людей, кто приносит ему счастье.

Он сжал мою руку, демонстрируя солидарность со мной, но я была слишком ошеломлена, чтобы ответить на его пожатие.

Когда я повернулась к Этану, то ощутила ледяной взгляд Гленды. Я сдерживалась из последних сил, чтобы не разрыдаться, я очень не хотела, чтобы родители мужа видели мои слезы.

– Спасибо, – шепнула я Этану, выпустила его руку и направилась к лифту.

– Клэр, прошу тебя, – взмолился Этан, когда его родители прошли дальше по коридору. Он притянул меня к себе и легко поцеловал в лоб. – Не слушай мою маму.

Я кивнула. Двери лифта разошлись в стороны. Медсестра в голубой форме, стоящая в кабине, посмотрела на табличку с указанием этажей.

– Упс, ошиблась этажом, – улыбнулась она.

Рядом с ней в кресле на колесиках сидела женщина в больничном халате, прижимавшая к груди туго спеленатого младенца с красным пухлым личиком. Она только что стала матерью и улыбалась устало, но довольно, а ее гордый муж склонился к ним. Они буквально излучали любовь. Двери лифта закрылись.

– Прости, Этан, – мой голос дрожал, – я не могу здесь остаться. Я

должна идти.

Я дождалась, когда двери откроются снова, и вошла в пустую кабину. Когда лифт тронулся, я закрыла лицо руками и разрыдалась.

Глава 11

Вера

Дебелая продавщица в магазине «Фредерик и Нельсон» неодобрительно оглядела меня, потом подняла глаза на помощника Лона и с досадой вздохнула.

– Еще одна?

Эндрю указал на вешалку с вечерними платьями, стоявшую вдалеке.

– Ей понадобится несколько платьев, – сказал он. – Мистер Эдвардс предпочитает красное, но добавьте и несколько других цветов, для разнообразия. Понадобится и другая одежда тоже. – Он многозначительно посмотрел на женщину, потом бросил взгляд на свои часы. – Запишите все на счет мистера Эдвардса, как обычно.

– Хорошо, – продавщица многозначительно подняла бровь. – Нам придется потрудиться.

– Отлично, – одобрил Эндрю. – Прошу вас проследить за тем, чтобы в четыре тридцать она была у парикмахера. Мистер Эдвардс встретится с ней за обедом в пять часов и ни минутой позже.

Я почувствовала себя товаром в тележке рассыльного.

Я прошла следом за продавщицей в примерочную и тупо стояла перед зеркалом, пока она снимала с меня одежду. Мое платье упало на пол, превратившись в смятую горку темно-голубой старенькой ткани.

В комнату вошла еще одна женщина, помоложе.

– Мелинда! – рявкнула старшая продавщица. – Выброси это платье. Оно ей больше не понадобится.

Когда я смотрела, как помощница подбирает мое платье и уносит его, на меня вдруг нахлынула тоска. Карман на платье был оторван, подол обтрепался. И все-таки именно в нем я была, когда в последний раз укачивала Дэниела. Мне показалось, что я избавляюсь от частички моего мальчика. От нашей с ним общей частички.

– Пожалуйста, – взмолилась я, – можно мне его оставить?

Продавщица ядовито хохотнула.

– Эту старую тряпку?

Я посмотрела на свои голые ступни, изо всех сил пытаюсь сдержать слезы.

– Тебе повезло, – продолжала женщина, – ты понравилась мистеру

Эдвардсу. Теперь ты сможешь носить красивые вещи.

Я крепко зажмурилась, когда она прикоснулась к моему нижнему белью. Я едва слушала ее, пока она измеряла мой бюст.

– Обычно он предпочитает более округлые формы, – пробормотала продавщица, внимательно глядя на мою грудь. – Ешь больше, будешь лучше выглядеть.

Я поморщилась, когда она расстегнула корсет, полностью обнажив мое тело. Холодный воздух коснулся кожи. В зеркале отразился мой слегка отвисший живот. В нем я вынашивала Дэниела три года назад. Я родила его дома, одна. К концу родов появилась Кэролайн. Она обтирала мое лицо влажной тканью и пела, чтобы как-то поддержать меня. Роды были долгими и трудными. Но когда я взяла ребенка на руки, все это перестало иметь значение. Я бы снова прошла через эти муки ради него. Мой Дэниел. Я почувствовала, как к глазам снова подступили слезы. Я не заплачу. Я не позволю этой женщине увидеть меня плачущей.

– Вижу, у тебя и дети есть, – неодобрительно сказала продавщица, надевая на меня бежевый корсет.

Я кивнула и тихо ответила:

– Да. Только один ребенок. Замечательный маленький мальчик, который...

– Ты правильно сделала, что отдала его, – одобрила продавщица. – Зачем растить незаконнорожденного ребенка?

– Как вы смеете? – ужаснулась я и отступила назад.

Женщина пожала плечами.

– Я не хотела тебя оскорбить, – торопливо добавила она, скорее из страха потерять выгодного клиента в лице Лона, чем из опасений ранить мои чувства. – Я только имела в виду, что в наши дни в любых обстоятельствах тяжело растить ребенка, что уж говорить о *незамужней* матери.

Она подошла ближе, надела на меня белую шелковую комбинацию, постепенно опуская ее по моему телу. Потом продавщица скрестила руки на груди и окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног.

– Ты ведь знаешь, что случилось с последней, верно?

Я покачала головой.

– С какой последней?

– С последней девушкой мистера Эдвардса.

Я сразу вспомнила Сьюзи, бывшую горничную.

– Дурочка забеременела, – сообщила женщина. – Ему пришлось ее выгнать.

Я хотела делить с Лоном постель ничуть не больше, чем делить с ним трапезу. Но ради сына я бы пошла на все. У Лона были хорошие связи. Гвен видела, как он обедал с сенатором. Если кто и может заставить полицию искать Дэниела, то это Лон.

– Втяни живот, – велела продавщица. – Этот корсет нужно затянуть потуже, если мы собираемся сегодня вечером одеть тебя в приличное платье. Мистер Эдвардс захочет, чтобы на танцплощадке ты выглядела сногсшибательно.

Я сделала глубокий вдох и втянула живот. Потом закрыла глаза и вспомнила тот последний раз, когда я танцевала. С Чарльзом. Я позволила воспоминаниям укутать меня, подобно теплему одеялу.

Четырьмя годами ранее

Снаружи прозвучал сигнал автомобиля. Кэролайн взвизгнула:

– Чарльз приехал!

Я пригладила волосы, подбежала к окну квартиры, которую делила с тремя подругами, и выглянула на улицу. Чарльз сидел на переднем сиденье своего сверкающего серого «Бьюика», темные волосы зачесаны назад, на лице спокойная улыбка. Настоящий щеголь. С момента нашей встречи в отеле прошло полтора месяца. В тот вечер он проводил меня домой и пообещал позвонить после того, как вернется из Европы. Я часто думала о нем, несмотря на отчаянные старания выбросить из головы воспоминания о нем, а его самого – из своего сердца. Да, Чарльз был замечательным, но он принадлежал тому типу женщин, которых я привыкла видеть в отеле, а не девушке в дырявых туфлях, не имеющей за душой ни гроша. И все-таки, когда Чарльз позвонил в квартиру неделей раньше, я могла только гадать, действительно ли мужчина из высшего общества может полюбить бедную девушку, пусть даже он сам сказал мне об этом во время нашей первой встречи в отеле «Олимпик».

Джорджия сложила руки на груди.

– Это нечестно, – простонала она. – Может быть, у него есть брат?

– Не отвлекай Веру, Джорджия! – резко оборвала ее Кэролайн. – Ей надо собраться!

Я посмотрела на свое платье, явно вышедшее из моды. Простые складки, подол я штопала только этим утром. Я надеялась, что нить кобальтового цвета, которую я использовала для шитья, – единственная,

которая у меня была – не слишком бросается в глаза на светло-голубой ткани платья.

– Как я выгляжу?

Кэролайн нахмурилась.

– Дорогая, ты ведь хочешь произвести на него впечатление, верно?

Я кивнула.

Подруга начала расстегивать пуговицы моего платья.

– А раз так, то ты наденешь мое красное.

– Кэролайн, я не могу, – запротестовала я. – Оно...

– Слишком откровенное декольте?

Я снова кивнула.

– Видишь ли, моя дорогая, в том-то все и дело! Сейчас мы снимем с тебя этот мешок для картошки.

Когда Кэролайн расстегнула последнюю пуговицу, платье упало на пол и осталось лежать вокруг моих щиколоток. Потом она достала из шкафа красное платье и гордо протянула его мне.

– В этом ты ему понравишься.

Кэролайн отдала за это платье недельный заработок после того, как увидела его в витрине бутика на площади Пионеров.

– Сейчас сама увидишь, – пообещала она, аккуратно опуская платье.

Оно обтянуло меня, словно перчатка, и я инстинктивно вцепилась в корсаж.

– Вот так, – Кэролайн сделала шаг назад и посмотрела на меня. – Ослепительно.

– Не знаю, Кэролайн, – замялась я. – Ты думаешь, что это действительно я?

– Сегодня вечером ты будешь такой. – Подруга надела мне на шею длинные бусы. – Это не настоящий жемчуг, но никто не догадается.

Я почувствовала, как по спине пробежала дрожь, когда она застегнула украшение.

– Идеально, – одобрила Кэролайн, снова отступая назад, чтобы посмотреть на меня. – Иди, а то опоздаешь. – Она подтолкнула меня к двери. – Ты настоящая красавица.

Я обернулась к ней.

– Спасибо тебе, Кэролайн. Я знаю, что это твое любимое платье. Я буду аккуратна.

– Можешь залить его вином, если захочешь, – ответила она. – Я все равно больше никогда его не надену. – Кэролайн похлопала себя по животу. Он немного округлился, выдавая первые месяцы беременности. – Я

отлично повеселилась в этом платье.

Повинуясь порыву, Кэролайн вышла замуж за рыбака по имени Джо через неделю после вечера в отеле «Олимпик». До этого в течение года они то сходились, то расходились, но когда Джо пришел к ней с обручальным кольцом своей бабушки, Кэролайн ответила «да». Вскоре после свадьбы он погиб в автокатастрофе, а она узнала, что беременна от него. Кэролайн появилась в этой квартире со всеми своими пожитками, уместившимися в одном чемодане. В помещении с одной спальней и без того жили уже три женщины, но мы все равно ее приняли. Родители Кэролайн вышвырнули ее из дома.

– О, Кэролайн, – нежно сказала я, обнимая ее за талию. – Ты обязательно его наденешь, вот увидишь.

– Ладно, – вздохнула она. – Сегодня твой вечер. Веселись, дорогая.

– Я постараюсь.

* * *

Чарльз ждал меня на тротуаре. Он прислонился к машине и наблюдал, как я выхожу из дома.

– Эй, леди, – окликнул меня с улицы какой-то пьяный. – Ищешь парня для любви?

– Ведите себя прилично! – рявкнул на него Чарльз. – Где вы научились так разговаривать с дамой?

Мужчина скрылся в проулке, а я благодарно улыбнулась Чарльзу.

– Добро пожаловать в наш квартал.

– И тебе приходится все время иметь дело с такими людьми?

Я кивнула.

– К сожалению, к этому привыкаешь. Большинство из них вполне безобидные.

Чарльз неодобрительно покачал головой, наблюдая за улицей. Бездомный шел по тротуару и пинал пустую консервную банку, бормоча что-то себе под нос.

Старушка встала со скамьи и подошла к Чарльзу. Его сверкающий автомобиль был редким зрелищем в нашей части города, и он привлек столько же любопытных, сколько фруктовых мух привлекает сочная слива.

– Прошу прощения, сэр, – еле слышно прошептала старушка. Она протянула к нему руку с грязными ногтями. – Не могли бы вы дать несколько центов голодной старой женщине?

– Это настоящий «Бьюик»? – спросил подросток, проводя рукой по капоту. Чарльз беспомощно посмотрел на меня.

Я откашлялась.

– Простите, – твердым голосом произнесла я, – но мы как раз уезжаем.

Женщина отступила назад. Мальчишка пожал плечами. Все остальные разошлись по своим делам.

– Мне жаль, что так получилось, – произнесла я, как только мы сели в машину. – Богатые редко заглядывают в эти кварталы. – Чарльз явно боролся с собой.

– Понятно. – Он медленно отъехал от тротуара.

Некоторое время мы ехали молча, потом Чарльз повернулся ко мне.

– Мне надо было дать ей что-нибудь.

– Кому?

– Той женщине. Я мог бы дать ей немного денег. Не знаю, почему я этого не сделал.

Я покачала головой.

– Видишь ли, несколько долларов не решили бы ее проблему.

Чарльз кивнул.

– Они ненавидят таких, как я?

– Конечно же, нет, – ответила я, обратив внимание на то, как в свете уличных фонарей сверкают его золотые запонки. – Ты просто из другого мира, вот и все. Из того мира, который им непонятен.

Чарльз снова покачал головой, как будто пытался осознать разницу между нами.

– Я в замешательстве, – наконец признался он. – Я настолько далек от проблем этих людей...

Я коснулась его руки.

– Ты – другой. – Я с восхищением посмотрела на него. Чарльз был добрым, а это редкое качество для людей его круга. Казалось, его сердце могло отзываться на боль бедняков. Редкость, поскольку среди представителей высших классов было принято просто игнорировать их.

Он остановил машину возле ресторана, у дверей которого стояла женщина в светлом креповом платье и курила сигарету. Она элегантно выпускала дым сквозь губы, накрашенные ярко-красной помадой. Потом она бросила сигарету на тротуар и затоптала окурок туфелькой на сверкающем черном каблуке.

– Я подумал, что мы с тобой перекусим в «Голубых пальмах», – Чарльз улыбнулся. – Если ты, конечно, хочешь есть.

Его добрые глаза выжидающе смотрели на меня.

– Да, – ответила я. – Это было бы мило.

Чарльз протянул ключи от машины слугителю, потом подошел к моей дверце и открыл ее. Я почувствовала себя как наследница престола, выходя на тротуар и беря его под руку. Какие-то две женщины остановились и уставились на нас. Сначала они посмотрели на Чарльза, потом на меня, изучили меня с головы до ног, потом начали перешептываться. По их глазам я все поняла. *Самозванка*. Они видели, что я не из богатых. Глядя прямо перед собой, я вошла следом за Чарльзом в клуб.

Мне не терпелось заглянуть в зеркало на стене слева от меня, чтобы удостовериться в том, что в зеркальном отражении действительно я. Мы с Кэролайн мечтали пообедать в «Голубых пальмах». Мы были знакомы с официанткой, которая разносила здесь коктейли по выходным. Она рассказывала нам истории о светских людях и знаменитостях, которые бывали в этом клубе. Я прошла следом за Чарльзом в скупо освещенный вестибюль, где роскошно одетые пары отдавали свои пальто швейцару. Место было шикарное.

Чарльз прошептал что-то служащему за стойкой, и тот с нервной улыбкой вскочил.

– О, мы счастливы видеть вас снова. Ваш обычный столик ждет вас.

Я старалась не думать обо всех тех женщинах, которых Чарльз приводил в этот клуб до меня. Их наверняка было очень много. Мы направились вслед за администратором по темному коридору. Подсветка шла от пола, как в кинотеатрах, в которые я пробиралась еще ребенком. Множество любопытных глаз пристально смотрели на нас. Оркестр на сцене играл медленную мелодию, и я старалась ступать в такт саксофону. Шаг одной ногой, шаг другой ногой. Что, если я споткнусь? Что, если Чарльзу будет за меня стыдно?

Я почувствовала осторожное прикосновение руки к своей талии, теплое дыхание на шее.

– Я просто не могу удержаться, когда играют эту мелодию, а ты?

Мои руки покрылись гусиной кожей. Разумеется, я знала эту песню. Она называлась «Звездная пыль»^[6]. Десяток раз мы с Кэролайн прослушали ее в магазине грампластинок, пока продавец не сказал нам, что мы должны либо купить пластинку, либо покинуть магазин. Но денег на покупку у нас не было, поэтому мы были вынуждены уйти.

Чарльз протянул мне руку.

– Потанцуем?

– С удовольствием, – ответила я и пошла за ним на площадку для танцев. Я чувствовала, что глаза гостей буквально просверливают мою

спину, но когда Чарльз положил руку мне на талию и притянул поближе, вся моя неуверенность улетучилась.

– И ты говорила, что не умеешь танцевать, – прошептал он мне на ухо.

– Я и не умею, – ответила я, – это благодаря тебе я выгляжу достойно.

Чарльз покачал головой.

– Знаешь, ты действительно нечто, Вера Рэй.

Он кружил меня по площадке. Его твердые объятия и уверенные движения помогали мне чувствовать себя легкой и ловкой. Когда песня закончилась, он привлек меня к себе, мои щеки вспыхнули. Какое-то время мы смотрели друг другу в глаза.

– Давай поужинаем, – предложил Чарльз, когда оркестр заиграл следующую мелодию.

Мы проскользнули в отдельный кабинет, из которого открывался великолепный вид на сцену. Мягкая пышная обивка напоминала облако. Из-за того, что Чарльз был рядом со мной, я чувствовала себя словно в другом мире, во всяком случае, этот мир был мне незнаком.

Чарльз заказал вино и выбрал несколько блюд из меню, продиктовав их официанту, стоявшему навтыжку рядом с нашим столиком с белоснежным полотенцем, перекинутым через руку.

– Ты пробовала устрицы? – обратился ко мне Чарльз. – А икру?

Я покачала головой. Зачем делать вид, что у меня изысканные вкусы, когда он знает, что у меня их просто нет?

– Отлично, – Чарльз повернулся к официанту, – мы возьмем и то и другое.

Через несколько мгновений официант вернулся с чашей из пьютера, в которой лежало нечто, похожее на сверкающие ягоды ежевики.

– Это икра, – с улыбкой объяснил Чарльз.

Я сморщила нос.

Потом официант принес блюдо со странным набором моллюсков, уложенных на льду. На втором блюде были мастерски расставлены различные соусы и блюдечко с ломтиками лимона.

– Итак, – начал Чарльз, – выжимаешь немного лимона на раковину, потом берешь ее. Смотри. А потом просто позволяешь устрице скользнуть к тебе в рот.

– Вот так просто?

– Вот так просто.

Мне вдруг пришло в голову, что вся эта изысканная еда – обыкновенная глупость. Зачем все эти хлопоты, когда можно просто съесть сэндвич с ветчиной? Но мне не хотелось разочаровывать Чарльза.

– Хорошо, – скептически откликнулась я, – попробую.

Я потянулась к блюду, взяла одну раковину, разглядывая ее неровную текстуру и любясь острыми краями. Мой отец, рыбак, как-то принес раковину от устрицы домой. Я тогда была совсем маленькой и, взяв ее в руку, порезалась. Мама в тот день работала на фабрике в ночную смену, и перевязать порез было некому. Поэтому я оторвала полоску от кухонной тряпки и завязала ею рану покрепче, чтобы остановить кровь. Когда мама вернулась домой со своей второй работы – в течение дня она присматривала за детьми из привилегированных семей Сиэтла, – я показала ей палец.

– Ты сама во всем виновата! – рявкнула она, даже не взглянув на порез. – Тебе уже пять лет, надо было быть поосторожнее!

От усталости под ее глазами залегли темные тени. Она не хотела меня обидеть. После тяжелого рабочего дня мама и сама не понимала, что говорила. Я, как всегда, простила ее. А когда она уснула в кресле в гостиной прямо в своей рабочей одежде, я укрыла ее одеялом.

Я взяла раковину в руку, кожей ощутила острые края, разжала пальцы и бросила устрицу обратно на блюдо. Я потеряла указательный палец и посмотрела на неровный шрам, который напоминал мне о прошлом.

– Все немного робеют, когда пробуют устриц в первый раз, – сказал Чарльз. – Позволь мне помочь тебе.

Я посмотрела ему в глаза. Его взгляд был теплым, доброжелательным. Я больше не та маленькая девочка. Он поднес раковину к моим губам, я приоткрыла рот, и прохладная, шелковистая плоть устрицы оказалась у меня на языке. Я ощутила соленый привкус моря, его горьковатый аромат с привкусом лимона. Я проглотила устрицу, она как будто разбудила меня, я оживилась.

– Удивительно вкусно, – сказала я и потянулась за следующим моллюском.

* * *

Мы ели. Мы пили. И мы танцевали. Чарльз вел меня, и мои ноги порхали по площадке с удивительной легкостью. Я даже не подозревала, что обладаю такой грацией.

Когда закончилась очередная мелодия, после аплодисментов оркестру к нам подошла пара. Женщина с идеально уложенными крашеными волосами цвета «бежевый блонд» приветственно помахала Чарльзу рукой,

и на ее пальце сверкнуло кольцо с бриллиантом размером с серебряный доллар – она была помолвлена. Когда женщина протянула мне руку, оно ослепительно засверкало в свете люстр. Ее спутник, вероятно, жених, с любопытством рассматривал меня.

– Я Делорес, – промурлыкала дама и с оскорбленным видом повернулась к Чарльзу. – Ты не говорил нам, что у тебя новая подружка. Я думала, что ты все еще встречаешься с Ивонной. Вы были...

– Да, – прервал ее Чарльз. – Познакомьтесь: это Вера Рэй. – Лицо Делорес стало удивленным.

– Конечно-конечно, – она оглядела меня с головы до ног. – Мисс Рэй, рада с вами познакомиться.

– Я тоже рада, – ответила я, чувствуя стеснение в груди.

– Где вы познакомились? – продолжала Делорес. – В загородном клубе?

Она посмотрела на мое платье. Я сразу почувствовала: Делорес отлично известно, что я не могу быть членом загородного клуба.

– Нет, – ответил Чарльз, – мы с Верой познакомились...

– В отеле «Олимпик», – закончила я. – Мы с подружкой были на его открытия.

Делорес приподняла бровь.

– О? – Она как будто пыталась представить меня в лучшей гостинице города. – Дорогая, скажите мне кое-что. – Женщина крепко вцепилась в мою руку. – Как вам удалось получить приглашение на это мероприятие? Я знаю не меньше десятка человек из городской элиты, которых туда не пригласили.

Чарльз обнял меня за талию и прижал к себе, защищая.

– Вера была моей гостьей. – Уверенность в его голосе в зародыше задушила все дальнейшие рассуждения на тему моего появления в отеле.

– Понятно, – Делорес потянула своего жениха за рукав, – мы, пожалуй, пойдем. – Она хихикнула. – То, как вы танцевали, напомнило мне танцевальный марафон на Шестой авеню.

Чарльз выглядел сбитым с толку.

– Танцевальный марафон?

– О, ты, должно быть, не слышал о таком, – усмехнулась Делорес. – Это не твоя стихия.

Женщина повернулась ко мне.

– Возможно, это моя стихия. – Я не сумела справиться с собой. Мои щеки пылали. Я понимала, к чему она клонит. Я была недостойна Чарльза. Это читалось во всем: моем платье, стареньких туфлях, неухоженных

руках.

– До свидания, Делорес, – попрощался Чарльз и кивнул ее спутнику. – Давай выбираться отсюда, – прошептал он мне на ухо, пока мы возвращались к столику.

Я кивнула.

– Куда мы пойдем?

– Вера, – произнес Чарльз так, словно его осенило, – а почему бы нам не отправиться на танцевальный марафон?

Я покачала головой.

– Ты что, серьезно?

– Мы с тобой отличная танцевальная пара, – Чарльз улыбнулся. – Держу пари, что мы сможем победить. И потом, я устал от этой тесноты, мне здесь порядком надоело.

– Но ведь ты даже не знаешь, что такое танцевальный марафон.

Его взгляд поразил меня наивностью. Этот мужчина превосходно вальсировал, но как насчет свинга?

– Имею некоторое представление.

– На танцевальном марафоне пары танцуют в течение долгих часов, иногда даже всю ночь, – объяснила я. – Побеждает тот, кто продержится дольше всех.

– Я бы хотел быть последним мужчиной, который танцует с тобой, – произнес Чарльз, беря меня за руку.

* * *

Я слышала, как играет оркестр в большом спортивном зале на Шестой авеню. Мы с Чарльзом стояли на тротуаре и смотрели на двойные двери, возле которых курили молодые мужчины в стареньких костюмах, слишком тесных или слишком просторных.

Чарльз нервно потер лоб. О чем я только думала, когда повела его сюда? Разумеется, никто из его друзей, играющих в поло, не посещал по пятницам импровизированный танцевальный зал. Пока мы шли к входу, мужчины подозрительно смотрели на Чарльза.

– Привет, куколка, – обратился один из них ко мне. – Ищешь партнера для танцев?

– У нее уже есть партнер, благодарю вас, – ответил Чарльз, отменяя предложение.

– Продажная девка! – услышала я голос того же мужчины, когда мы

входили внутрь. Но следующие его слова заглушила музыка. Наше внимание привлекло зрелище, открывшееся перед нашими глазами. Всюду танцевали пары, страстно, энергично. Я увидела, как мужчина поднял партнершу, а потом снова поставил ее на пол, перебрасывая ее слева направо, словно мячик на веревочке.

У Чарльза приоткрылся рот.

– Вот это да, – пробормотал он. – Ничего подобного я раньше не видел.

– Если хочешь, мы можем уйти, – предложила я, глядя на дверь.

– Нет-нет, – ответил он, не сводя глаз с мужчины, который опустил свою партнершу так низко, что ее волосы коснулись пола. – Я никогда не видел, чтобы люди так танцевали. Это... удивительно. Я хочу попробовать. Ты умеешь так танцевать?

– Свинг? Конечно, – сказала я, – немного.

Я взяла Чарльза за руку, но прежде чем мы смогли выйти на площадку, пожилая женщина похлопала Чарльза по плечу.

– Вы зарегистрировались? – спросила она.

– Зарегистрировались? – переспросила я.

– По пять центов с каждого, – объяснила женщина. – Это за участие, за фотографию и миску чили.

– Миску чили? – удивился Чарльз.

Она указала на стойку впереди нас.

– Заплатить можно там.

Он достал долларовую купюру из бумажника и протянул ее мужчине за стойкой.

– Ваша сдача...

– Оставьте себе, – сказал Чарльз.

– Спасибо, сэр, – мужчина ошеломленно смотрел на него. – Элис рассказала вам о правилах?

Чарльз покачал головой.

– Через пять минут мы прекращаем регистрацию, так что вы как раз вовремя. Правила таковы: не садиться, не есть, не пить. Танцоры не должны танцевать на одном месте или стоять дольше трех секунд, иначе они исключаются из соревнования. Последняя пара выигрывает вот это, – он указал на стеклянную емкость с пятицентовыми монетами. – Сфотографироваться можно вон там, слева.

Мы с Чарльзом прошли несколько шагов и остановились рядом перед белым занавесом.

– Теперь улыбнитесь, – жизнерадостно велел нам фотограф, скрытый

камерой. Рядом с Чарльзом мне было легко улыбаться. – Готово. Если заглянете сюда в следующую пятницу, снимок будет готов.

Мы робко подошли к танцплощадке. Чарльз положил руки мне на талию и начал неуклюже двигать ногами. Я улыбнулась, взяла его за руки и показала ему базовый шаг свинга.

– Вот так, – сказала я, двигаясь в такт музыке. Я помахала рукой Лоле, с которой мы вместе учились в школе. Она явно была шокирована, увидев меня в объятиях Чарльза. Она явно завидовала мне.

– Это сложнее, чем кажется, – заметил Чарльз, пытаясь повторить шаг и наступая мне на правую ногу. – Прости.

– У тебя хорошо получается, – подбодрила его я. Мне было приятно, что и я могу хоть чему-то научить его.

Через некоторое время Чарльз освоился и закружил меня по площадке с уверенностью профессионала.

– Теперь я могу понять, почему этот танец нравится тебе больше, чем вальс, – с улыбкой заметил он. – Это намного веселее.

Я почувствовала, что на лбу у меня выступили капельки пота.

– А что делают люди твоего круга, когда хотят повеселиться?

Чарльз слегка улыбнулся.

– Ты так говоришь, будто я с другой планеты.

– Видишь ли, – ответила я, вытирая лоб, – в каком-то смысле так и есть.

Я посмотрела на других людей на танцплощадке: сыновья фабричных рабочих, дочери портних. И рядом с ними – Чарльз, сын одной из богатейших семей в городе и, возможно, даже в стране, если верить Кэролайн.

– Полно тебе, – обиделся Чарльз. – Тебе не кажется, что ты несколько преувеличиваешь?

В зал вошла миниатюрная фигурка, и я сразу ее узнала. Это была Джинджер Клейтон, моя давняя подруга. Ее младшая сестра умерла полгода назад, потому что у семьи не было денег на лекарства. И мне вдруг совершенно расхотелось танцевать. Как я могла ужинать устрицами и икрой, когда люди, подобные маленькой Эмме Клейтон, умерли от безденежья?

Я отпустила руку Чарльза.

– Неужели ты не понимаешь?

Он снова взял меня за руку.

– Осторожно, – предупредил он, – нас дисквалифицируют, если мы остановимся. О чем нас предупреждали? О правиле трех секунд?

Я отвернулась.

– Я сказал что-то не то?

– Нет. Вернее, да. Я бы только хотела, чтобы бедным не приходилось так страдать.

Оркестр заиграл медленную мелодию, и я была этому рада. Странно было бы вести такой серьезный разговор, двигаясь в сумасшедшем ритме свинга.

– Послушай, – продолжала я, видя, что в его глазах появилось озабоченное выражение. – Я верю, что тебе не все равно, и я знаю, что ты не такой, как другие люди твоего круга. Но мне бы хотелось, чтобы больше состоятельных людей думали о положении бедняков. Времена сейчас тяжелые. Вдове, которая живет в квартире подо мной, приходится оставлять детей на целый день одних, потому что за ними некому присмотреть. Вполне респектабельные люди вышли на улицу и просят подаяния. И все это, когда богатые...

– Когда богатые ничего не предпринимают, чтобы жизнь стала лучше? – закончил за меня Чарльз.

– Да. – Я кивнула.

– Что ж, ты права, – согласился он. – Мы презренные люди. Я первым готов это признать. Мои родители даже не обеспечивают своей прислуге прожиточный минимум. Большинству приходится искать вторую работу, чтобы кормить семьи. Это несправедливо. Я пытался поговорить с моим отцом. Но он и слушать меня не стал. Он сам из бедняков, работал на ферме в Западном Вашингтоне. Отец сам всего добился. Он уверен, что упорный труд и самодисциплина – это билет в мир состоятельных людей. Он считает, что каждый может нажать состояние.

Я покачала головой.

– Но это редко случается.

– Я знаю.

– Твой отец не понимает, что достойным, трудолюбивым людям часто просто не везет, – продолжала я. – Они много работают, но с трудом сводят концы с концами. Люди готовы работать, но работу сейчас найти очень трудно.

Чарльз отвел глаза.

– Я не знаю, что тебе ответить, Вера. Мне это нравится не больше, чем тебе.

– Я не обвиняю ни тебя, ни твоего отца, – поторопилась сказать я, испугавшись, что перешла дозволенные границы. – Просто меня учили делиться с другими. Почему богатые не могут больше помогать бедным?

Чарльз кивнул.

– Та вдова, о которой ты говорила, как ее зовут?

– Лора, ее зовут Лора.

– Где она работает?

– На швейной фабрике в промышленном районе.

– Сколько у нее детей?

Оркестр заиграл более быструю мелодию, и мы сменили ритм.

– Пятеро, – ответила я. – Самому старшему нет и девяти. Ужасная ситуация. На прошлой неделе я принесла им немного хлеба. В квартире был ужасный беспорядок. Настоящая нищета.

Чарльз с нежностью посмотрел на меня.

– Я хочу помочь ей, – сказал он.

– Как?

– Сначала давай вытащим ее с этой работы на фабрике, чтобы она могла заботиться о своей семье.

– Но для этого ей понадобятся...

– Деньги. Я об этом позабочусь.

Я искренне улыбнулась.

– Правда?

– Да, – подтвердил Чарльз. – Но она не должна узнать о моем вмешательстве.

– Хорошо, я помогу тебе, – предложила я.

– Договорились.

Я прикоснулась головой к его груди.

– Это очень благородный поступок.

– Нет, – Чарльз погладил меня по волосам, – это *правильный* поступок, и мне стыдно за то, что я не делал ничего подобного раньше.

Он закружил меня, потом снова притянул к себе. Музыка на мгновение смолкла, я заглянула в его глаза. От его взгляда по моему телу побежали мурашки, и когда Чарльз наклонился ко мне, наши губы соприкоснулись.

– Вот ты где! – раздался пронзительный женский голос. Я отпрянула от Чарльза и заметила подходящую к нам женщину. Ее желтовато-коричневое шелковое платье и шляпка с отделкой из белых перьев выглядели как на картинке из журнала «Вог». Джорджия иногда приносила мне старые номера из дома, в котором работала горничной. В старом спортивном зале эта дама выглядела как лебедь на угольной шахте.

– Я повсюду искала тебя, Чарльз, – продолжала она, и ее голос звучал укоризненно.

Внимание Чарльза отвлек мужчина, появившийся перед нами и

грозивший нам пальцем.

– Боюсь, вы слишком долго стояли, – сказал он. – Прошу вас покинуть танцплощадку. Вы дисквалифицированы.

– Прости, Вера, – смутился Чарльз, – это моя вина.

Женщина начала проталкиваться сквозь толпу, мы с Чарльзом последовали за ней.

– Откуда здесь моя сестра? – еле слышно произнес он.

Когда мы отошли в сторонку, Чарльз сложил руки на груди.

– Джози? – Его голос звучал не слишком приветливо.

– Я и подумать не могла, что найду тебя здесь, – раздраженно сказала она, убирая локон идеально уложенных темных волос под шляпку и разглаживая воображаемую морщинку на платье. – Я заглянула в «Голубые пальмы», и Делорес сказала... – Джози неодобрительно посмотрела на меня и досадливо вздохнула, – в любом случае, у нас не так много времени. Мама заболела.

Чарльз отпустил мою руку.

– О, нет! Что случилось?

– Сейчас у нее врач, – ответила Джози. – Но ты должен приехать как можно скорее.

Чарльз повернулся ко мне.

– Прости, Вера, но я должен идти. Я... Я обязательно позвоню тебе.

– Не беспокойся. – Я постаралась скрыть разочарование. – Иди.

Я смотрела вслед Чарльзу и Джози, которые быстро вышли из спортивного зала. Только когда они растворились в ночной тьме, я повернулась к танцплощадке. Осталось совсем немного пар. Их лица были залиты потом. Мы бы с Чарльзом выиграли. Мы бы танцевали до рассвета.

* * *

– Вера, да ты просто картинка! – воскликнул Лон, увидев меня в холле отеля. Я даже не поняла, что Лон обращается ко мне. А когда я поймала свое отражение в позолоченном зеркале на стене слева, то увидела отражение девушки из высшего общества. Моя талия казалась на несколько сантиметров тоньше благодаря модному нижнему белью под голубым шелковым платьем. Грудь буквально вываливалась из декольте, и я себе казалась лежащей на блюде зажаренной индейкой, с блестящей коричневой корочкой, ожидающей, чтобы ее съели. Я бессознательно поднесла руку к груди.

– От твоей красоты у меня кружится голова, – произнес Лон, властно, по-хозяйски, обнимая меня за талию.

Мне не понравилось его прикосновение. Я судорожно сглотнула. *Я могу это сделать. Ради Дэниела.* Если я правильно поведу игру, Лон использует свои связи, чтобы помочь мне найти сына. Я буду ужинать с ним. Я буду улыбаться и выглядеть хорошенькой. Я сделаю все, если это поможет мне найти сына.

Глава 12

Клэр

На следующий день, выйдя из лифта в издательстве, я опустила голову и намеренно пошла длинным извилистым путем через море серых кабинетов. Глупо было принимать такие экстремальные меры предосторожности, чтобы не встретиться с собственным мужем, но после нашего разговора накануне вечером у меня не было ни смелости, ни силы, чтобы увидеть его. К тому же я снова спала одна в нашей огромной кровати. Я знала, что Этан, возможно, остался в больнице с Уорреном, но он даже не позвонил мне, чтобы предупредить. С каких пор Этан приходит домой по желанию?

Над Сиэтлом вновь сияло солнце, и теплая погода привела Фрэнка в необычайное возбуждение.

– Как продвигается работа? – спросил он, буквально через десять секунд после того, как я уселась в свое кресло.

Я развернулась и посмотрела на него.

– И тебе доброе утро.

– Не знаю, заметила ли ты, – он кивком указал на окно, – но снег *растаял*. Я вообще-то надеялся напечатать твой очерк до того, как читатели забудут о том, что был буран. Ты говорила мне, что я получу его сегодня, но совершенно очевидно, что этого не произойдет. Но, возможно, я смогу увидеть его, скажем, к *Дню благодарения*?

Фрэнк вытащил из кармана рубашки изгрызенный карандаш и принялся его покусывать. Он был единственным боссом, которого я считала очаровательным, когда он на меня злился.

– Послушай, Фрэнк. – Я небрежно скрестила на груди руки. – Ты же знал, что история изначально была охотой за химерами.

Он убрал карандаш обратно в карман.

– Ты права, – вздохнул Фрэнк, – но я не предполагал, что это будет такая *эпическая* охота за химерами.

Я посмотрела на свой блокнот. Мне бы очень хотелось, чтобы я могла показать более значительные результаты своих поисков.

– Фрэнк, такое впечатление, будто кто-то вычеркнул этого маленького мальчика из сюжета.

– То есть ты хочешь сказать, что у тебя нет ни одной ниточки? – с

грустью констатировал Фрэнк.

– Видишь ли, – продолжала я, – ко мне в руки попал детский рисунок с именем Евы Морландстид на обратной стороне.

– Детский рисунок?

По выражению лица Фрэнка я догадалась, что он не в восторге от этой новости.

– Я думаю, что девочка может быть как-то связана с пропавшим мальчиком. Она могла быть сестрой или подругой.

– Ладно, можешь не заниматься этой темой.

– Что?

– Клэр, ты мой лучший репортер. Я не могу тратить время на очерк, который ты напишешь неизвестно когда. – Он положил на мой стол папку. – В этом месяце у нас много работы.

Я недовольно посмотрела на зеленую папку.

– Это что такое?

Фрэнк как будто разговаривал с крышкой моего стола.

– Информация по дням культуры в Сиэтле. Я хочу, чтобы ты написала рекламные материалы.

– Ты что, смеешься надо мной, Фрэнк, – вспыхнула я. – Реклама?

Фрэнк знал, что любой уважающий себя репортер лучше выдавит себе глаза, чем будет писать рекламные тексты.

– Да, – безразлично подтвердил мой босс. – Я только что говорил с отделом рекламы. Нужно заполнить две страницы на развороте. Материал должен выйти на следующей неделе.

Я покачала головой.

– Не могу поверить...

Фрэнк шагнул ко мне.

– Я беспокоюсь за тебя, Клэр. Ты давно уже сама на себя не похожа.

Я вздрогнула.

– Почему ты говоришь мне это?

– Видишь ли, – продолжал он, тщательно подбирая слова, – просто ты никогда раньше не нарушала сроки сдачи материала.

Я провела пальцами по волосам. Фрэнк был прав. Я боялась, что потеряла свой репортерский нюх, и мой босс подтвердил это. *Что со мной происходит?*

Я взяла зеленую папку и открыла ее.

– Не волнуйся, – я повернулась к монитору, – это я сделаю. Все напишу за выходные, и в понедельник ты получишь текст.

– Клэр, послушай, – снова заговорил Фрэнк, – я не хотел тебя обидеть.

Я только...

– Все отлично. – Мой голос звучал напряженно, я сжала руки в кулаки. – Мне жаль, что я тебя подвела. Я думала, что смогу написать этот очерк. Я думала, что смогу найти этого маленького мальчика.

Фрэнк сочувственно кивнул и вышел в коридор.

Спустя несколько минут я услышала звук приближающихся шагов.

– Тук-тук.

Обернувшись, я увидела на пороге Эбби с большой коробкой в руках.

– Доброе утро, – поздоровалась она.

– Доброе, – ответила я, тяжело вздохнув.

– Что-то случилось?

– Судя по всему, моя карьера закончена, и Этан не ночевал дома этой ночью, – ответила я, не в силах отвести взгляд от зеленой папки.

– Твоя карьера *не* закончена, – сказала Эбби. – Ты одна из лучших, если не лучший репортер в редакции. А что касается твоего мужа, то я ничего не знаю, введи меня в курс дела.

Я вздохнула.

– Спасибо, но я бы не хотела говорить об этом сейчас. Боюсь, что не сдержусь. Ты же помнишь наше правило: не плакать на работе.

Эбби улыбнулась и протянула мне коробку.

– Держи.

– Что это?

Она пожала плечами.

– Не знаю, но на коробке написано твое имя. Дженна по ошибке принесла ее мне.

Я поставила коробку на стол, достала из ящика стола ножницы, чтобы разрезать клейкую ленту, и тут обратила внимание на адрес отправителя.

– Эбби, это из Шведского госпиталя, – я почувствовала, как мое сердце забилося быстрее. – Что они могли мне прислать?

Мне было крайне неприятно, что какая-то посылка и даже сама эмблема госпиталя могли вызвать у меня такую примитивную реакцию. Я снова слышала писк аппарата для измерения кровяного давления на моей руке, видела яркие голубые шторы в приемном покое, чувствовала соленые слезы, текущие по щекам. На мгновение я заново ощутила ужас несчастного случая, случившегося со мной год назад. Я закрыла глаза, пытаюсь блокировать воспоминания, прогнать их, отправить обратно в госпиталь, где я их оставила, как мне казалось, навсегда. Но когда я открыла глаза, воспоминания были тут как тут.

– Клэр, – тихим голосом спросила Эбби, – что в этой коробке?

В гневе я начала открывать ее. Что они мне прислали? Мне постоянно оставляли сообщения, напоминая о необходимости повторных посещений, но я никогда не перезванивала. Неужели они не понимают, что каждый звонок, каждый чертов счет в почтовом ящике напоминают мне об утрате? А теперь еще и это? Почему они не могут оставить меня в покое? К внутреннему клапану коробки был приклеен конверт. Я вскрыла его.

Уважаемая мисс Олдридж!

Мы много раз пытались связаться с вами по поводу того, что вы должны забрать свои личные вещи, оставшиеся в госпитале после вашего пребывания там. Единственный адрес, которым мы располагаем, это адрес вашего работодателя. В соответствии с политикой госпиталя, мы возвращаем вам личные вещи.

С наилучшими пожеланиями,

Кэти Морландстид

Я осторожно заглянула в коробку и вытащила оттуда серую полосатую толстовку. Она выглядела ужасно. Сбоку толстовка была разорвана водителем «Скорой помощи» – смутное воспоминание снова стало ярким и отчетливым, – на рукаве запеклись пятна крови. Я вспомнила, как я покупала ее. Мы с Этаном пошли в «Гэп» покупать мне одежду для беременных. Я тогда прицепила накладной живот и вышла к Этану из примерочной, напугав его до полусмерти.

– Твой живот! – воскликнул он. – Что с ним?

– Огромный? – подсказала я с улыбкой, подняла край фуфайки и показала накладку. – Как я тебя провела!

– Да. – У мужа явно отлегло от сердца. – Я уж подумал, что у нас будет двойня.

В тот день я купила эту модель толстовки в трех цветах, несколько пар брюк, все с прочным растягивающимся эластичным поясом, и черное платье с запахом, которое в журнале для будущих мам назвали самым подходящим фасоном для беременных. Я поморщилась, вспоминая об этом, отложила толстовку в сторону и достала из коробки черные легинсы с дырой на колене. Под ними лежало нижнее белье, аккуратно сложенное в стопку. Зачем они возвращают мне все эти вещи? Почему они не могли... просто сжечь их? В самом низу лежали кроссовки для бега. У меня были и другие, но эта пара была самой любимой. Потертые, идеально

разношенные, они преодолели вместе со мной многие мили по залитым дождем улицам Сиэтла, пересекли финишную черту не одних соревнований, но теперь я не могла их видеть. Они будто предали меня.

Я бросила кроссовки и порванную одежду обратно в коробку и взглянула на Эбби.

– Где-нибудь поблизости есть помойка?

Эбби опустилась на колени рядом со мной.

– Клэр, – прошептала она, – может быть, тебе не стоит так спешить и выбрасывать вещи?

У меня защипало в глазах, я быстро вытерла со щеки слезу, раздраженная тем, что плачу.

– О, дорогая, иди ко мне, – Эбби обняла меня, и я прислонилась к ней, вдыхая исходящий от нее аромат лаванды. – Ты раньше так любила бегать, – продолжала она. – Почему бы тебе снова не попробовать?

– Не могу, – я замотала головой, – не буду.

Эбби потянулась и достала из коробки старые кроссовки.

– Все равно, – сказала она, – давай сохраним их. Выброси одежду, если хочешь, но эти кроссовки нужно оставить. – Подруга поставила их под мой стол. – Когда созреешь, снова наденешь их.

– Я никогда не созрею.

– Время лечит, – возразила Эбби. – После смерти моего отца мама сохранила все его вещи в гардеробе точно в таком же виде, в каком он их оставил. Три года они пылились в шкафу, прежде чем она смогла снова взглянуть на них. Мне было всего тринадцать, но я помню тот день, когда мама открыла тот старый шкаф и сняла с вешалки одну из рубашек. Она положила ее на кровать и долго лежала рядом с ней, плакала, вспоминала. Ей потребовалось много сил, чтобы сделать это, сил и времени. Я хочу сказать, маме нужно было через это пройти. Если бы она поручила кому-то собрать и выбросить все вещи отца, как предлагала тетя Дебби, у нее никогда бы не было возможности взглянуть в лицо своему горю, самой поставить точку в истории с отцом. Каждый горюет и выздоравливает в своем собственном темпе, дорогая. Дай себе время.

Я смотрела на кроссовки, привычно думая о том, что лучше мне было бы в тот день остаться дома.

– Не знаю, Эбби, – ответила я и отвернулась от кроссовок.

– Поверь мне, – сказала она, закрыла коробку и выставила ее в коридор. – Так ты нашла мальчика?

– Нет. Фрэнк снял с меня это задание, – я махнула рукой на зеленую папку с информацией для рекламы, которую я пообещала написать. –

Теперь я пишу специальный рекламный разворот к следующей неделе.

Эбби нахмурилась.

– Нет, он не мог так поступить.

Она не хуже меня понимала, что поручение написать рекламу было равносильно отстранению от работы.

– И тем не менее он это сделал.

– Может быть, мне поговорить с ним? – предложила Эбби.

– Я бы на твоём месте не стала этого делать.

Он грыз карандаш.

Эбби сложила руки на груди.

– Что ж, я думаю, что тебе все равно следует продолжать поиски. Удиви его. По-моему, тебе не нужно бросать эту историю, Клэр.

– Но Фрэнку она не нужна, – я пожала плечами. – Даже если я что-нибудь найду, будет уже слишком поздно. Снег растаял. Жизнь продолжается. Думаю, что я упустила эту тему.

– Нет, – возразила Эбби, – ты ничего не упустила. Ты только слегка царапнула поверхность, – ее глаза сузились. – Послушай, дорогая, я сотню раз видела, как ты работала над статьями, но ни одна тема не зацепила тебя так, как история этого маленького мальчика. Напиши о нем. Пусть даже для самой себя. И потом, мне хочется узнать, что же все-таки случилось с малышом.

– Мне тоже, – вздохнула я, достала из сумки блокнот и положила его на зеленую папку. – Да, – в моем голосе явно прибавилось уверенности, – я закончу эту историю.

– Вот и молодец, – похвалила меня Эбби.

Я снова бросила взгляд на кроссовки, потом посмотрела на подругу.

– Знаешь, что самое забавное? – Я показала ей письмо из госпиталя. – Оно подписано фамилией Морландстид. На детском рисунке, который я нашла, та же фамилия.

Эбби просияла.

– Думаешь, есть какая-то связь?

Я пожала плечами.

– Может быть, это просто невероятное совпадение, – предположила я, но мое репортерское чутье уже напомнило о себе. – Хотя фамилия необычная. Кто знает?

– Продолжай работать, – Эбби направилась к двери. – Я здесь до шести, если я тебе понадобится.

– Спасибо, – ответила я и вернулась к компьютеру, чтобы найти номер телефона госпиталя. Потом я взялась за телефон.

Когда мне ответили, я объяснила цель своего звонка.

– Здравствуйте, я хотела бы поговорить с вашей сотрудницей, которую зовут Кэти Морландстид.

– Минутку.

Через несколько секунд в трубке раздался звонкий голос:

– Это Кэти.

– Здравствуйте, Кэти. Меня зовут Клэр Олдридж, я корреспондент «Сиэтл Геральд». Видите ли, в чем дело... Сегодня я получила вашу посылку. Это коробка с...

– Да, Клэр, разумеется. Я надеюсь, вы не против того, что мы отправили ее вам на работу? У нас почему-то не оказалось вашего домашнего адреса. Мы действительно пытались связаться с вами в течение некоторого времени. Вы, возможно, думаете, что мы напрасно отправили вам вещи, оставшиеся после несчастного случая, но наша практика показывает, что пациенты быстрее выздоравливают после того, как увидят то, что напоминает о трагедии...

– Да, конечно, – я решила прервать поток слов, – я не против. Но я звоню вам по другому поводу. Надеюсь, вы сможете ответить мне на один вопрос. Нет ли у вас родственницы, которую зовут Ева Морландстид? Честно говоря, я позвонила вам просто наудачу...

– У меня действительно есть двоюродная бабушка по имени Ева.

Я на мгновение потеряла дар речи.

– В самом деле?

– Да, она живет в Сиэтле, рядом с рынком Пайк Плэйс. Тете Еве за восемьдесят, но этих лет ей никогда не дашь. У нее очень живой ум. Подождите-ка, а откуда вы ее знаете?

– Это довольно длинная история, – ответила я. – Я работаю над статьей и случайно нашла детский рисунок с ее именем на обороте. Мне бы очень хотелось поговорить с ней.

– Понятно. У меня есть ее номер в мобильном телефоне, сейчас я вам его продиктую. Она несколько десятилетий проработала библиотекарем, поэтому всегда поддерживает любые исследования. Я уверена, что тетя Ева не будет возражать, если вы ей позвоните.

Через несколько мгновений я уже записывала номер телефона.

– Спасибо, Кэти.

– Пожалуйста.

Я сразу же позвонила Еве. Один гудок, два, три.

– Алло?

– Мисс Морландстид? Ева Морландстид?

– Да, это я.

– Здравствуйте, – я откашлялась. – Меня зовут Клэр Олдридж. Я репортер из газеты «Сиэтл Геральд». Прошу прощения за то, что беспокою вас, но ваша племянница Кэти дала мне номер вашего телефона. Дело в том, что я работаю над статьей о снежном буране, который обрушился на Сиэтл в мае 1933 года. Случайно я обнаружила информацию о маленьком мальчике по имени Дэниел Рэй, – я замолчала, ожидая реакции Евы. Но в трубке было тихо. – Мисс Морландстид? Вы меня слышите?

– Да, – ответила она. – Простите меня. Я очень давно не слышала этого имени.

Я выпрямилась в кресле.

– Так вы его знаете? Или, вернее, вы его *знали*?

– Знала, но это было много-много лет назад.

Мое сердце заколотилось.

– Напомните, где вы нашли мое имя? – с подозрением переспросила старушка.

– На обратной стороне рисунка, – торопливо ответила я. – Мы нашли его в кафе «Лаванто».

– Я не уверена, что смогу помочь вам. – В голосе Евы чувствовалось невероятное напряжение. – Я была совсем маленькой девочкой, когда Дэниел пропал.

– Могли бы мы с вами встретиться? – Работая репортером, я давно выяснила, что люди рассказывают намного больше при личной встрече, чем во время разговора по телефону. Однажды во время интервью за ленчем сенатор признался мне, что изменяет своей жене. Нам как раз подали салат, и я только-только проглотила сочную зелень, когда он пустился в рассуждения об оттенке глаз своей любовницы. – Возможно, вы сможете что-нибудь вспомнить. Мне пригодилась бы даже мельчайшая деталь.

– Что ж, – голос Евы немного смягчился. – Думаю, это возможно. Не могли бы вы прийти завтра утром?

– С удовольствием.

– Я живу в доме престарелых, Брайтон Тауэрс, рядом с рынком.

– Тогда мы увидимся завтра.

– Вы знаете, – добавила старушка, явно предавшись воспоминаниям, – на прошлой неделе племянник возил меня в «Нордстром», и мы проезжали мимо старого дома, где они снимали квартиру.

– Вы говорите о Вере и Дэниеле?

– Да. У меня потеплело на сердце, когда я увидела, что он стоит на

месте. Там ведь теперь кафе, верно?

– Да, кафе «Лаванто».

– Застройщики обращаются со старыми зданиями как с сорняками, – продолжала Ева. – Им не терпится их снести, чтобы построить дорогие кондоминиумы. Они не понимают, что их техника разрушает историю и воспоминания людей. Владелец этого здания хороший человек, раз сохранил его в неприкосновенности.

Я улыбнулась.

– Видите ли, я знакома с владельцем. Он действительно отличный парень.

– Хорошо, дорогая, – сказала Ева, – мы увидимся с вами завтра.

– До свидания.

Спустя мгновение на мой адрес пришло электронное письмо. В качестве темы значилось следующее: «Не могу дождаться, когда увижу тебя!» Я посмотрела на календарь, где синими чернилами в графе «после обеда» было написано «поездка к Эмили». Я давно обещала моей старой подруге Эмили Уилсон навестить ее. Она переехала на остров Бейнбридж несколько лет назад, где поселилась вместе с мужем Джеком в старом доме в колониальном стиле, принадлежавшем ее не слишком здоровой двоюродной бабушке. Я открыла письмо Эмили.

«Если ты успеешь на паром в 12:00, я смогу встретить тебя у терминала в 12:45. Ты не поверишь, как выросли близняшки».

Я видела ее малышей только однажды, когда им было всего две недели от роду. Мы с Этаном навещали их, тогда я только забеременела. Мы поделились радостной новостью с Эмили и Джеком. Я никогда не забуду, как взяла одну из девочек на руки и подумала о том, что скоро буду качать собственного ребенка. Малышка казалась такой хрупкой, такой легкой. Помню, как я испугалась, когда она заплакала, и подумала: а готова ли я к материнству? У Эмили все получалось так естественно. Она уверенно взяла дочку из моих рук, приложила ее к груди, как будто проделывала это тысячу раз. Я посмотрела тогда на свой живот, где рос мой малыш, и задумалась, буду ли я хорошей матерью, какой, казалось, была Эмили? Я крепко зажмурилась, загоняя воспоминания поглубже, в самый темный угол. Потом бросила взгляд на часы, стоящие на столе. Уже одиннадцать тридцать. Мне нужно бежать, если я хочу поймать такси и успеть на паром.

Я опустилась на сиденье парома и прислонилась к обитой винилом спинке, глядя на нос судна, разрезающий соленые волны. Чайки с криками летали вокруг старой посуды, как будто вызывая паром на соревнование. В конце концов птицы устали от этой игры и улетели прочь.

Этан любил остров Бейнбридж. У его родителей там был домик на пляже, и мы регулярно туда ездили. Дом с четырьмя спальнями стоял над Орлиной бухтой, и едва ли его можно было назвать «пляжным домиком» в привычном смысле этого слова. В нем была огромная ванная комната со всеми возможными удобствами, балкон в главной спальне и кухня, достойная шеф-повара, где Этан по утрам пек для меня оладьи на пахте. Но в последнее время он ездил на остров один. Когда к нам приехала моя мама, чтобы побыть со мной после несчастного случая, Этан провел в доме на острове шесть дней. И хотя я обиделась на него за это, в каком-то смысле я его понимала. Ему нужно было по-своему пережить горе. Домой муж вернулся небритый, с какими-то пустыми глазами.

Я потянулась за своим ноутбуком в черном кожаном чехле и воткнула шнур в розетку под сиденьем. Открыла файл под названием «Дэниел Рэй, очерк». В нем было только название «Ежевичная зима: история о мальчике, потерявшемся во время бурана в 1933 году». Я посмотрела на мигающий курсор, написала несколько предложений, потом добавила еще и еще. К тому моменту, когда прозвучал гудок парома, извещающий о приближении к берегу, я успела написать вступление, которым была очень довольна. Смогу ли я дописать этот очерк до конца? Удастся ли мне выяснить, что случилось с Дэниелем Рэем?

Короткий путь по сходням до терминала, и я увидела Эмили. Она махала мне рукой, сидя за рулем зеленого «Фольксвагена»-«жука» 1963 года, принадлежавшего ее двоюродной бабушке.

– Ты все-таки приехала! – воскликнула она, ее голос приглушил звук мотора.

Я открыла пассажирскую дверцу, положила сумку и ноутбук и посмотрела на заднее сиденье, ожидая увидеть там близнецов в автомобильных креслах.

– Они дома с Джеком, – сказала Эмили, как будто прочитав мои мысли. Она выглядела счастливой, розовощекая, легкие светлые волосы собраны сзади в простой «конский хвост». На ее руке в лучах солнца сверкал бриллиант грушевидной формы в окружении рубинов. Как-то раз Эмили рассказала мне историю этого кольца. Оно принадлежало женщине, которую много лет назад любил дедушка Джека. Я не помню всех подробностей, но история была наполнена истинной любовью. И эту

любовь можно было почувствовать при одном только взгляде на кольцо.

– Вчера девочкам исполнился годик, – сообщила Эмили. – Ты можешь в это поверить?

Она просто излучала счастье.

– Мне не терпится их увидеть! – ответила я.

Это было правдой, но если бы я была честной с самой собой, я бы призналась, что боюсь этой встречи. Каждая дата их жизни будет напоминанием о моей утрате.

– Прости, Клэр! Я знаю, каким тяжелым был для тебя прошедший год. Тебе не слишком тяжело оказаться рядом с...

– Детьми?

– Да, – осторожно произнесла моя подруга. – Я не представляю, как тебе удастся так хорошо держаться. Я бы просто пропала.

Зачем мне лгать старой подруге?

– Я и пропадаю.

– О, Клэр, – в глазах Эмили отразилась моя боль. – Мне так жаль. Я горюю вместе с тобой. Послушай, если тебе тяжело видеть девочек, скажи мне об этом. Я только что накормила их, так что мы можем где-нибудь пообедать. Нам не обязательно ехать домой.

Я коснулась руки Эмили и крепко сжала ее.

– Я хочу их увидеть. Если я на них не посмотрю, то буду очень сожалеть.

– Знаешь, ты просто удивительная, – Эмили вывела машину из терминала. – Ты действительно умеешь дружить.

– Что ты имеешь в виду?

– Моя тетя Би всегда говорила, что истинный друг не тот, кто приходит к тебе, когда тебе плохо. – Эмили покачала головой. – На это способен любой. Истинный друг, говорит тетя, это тот, кто может оценить твое счастье, радоваться вместе с тобой, пусть даже ему самому не слишком весело. – Она посмотрела на меня. – Это о тебе, Клэр.

– Спасибо, Эм.

Она на мгновение оторвала взгляд от дороги.

– Я действительно так думаю.

– Малышки уже стали большими, – сказала я и посмотрела в окно. Мимо проплывала пышная вечнозеленая растительность острова. – Материнство, на что оно похоже?

Эмили вздохнула и чуть крепче сжала руль.

– Это пугающе и замечательно одновременно. И очень изнурительно. Скажу тебе откровенно: спустя месяц после их рождения я захотела

отправить их обратно.

Я хихикнула.

– Я не лгу, Клэр, – продолжала Эмили. – Я никогда не забуду той минуты, когда однажды ночью Джек вошел в спальню с одной из малышей на руках. Она плакала. Другая рыдала в колыбельке. Было где-то около двух часов ночи. Я страшно устала за день. Я села в кровати, спустила ноги и думала только об одном: «Я совершила худшую ошибку в своей жизни». – Она покачала головой. – Но я справилась с этим. Это был период адаптации. Теперь я не могу представить, что моя жизнь могла сложиться иначе.

Эмили свернула на извилистую дорогу, ведущую к участку ее двоюродной бабушки, и быстро улыбнулась мне.

– Уверена, что из Джека вышел отличный отец, – с улыбкой констатировала я.

– Он легко справляется с ними, – согласилась Эмили. – Сейчас они гуляют вдоль пляжа. Мы купили двойную прогулочную коляску с огромными колесами, которым не страшны песок и ракушки.

– Как поживает тетя Би? – спросила я. Я не знала точно, сколько ей лет – далеко за восемьдесят или уже за девяносто – но ее никак нельзя было назвать старухой. Когда я в первый раз приехала на остров к Эмили, Би предложила мне выпить виски.

Подруга вздохнула.

– Она неважно себя чувствовала. Врач говорит, что это сердце. Теперь она принимает много лекарств и большую часть времени проводит в постели. Днем я ухаживаю за ней, а на ночь приходит сиделка, – Эмили покачала головой. – Би просто бесится оттого, что не может выйти из дома. Вчера после обеда я поймала ее, когда она собиралась улизнуть на пляж. Бедняжка стала такой слабой, что едва не упала с лестницы.

– Печально это слышать. Наверное, очень тяжело наблюдать, что ей становится все хуже?

– Да, это так, – ответила Эмили. – Звучит странно, но дом стал другим. Что-то изменилось. Я это чувствую. Может ли такое быть?

– Я понимаю, о чем ты говоришь. Когда много лет назад заболела моя бабушка, старый дом тоже стал совсем другим, – сказала я. – Как будто душа покинула старые стены.

– Да, так и есть, – согласилась Эмили. – Мы с Джеком переехали к ней сразу после нашей свадьбы. Би настояла на этом. Сначала я беспокоилась, что мы не уживемся вместе, но нам понравилось. Забавно, но я думаю, что мы нуждались в Би ничуть не меньше, чем она нуждалась в нас. Она

быстро сдала, и перемены действительно меня пугают. Би больше не встает в шесть утра, не смотрит на море и не комментирует, что там происходит. Газеты она тоже больше не читает. Даже «Нью-Йоркер». Я на днях расплакалась, когда достала из холодильника последнюю банку сваренного ею домашнего джема. Разумеется, Би пока жива, но я уже скучаю по ней прежней.

Я сочувствовала Эмили, потому что мне была знакома та печаль, о которой она говорила.

– Я не знаю, что тяжелее, потерять кого-то внезапно или постепенно, со временем, – вздохнула я.

Эмили смахнула со щеки слезу.

– Би будет рада тебя видеть. Она любит гостей.

Машина замедлила ход, мы подъехали к дому. Я смотрела в окно на цветущие рододендроны по обеим сторонам дороги, темно-красные, светло-пурпурные, белые и коралловые. Дорога приблизилась к берегу, где старый белый дом в колониальном стиле смотрел окнами фасада на залив Пьюджет-Саунд. Черные ставни, внушительные колонны – дом казался мудрецом, прожившим долгую жизнь, он излучал печаль.

– Мы приехали, – объявила Эмили, открывая дверцу. Я вышла из машины и пошла следом за ней по дорожке к парадной двери, где стояла двойная прогулочная коляска. – Мама дома, – пропела она, переступив порог.

Я услышала детский смех, донесшийся откуда-то из комнаты, и спустя мгновение появился Джек с двумя ангелочками в розовых платьях на руках.

– Привет, Джек, – улыбнулась я. – Ты просто прирожденный отец.

Эмили ласково погладила его по спине.

– Он каждое утро встает пораньше и занимается детьми, чтобы я могла писать.

– Она тебе сказала? – спросил Джек, поворачиваясь ко мне.

– О чем?

– Эмили написала второй роман. Его зимой опубликуют.

Я улыбнулась.

– Это фантастика, Эм!

– Ну, – подруга посмотрела на залив, – этим я обязана этому месту. Оно просто волшебное. Никогда я не чувствовала такого творческого подъема. Что же мы здесь стоим,ходи! Я знаю, что у тебя не слишком много времени, так что давай наслаждаться каждой секундой.

Мы прошли в гостиную, и Джек усадил близняшек на ковер с игрушками.

– Какие они красивые! – заметила я.

– Нора у нас просто фейерверк, – заметила Эмили, указывая на малышку покрупнее, которая как раз вырывала погремушку из рук сестры. – Она уже спорит со мной.

Я рассмеялась.

– Твоя уменьшенная копия?

Эмили кивнула.

– Точно. Но Эвелин – мы зовем ее Эви – это наш маленький миротворец. Девочки до сих пор спят в одной кроватке, и когда Нора просыпается и начинает плакать, Эви гладит ее по голове. Очень нежная девочка.

– Очаровательная, – я протянула Эви другую игрушку.

Джек кивнул в сторону коридора.

– Почему бы тебе не отвести Клэр к Би? – обратился он к жене. – В это время она как раз просыпается после дневного сна.

– Да, Би будет рада тебя видеть, – Эмили встала.

Я последовала за подругой к закрытой двери в конце коридора. Эмили негромко постучала, и через некоторое время мы услышали слабое, но приветливое «Входите!».

Би, в белой ночной рубашке, лежала в постели, опираясь на высокие подушки. На прикроватном столике скопились непрочитанные книги и журналы. Старая женщина безучастно смотрела в открытое окно, где волны тихонько накатывались на берег.

– Здравствуй, дорогая, – обратилась Би к Эмили, садясь в постели.

Подруга заметила, как бриз колышет занавески, и побежала закрывать окно.

– Би, ты наверняка замерзла. – Она укоризненно покачала головой, беря еще одно одеяло с кресла и укутывая старушку.

– Я скучаю по морскому воздуху, – призналась Би. – Лучше замерзну до смерти, чем откажусь от него.

– Ладно, – откликнулась Эмили, возившаяся с термостатом, – тебя можно понять. Но давай хотя бы сделаем батареи погорячее.

Би потянулась за очками, лежавшими на тумбочке.

– О, у нас гости!

– Да. Би, ты же помнишь мою старую подругу Клэр?

– Разумеется, – Би жестом подозвала меня к себе. – Как поживаешь, дорогая?

– Неплохо, насколько это возможно, – ответила я. – А вы?

– Хорошо, – в голосе Би явно слышался сарказм, – насколько хорошо

может быть человеку, который не вылезает из этой проклятой постели весь день.

Голос у нее был слабый, но я обрадовалась тому, что дух ее по-прежнему силен.

– Ты ведь пишешь, дорогая, как и наша Эмили?

Я кивнула.

– Да, пишу. Мы с Эмили познакомились в колледже. Она выбрала более славный путь прозаика, а я предпочла журналистику.

Би улыбнулась.

– Я помню, ты пишешь для газеты.

– Для «Сиэтл Геральд», – подтвердила я.

– И над чем ты сейчас работаешь, дорогая? Я читаю газету от корки до корки.

Я посмотрела на стопку газет, лежавшую на ее прикроватной тумбочке.

– Как раз сейчас я работаю над очень интересной историей, – начала рассказывать я. – О маленьком мальчике, который пропал в 1933 году во время майской снежной бури.

Би явно была удивлена.

– Я так давно не вспоминала о том буране, – тихо произнесла она.

– А вы его помните?

Она улыбнулась, погрузившись в воспоминания.

– Я была еще девочкой. Тогда мы жили в Западном Сиэтле. Мама позволила нам играть в снегу все утро. Это было исполнение мечты для школьницы, надевавшейся пропустить урок арифметики. И такой шок для всех нас. Снег в мае! Эта холодная неделя напомнила мне о том времени. Как, ты сказала, звали этого маленького мальчика?

– Дэниел, Дэниел Рэй. Вы вряд ли что-то знаете о нем...

– Прости, – вздохнула Би. – Мне бы хотелось знать его и помнить о нем, – она задумчиво сложила руки на груди. – Но ты можешь попробовать поговорить с моей старинной подругой Лилиан Шарп. Мы вместе учились в школе в Сиэтле. Наши семьи дружили долгое время. В 1930-х годах ее отец был одним из самых известных адвокатов в городе. Он вел несколько резонансных дел. Я помню, что Лилиан считала его работу очень скучной, когда мы были молодыми, но, повзрослев, она смогла оценить его труд. После его смерти Лилиан собрала все его папки с делами и передала почти весь архив в дар музею в Сиэтле. Он вел несколько процессов с участием высокопоставленных персон. С тех пор многое, конечно, забылось, но кое-что можно вспомнить... – Би замолчала, как будто пыталась заставить

колесики своей памяти вращаться быстрее. – Да, он защищал женщину, которая застрелила своего мужа. Об этом деле в Сиэтле было много разговоров. Тебе надо поговорить с Лилиан. Вдруг она что-то вспомнит о том пропавшем мальчике.

– Я была бы рада поговорить с ней, – подтвердила я. – Я непременно свяжусь с ней, когда вернусь в Сиэтл.

– Я вчера ее видела, – улыбнулась Би, – возле аппарата с газировкой. Ей не слишком нравится Эстер, но...

Эмили выразительно посмотрела на меня и погладила старую женщину по руке.

– Би, ты, должно быть, что-то перепутала. Вчера мы не ходили к аппарату с газировкой.

Эта новость ошеломила Би, потом она смутилась.

– Ах, да, – спохватилась она, – конечно. Перепутала.

– У меня с памятью тоже неважно, – вставила я. – Я вообще считаю, что мне очень повезло, если удастся хоть что-то вспомнить, – добавила я.

Би одобрительно мне улыбнулась, потом коснулась моей руки.

– Как мило с твоей стороны, – сказала она.

– Простите? Что именно?

– Как мило, что тебя волнует история из прошлого, – продолжала Би. – Так много молодых людей не дадут и ломаного гроша за то, что не относится к сегодняшнему дню.

– Видите ли, история захватила меня сразу же, как только я о ней узнала. Мать и сына разлучили. Я не могла не продолжить поиски. – У меня не хватило духу сказать ей, что мой редактор зарубил эту тему. Для меня история продолжалась.

Би кивнула.

– Ты найдешь этого маленького мальчика, – уверенно пообещала она.

– Надеюсь. – Я встала.

– Би, ты приняла лекарство? – спросила Эмили, наклоняясь к старушке, словно насадка.

Би фыркнула и повернулась ко мне.

– Она всегда спрашивает меня о лекарствах.

Эмили улыбнулась.

– Кто-то же должен следить за тем, чтобы это сердце стучало.

– Приятно, когда кто-то о тебе беспокоится, – прошептала мне Би. – Честно говоря, не знаю, что бы я без нее делала.

– Все, достаточно, – с деланой суровостью заявила Эмили, опуская жалюзи. – Пора отдохнуть. И больше никаких открытых окон, а не то

подхватишь пневмонию.

– До свидания, Клэр, – попрощалась со мной Би, устраиваясь поудобнее. – Я надеюсь, что ты еще к нам приедешь. Я буду ждать, чем кончится эта история.

– Если напечатают, я обязательно пришлю вам экземпляр, – пообещала я и вышла в коридор.

* * *

Домой я отправилась на шестичасовом пароме, и Джин встретил меня у такси.

– Вы только что разминулись с Этаном, – сообщил швейцар.

– Вот как?

Муж не звонил мне целый день. Не то чтобы я ждала от него звонка. Мы все еще злились друг на друга. Если наш брак завершится, что ж, так тому и быть.

– Да, – продолжал Джин. – Он так принарядился. Смокинг и прочее. Уехал на такси десять минут назад.

Куда это мой муж отправился в смокинге? Без меня? Мое сердце заполнило тоскливое осознание того, что Этан ускользает от меня, словно песок сквозь пальцы. Я могла бы исправить ситуацию. Я могла бы найти его, обнять, сказать, что я люблю его. Мы могли бы прекратить эту бессмыслицу. Во мне начали пробуждаться болезненные воспоминания, но я усилием воли прогнала их. Примирение. Именно к этому подталкивал меня мой психотерапевт весь прошедший год. Врач сказала, что кто-то из нас должен сделать первый шаг. Кто-то из нас должен схватить другого за шиворот и сказать: «Посмотри на нас! Мы можем все исправить! Мы любим друг друга!» На протяжении нескольких месяцев я думала о том, чтобы самой сделать этот первый шаг. Вот только всякий раз, когда я делала его, потом мы делали два шага назад, иногда даже три. Но не в этот раз! Я махнула рукой, останавливая уже отъезжавшее такси.

– Пожалуйста, подождите минутку! – крикнула я водителю и повернулась к Джину: – Этан сказал, куда он направляется?

– Да. В отель «Олимпик», там какое-то мероприятие. – Джин явно занервничал. Он испугался, что выдал тайну, которая может разрушить наш брак. – Я-то думал, гм, что вы приедете прямо туда.

– Спасибо, Джин, – поблагодарила я швейцара и снова нырнула в такси. Я повернулась к водителю:

– Вы можете отвезти меня к отелю «Олимпик»?

Когда машина подъехала к старому зданию, я нервно сцепила пальцы. Его резной фасад и колонны со сложным узором всегда восхищали меня. Служащие отеля роились, словно пчелы, забирая у владельцев ключи от машин и отгоняя автомобили на парковку. Впереди меня на сверкающем «Мерседес-Бенц» подъехала пара. Украшенное блестками платье женщины сверкнуло, когда она оперлась на руку своего спутника и вышла из машины, показав стройное тело на десятисантиметровых шпильках. Я бросила взгляд на свои туфли – поношенную пару серых балеток с черной царапиной справа у пальцев, которые я даже не потрудилась почистить. Я попыталась разгладить смятую блузку, но безуспешно. Потом я поняла, что забыла взять губную помаду, и постаралась хоть как-то пригладить растрепавшиеся волосы. Я пожалела о том, что на обратном пути в Сиэтл сидела на пароме на внешней палубе. Соленый бриз превратил мою шевелюру в спутанную гриву. В конце концов я собрала непослушные пряди в тугий пучок и закрепила его эластичной резинкой, которая, к счастью, отыскалась в моей сумке. Протянув водителю десять долларов, я вышла из такси и подошла к швейцару в черной униформе.

– Здесь сегодня что-то празднуют? – спросила я, заглядывая внутрь через стеклянные двери с позолоченными рамами и пытаюсь понять, что происходит внутри.

Он подозрительно оглядел меня с головы до ног.

– Да. Вход только по приглашениям, – швейцар повернулся к молодой женщине, не старше двадцати пяти лет, стоявшей поодаль и сжимавшей в руке список. Похоже, сотрудница отдела по связям с общественностью. – Поговорите с Лизой, – предложил он мне. – Вы должны быть в списке.

– Привет, – поздоровалась я с Лизой, – я Клэр Олдридж.

Она проверила список и взглянула на меня с довольной усмешкой.

– Простите, но я не нахожу вашего имени.

Я покачала головой.

– Нет-нет, я пришла не на мероприятие. Мой муж здесь, внутри.

Лиза с сомнением посмотрела на меня, как будто пыталась понять, не придумала ли я это на ходу, чтобы меня пропустили в отель.

– Если вас нет в списке, значит, вас нет в списке.

– Послушайте, – начала я, – мой муж...

И тут я увидела Этана. Через стекло дверей картинка казалась немного размытой, но одно было ясно: мой муж – красавец, он был рожден для того, чтобы носить смокинг. Этан поднес бокал с шампанским к губам, потом кивнул и помахал кому-то. Этот мужчина знал, как вести себя в толпе. Я

вспомнила, как он легко и изящно переходил от столика к столику на нашей свадьбе, в то время как я неловко ковыляла рядом с ним, в ужасе от непрекращающегося потока пожеланий счастья и обязательных объятий. Мой психотерапевт называет такое состояние социальной тревожностью. Многие люди страдают от нее. Но только не Этан. Внутри в зале все сверкало, начиная от огромной хрустальной люстры под потолком и заканчивая украшениями на шеях женщин.

Я не чувствовала себя миссис Кенсингтон. Мне как будто снова было тринадцать лет. Высокая худая девочка в обрезанных ниже колен джинсах и яркой футболке прижимается носом к ржавой проволоочной ограде рядом со школой, глядя, как девочки, принадлежащие к элите, играют в баскетбол. Я указала Лизе на Этана.

– Видите? Это мой муж. Этан *Кенсингтон*.

Она посмотрела на меня так, будто я искала возможность даром полакомиться шампанским, фаршированными грибами и морепродуктами.

– Послушайте, – сказала она, – я не могу впустить вас внутрь, если у вас нет приглашения.

У меня отлегло от сердца, когда я увидела, что Этан повернулся лицом ко входу. Он выйдет на улицу, и я подбегу к нему. Я возьму его лицо в ладони и скажу, что готова закончить эту войну. Готова попробовать снова. Этан поставил пустой бокал на поднос официанта и взял еще два. Он улыбался, идя по направлению к вестибюлю. Я помахала ему рукой. Но мое сердце оборвалось, когда я увидела, что к нему подошла какая-то женщина и поцеловала его в щеку. Он протянул ей второй бокал с шампанским. Я стояла так близко, что могла разглядеть пузырьки в бокале. Спустя секунду я поняла, кто она, и мое сердце как будто пронзила стрела.

Кассандра.

Я задрожала, увидев их вместе. Они улыбались друг другу. Они смеялись. Она игриво положила руку ему на рукав. Какая-то моя часть рвалась внутрь отеля, чтобы оторвать ее руку от рукава моего мужа. Но вместо этого я порылась в сумке и достала телефон. Набрал номер Этана, я поднесла аппарат к уху. Я видела, как он вытащил свой мобильный из кармана, посмотрел на экран, что-то сказал Кассандре и отошел на несколько шагов в сторону. Я отпрянула назад, испугавшись, что муж увидит меня через стекло.

– Клэр? – Его голос звучал отстраненно, казался чужим, хотя он находился всего в нескольких шагах от меня. – Все в порядке?

Я вдруг ощутила невероятную слабость и не смогла произнести ни слова. Я думала о всех тех словах, которые я хотела сказать любимому

мужчине, о всех словах, отрепетированных мной, пока я ехала в такси. Но когда представилась возможность, я ничего не смогла сделать, только смотрела на свои поцарапанные туфли.

– Клэр, это ты?

– Это я. – Мой голос дрогнул, я прикусила губу.

– Дорогая, по-моему, ты неважно себя чувствуешь, – сказал Этан. – Послушай, почему бы тебе не поехать домой? Я тут по работе, но могу уйти пораньше.

Я заглянула через стекло и увидела, как Кассандра отправила ему в рот закуску. Она улыбнулась моему мужу и взяла что-то себе с ближайшего подноса.

– Прости, – извинился Этан, – сегодня вечером я ем на ходу.

– Все нормально. – Я взяла себя в руки. – Я не хотела мешать. Мне пора идти.

Я видела, как Этан вернулся к Кассандре. Она что-то говорила, была оживлена, он засмеялся в ответ. Потом они оба скрылись в толпе.

– Прошу прощения. – Голос девушки со списком звучал одновременно и приторно-сладко, и в высшей степени раздраженно. – Но вас все-таки нет в списке.

– Да, – ответила я, не пытаясь скрыть разочарование. – Я уже ухожу.

Глава 13

Вера

Сидеть за столом с Лоном было сплошным мучением. Не потому, что корсет, стягивавший талию, впивался в тело, причиняя боль, и не потому, что его жаркий взгляд будто сжигал меня. Невозможно было видеть разочарование на лицах моих бывших коллег. Лу, веселый старик-швейцар, очень тепло, по-отцовски, относившийся ко мне, отвернулся, когда я вошла в отель под руку со своим покровителем. Две горничные, которых я считала своими подругами, Дженни и Вивиан, окинули меня в фойе мрачными взглядами и вернулись к своему занятию: они сметали пыль с канделябров. Я не винила их за это. Принаряженная, затянутая в одежду, купленную за чужие деньги, я как будто воплощала все то, за что мы все презирали высшее общество и тех его представителей, которые всегда получали желаемое. Но сейчас я не могла себе позволить беспокоиться об этом. Комок в горле мешал мне дышать свободно, я закрыла глаза и не открывала их довольно долго, вспоминая лицо своего мальчика, его нежные щеки, шелковистые белокурые локоны над большими голубыми глазами. Он всегда был со мной.

– Что загрустила, куколка? – поинтересовался Лон и впился зубами в клешню краба. Капля масла стекла по его подбородку. – Почему ты ничего не ешь? – спросил он, указывая на роскошный выбор блюд на столе.

К моим глазам подступили слезы, и я уже не могла их сдерживать.

– Мне ужасно жаль, мистер... то есть я хотела сказать, Лон, – пробормотала я, – но это из-за моего сына. Мне его очень не хватает.

– Ну-ну, я уверен, что с ним все в порядке.

Все в порядке? Я вонзила ногти в обивку стула. Как люди могут так говорить о пропавшем мальчике? Исчез трехлетний ребенок, и никому нет до этого дела. Я закрыла лицо ладонями и почти сразу почувствовала прикосновение теплой и влажной руки Лона к своему плечу.

– Я обязательно позвоню насчет него завтра утром. – Он постарался меня утешить.

– Утром? – воскликнула я, поднимая на него глаза. – Простите, но не могли бы вы позвонить сегодня вечером?

Лон покачал головой.

– Дорогая, все конторы уже закрыты. Завтра.

Я кивнула.

– А теперь я отведу тебя наверх. Там ты сможешь расслабиться.

Я нерешительно поднялась, промокнула белоснежной салфеткой слезу на щеке. Лон протянул мне руку, и я неохотно дала ему свою. Он крепко сжал ее и повел меня через ресторан в фойе к лифту. Обслуживающему персоналу не разрешалось пользоваться лифтом для гостей – он был слишком роскошным, с разнообразными украшениями и медными поручнями. Но я уже ездила в нем в тот раз, когда впервые была в отеле в качестве гостя. Тогда я была с Чарльзом. В конце концов, мы с ним оказались в мягкой постели. Той самой, где был зачат Дэниел.

Четырьмя годами ранее

Чарльз заехал за мной в семь. Прошла неделя с того дня, когда ему пришлось спешно уйти с танцплощадки, последовав за своей раздражительной сестрой. Я думала о нем каждый день, особенно по вечерам, когда заканчивалась моя смена в ресторане, а в квартире стояла тишина. В тот вечер я села на переднее сиденье его «Бьюика». В машине пахло роскошью: качественной кожей, хорошим ароматным табаком и дорогим одеколоном.

– Привет, – Чарльз мне улыбнулся, и я почувствовала, что мое сердце затрепетало. – Я скучал по тебе, – прошептал он и убрал с моего лица выбившуюся прядь волос. От его пальцев по моей шее пробежал приятный холодок.

– Я тоже по тебе скучала, – ответила я. – Как твоя мама?

– Намного лучше. У нее пневмония. Врач успел предпринять все необходимое как раз вовремя, – Чарльз склонил голову к правому плечу и заглянул мне в глаза. – Я ужасно себя чувствовал, когда бросил тебя на танцплощадке.

– Не думай об этом, ведь у тебя заболела мама.

Он пожал плечами.

– Ну, моя сестра могла бы быть и полюбезнее. Но не обижайся на нее. Такова Джози. Ей не нравится ни одна девушка, с которой я встречаюсь.

– О! – Я опустила взгляд.

Чарльз подвинулся ко мне поближе.

– Ты неправильно меня поняла. Я не имел в виду, что ты, Клэр, ей не понравилась. Просто она...

– Сноб?

Чарльз весело улыбнулся.

– В общем, можно сказать и так.

– Ничего, все в порядке, – произнесла я, глядя в глаза Чарльзу.

Он нажал на газ и выехал на проезжую часть. Ни у кого из моих знакомых не было машины. Я наслаждалась звуком мотора и джазовой мелодией, доносившейся из радио.

– Почему бы нам не отправиться в клуб «Хижина»? Мы бы там поужинали и, возможно, еще раз попытались счастья на танцплощадке.

– Я с удовольствием, – ответила я, прижимаясь щекой к его плечу.

Из окна «Бьюика» Сиэтл выглядел великолепно. Ветровое стекло роскошного автомобиля превратилось в розовые очки, через которые мир казался куда более привлекательным. С комфортабельного сиденья я не видела домов, в которых квартиры сдавались внаем, где десятки знакомых мне бедных семей ужинали черствым хлебом. Не замечала я и заваленных мусором проулков, где дети играли в камешки. За ними никто не присматривал, потому что их матери, как когда-то и моя мама, до ночи работали в домах городской элиты. Я думала о том, как, должно быть, здорово жить в мире Чарльза, где жизнь вам предлагали будто бы на подносе, красивую, отполированную и отутюженную.

Чарльз прижал машину к тротуару, нагнулся к моему окну. Мне было приятно, что он оказался так близко.

На дверях клуба красовалась табличка «Закрито».

– Вот ерунда какая! Что ж, может быть, нам стоит направиться в отель? Вечер прекрасный. Мы могли бы поужинать на террасе апартаментов моих родителей.

– Апартаменты твоих родителей?

– Да, – подтвердил Чарльз. – Они часто принимают там гостей. Отец остается ночевать в отеле несколько раз в неделю, если работает допоздна. Ему нужна тишина. Иногда, когда они выходят в свет, они остаются там вместе с мамой. В последнее время это случается довольно часто.

– Пожалуй, я согласна, – застенчиво ответила я.

Чарльз проехал несколько кварталов и остановился на круговой подъездной дорожке отеля «Олимпик», гладкой, будто шелк. Он протянул ключи служащему и кивнул швейцару. Мы сразу прошли к лифту, в кабине которого Чарльз нажал кнопку с цифрой «семнадцать».

Я нервно сглотнула.

– Ты что, впервые в этом лифте?

– Да, в скоростном – впервые – призналась я, и у меня стало холодно в

животе, когда лифт устремился вверх.

– Не бойся, – успокоил меня Чарльз и притянул к себе поближе.

Я заглянула ему в глаза.

– А что, если он... упадет?

– Не упадет, – руки Чарльза крепче сжали мою талию, – я обещаю.

Лифт дернулся и замер, двери открылись. Нас уже ждал мужчина, облаченный в белый костюм.

– Добрый вечер, сэр, – обратился он к Чарльзу и коснулся своей фуражки, приветствуя меня. – Апартаменты готовы. Вы будете ужинать внутри или снаружи?

Чарльз повернулся ко мне.

– Как ты относишься к ужину на террасе?

Я только кивнула в ответ, потеряв голос от величия момента.

Стюард вставил ключ в замок и придерживал дверь, чтобы мы вошли. Я последовала за Чарльзом в апартаменты и буквально задохнулась от картины, представшей передо мной. Мягкие диваны, обитые шелком, восточные ковры, бархатные драпировки рубинового цвета. Помещение выглядело как дворец или, по крайней мере, так, как я представляла себе дворец.

Чарльз скинул пиджак и беззаботно швырнул его на диван. Потом он подошел к бару у дальнего окна, а по пути включил радио, которое наполнило воздух успокаивающим звучанием большого оркестра. Выбрав два бокала для martinis, он открыл бар, достал два хрустальных графина, налил жидкость из каждого в сверкающий серебристый шейкер. Потом он насыпал туда лед, плотно закрыл крышку и умело встряхнул его.

Когда Чарльз протянул мне бокал, я как зачарованная смотрела на тонкий слой льда на поверхности. Я изо всех сил старалась, чтобы моя рука не дрожала – не дай бог расплескать напиток на платье! Я украдкой посмотрела на свое отражение в окне, когда поднесла бокал к губам. Потрясающе. Я вполне вписалась в окружающее пространство. Глотнула ледяную жидкость. Она оказалась настолько крепкой, что я закашлялась.

– Извини, – сказала я, поставив бокал на столик. – Я просто не ожидала, что будет так крепко.

И тут же отругала себя за наивный комментарий.

– Первый глоток всегда самый трудный, – Чарльз бросил себе в рот оливку. – А потом коктейль льется внутрь, словно масло.

Я снова взяла бокал, и после второго, третьего глотка коктейль действительно потерял свою остроту, как и обещал Чарльз. Мои щеки разгорелись, голова стала легкой. Когда я допила бокал, Чарльз наполнил

его снова. Я стояла у окна и смотрела на Сиэтл, сверкающий, яркий, веселый. На улице только что расцвели вишни, и с высоты семнадцатого этажа они казались веселыми розовыми облаками, обрамляющими улицы. Город был полон обещаний, именно это я ощущала. Я почувствовала на шее колючий подбородок Чарльза, когда он опустил голову мне на плечо, чтобы полюбоваться видом вместе со мной.

– Красиво, правда? – прошептал он мне на ухо.

– Да, – ответила я.

Месяц висел на небе так низко, словно картина, написанная специально для нас.

– Где бы ты хотела оказаться вот в эту минуту, если бы могла выбрать любое место в мире?

Я на мгновение задумалась. Мы с Кэролайн множество раз говорили о Париже и о Нью-Йорке. Но в этот момент я хотела быть только там, где находилась.

– Вот здесь, – прошептала я, поворачиваясь к Чарльзу.

– Я тоже, – он нежно взял мое лицо в ладони.

Когда Чарльз нагнулся ниже, раздалось покашливание стюарда.

– Прошу прощения, что прерываю вас, сэр, но ужин подан. Вы не передумали ужинать на террасе?

– Нет, – ответил Чарльз, сплетая свои пальцы с моими, и повел меня на террасу. Там нас уже ждал накрытый стол, окруженный полдюжиной каменных вазонов с цветами. Словно волшебник, стюард незаметно и ловко поставил перед нами две тарелки с тележки, стоявшей где-то сзади. Я дотронулась вилкой до нежнейшей рыбы. Кусочек горячей булочки запила глотком красного вина. Я прищурилась, но не сумела рассмотреть французские слова на этикетке, увидела только дату: 1916. Я тогда была костлявой девчонкой, бегала с младшими братом и сестрой по пыльным улицам рядом с ветхим строением, которое мы называли домом. Подумать только, это вино было разлито по бутылкам как раз в это время!

– Я не забыл о той бедной вдове, которая живет в твоём доме, – сказал Чарльз.

Мое сердце наполнилось радостью.

– Не забыл?

– Нет, – Чарльз достал из кармана конверт. – Я поговорил с отцом. Он владеет кварталом новых домов в Западном Сиэтле. Там есть все удобства, возле каждого сад. Думаю, это будет идеальное место для этой женщины и ее детей.

– О, Чарльз! – воскликнула я. – Неужели твой отец согласился?

Он покачал головой.

– Нет, отказал. Отец не верит в благотворительность.

– Но как же так? – Я была сбита с толку.

– Я сам обо всем позабочусь, – продолжал Чарльз. – Мне не нужно разрешение моего отца, чтобы сделать доброе дело. У меня есть собственные средства. Твоя соседка может переехать в новый дом на следующей неделе, если захочет, конечно.

Я недоверчиво покачала головой.

– Это очень щедрый дар.

Чарльз протянул мне конверт. Я подняла клапан и увидела внутри стопку банкнот.

– Чарльз! – мне не терпелось отдать ей деньги. Двумя днями раньше я встретила Лору на лестнице, и она выглядела такой усталой, такой истощенной, что я испугалась, как бы она не умерла у меня на глазах.

– После того, как ты рассказала мне об этой бедной женщине, я все время думал о твоих словах, Вера. Мне кажется, что мы с тобой могли бы сделать много добра людям.

Я просияла. Из радио донеслась медленная мелодичная мелодия, и я, не удержавшись, начала покачиваться ей в такт. – Потанцуй со мной, – попросил Чарльз, вставая и протягивая мне руки.

Он помог мне подняться. Я прижалась щекой к его груди, и мы начали танцевать.

– Я бы хотел быть рядом с тобой каждый день, – произнес Чарльз, – всегда.

Наши губы встретились, и по моему телу как будто пробежал электрический разряд. Чарльз подхватил меня на руки, отнес в спальню и положил на мягчайшее покрывало. Я не протестовала даже тогда, когда Чарльз лег рядом со мной. Он целовал меня снова и снова. Я закрыла глаза, пытаюсь запомнить, каково это – быть любимой. По-настоящему любимой.

* * *

Наверху, в апартаментах Лона, я подошла к окну и посмотрела на улицу. На окне не было решетки, но я все равно чувствовала себя как в клетке, как в тюрьме. Лон нагнулся ко мне, я ощутила его быстрое горячее дыхание на своей шее.

– Я так сильно скучаю по своему сыну! – воскликнула я.

– Ну-ну, – Лон повернул меня к себе. – Завтра мы его найдем. А

сегодня вечером мы... – он замолчал, расстегивая пуговицу на моем платье, – найдем друг друга.

Его прикосновение было мне отвратительно, но я сдержалась и не оттолкнула его руку. С его деньгами мы сможем заклеить город плакатами, засыпать улицы листовками, нанять поисковую команду.

– Вы обещаете, что поможете мне найти Дэниела? – Я постаралась заглянуть ему в глаза. – Вы моя единственная надежда.

– Я даю тебе слово, – ответил Лон, уверенно проводя пальцем по поясу моего платья.

Он выключил свет, и я затаила дыхание, когда он потянул меня к постели.

Глава 14

Клэр

Я несколько минут посидела в такси, глядя на отель и вспоминая тот момент, когда Этан ускользнул от меня.

Водитель обернулся ко мне.

– Куда поедем, мисс? – рявкнул он, нетерпеливо постукивая пальцами по рулю. – У меня нет времени здесь стоять.

Домой мне ехать не хотелось, особенно после того, что случилось.

– Кафе «Лаванто», – сказала я.

Когда машина подъехала к кафе, внутри было темно, но я обрадовалась, что дверь все еще открыта. Девушка с короткими белокурыми волосами, стоявшая за стойкой – студентка, наверное, – покачала головой.

– Простите, уже закрыто. Я, должно быть, забыла запереть дверь.

– О, я...

– Все в порядке, Бриттани, – раздался голос Доминика, появившегося из задней комнаты со стопкой бумаг в руках. Он повернулся ко мне. – Рад видеть тебя, Клэр. Хочешь что-нибудь выпить?

Бриттани, чистившая влажным полотенцем раструб кофеварки, была явно недовольна моим присутствием. Я покачала головой.

– Нет, – ответила я. – Просто... – я опустила взгляд. – У тебя найдется минутка, чтобы поговорить?

Доминик кивнул и положил бумаги на ближайший столик.

– Я весь внимание.

Мы сели за столик у окна. Мимо прошла пара, выгуливавшая мопса, они держались за руки. Бриттани задержалась у двери, прежде чем выйти.

– До завтра, – сказала она.

Доминик помахал ей рукой и повернулся ко мне.

– Что случилось?

Я вздохнула.

– Ты знаешь, что такое порвать отношения с близким человеком, ведь так?

– Это был кошмар.

– А как ты понял, что все... – я замялась, – кончено?

– Отношения разладились задолго до этого, – ответил Доминик. – Мы

перестали смеяться. Она допоздна задерживалась на работе и не звонила мне. Я начал проводить больше времени с друзьями. Все катилось, словно снежный ком. И к тому же она была – как бы это помягче выразиться – сумасшедшей.

Я слабо улыбнулась. В том, что я собиралась сказать, не было ничего забавного.

– Боюсь, мой брак пришел к концу.

– Клэр, мне очень жаль.

Я сцепила пальцы и посмотрела прямо перед собой. У меня ныло сердце, и я не могла найти себе места.

– Я не могу простить предательство.

– Понимаю, – сказал Доминик. – Я через это прошел. Больно. Мне бы очень хотелось утешить тебя.

– Спасибо, что ты слушаешь меня. Здесь, в кафе, мне спокойнее.

Доминик потер лоб, как будто вспоминая что-то неприятное. Он посмотрел на свои часы.

– Слушай, знаешь, что тебе нужно?

Я дернула плечом.

– Что же?

– Пиво. Решено, я веду тебя в «Келлс». Мой приятель играет в группе, которая выступает там сегодня вечером. Они исполняют песни «U2»^[7]. Тебе понравится. Напьешься до чертиков, погорланишь песни, а потом я отвезу тебя домой и прослежу за тем, чтобы все было в порядке.

– Ну, не знаю, – с опаской протянула я.

– Брось, – сказал Доминик, – нет ни одной проблемы, которую бы не помог решить «Гиннес».

– Ладно, – я улыбнулась, – я действительно люблю «U2».

Доминик, явно довольный, широко улыбнулся.

– Отлично. Я только возьму второй шлем.

Я ждала у бара и смотрела на документы, которые Доминик оставил на столике справа. Беспорядок напомнил мне домашний кабинет Этана. Я всегда там наводила порядок. Его ахиллесовой пятой были бумаги. Складывая документы Доминика в аккуратную стопку, я почувствовала, как сердце мое сжалось.

– О, – нервно отреагировал Доминик, откладывая второй шлем и наклоняясь, чтобы забрать документы из моих рук. – Я это возьму. Прости за беспорядок.

Повисла неловкая пауза, пока Доминик убирал бумаги в ящик под стойкой. Он улыбнулся, снимая напряжение, и протянул мне шлем.

– Готова?

– Да, – оттапоровала я и последовала за ним на улицу к мотоциклу.

* * *

Доминик вел меня через толпу потных, накачанных пивом студентов. Я мгновенно пожалела о том, что согласилась прийти в этот клуб, но тут со сцены раздалась мелодия песни «U2». Вместо солиста известной группы, Боно, пел лысеющий парень с солидным животом. Доминик протянул мне пиво, светло-коричневый пенистый напиток, я сделала глоток, потом еще один. Мы вместе заняли свободный пяточок возле бара. Когда освободилось место на танцполе, Доминик за руку потянул меня туда.

– Хочешь потанцевать?

Я уже допила второй бокал, поэтому, не раздумывая, ответила согласием. А когда группа заиграла «With or Without You», я положила отяжелевшую голову на грудь Доминика. Я ужасно тосковала по мужу, но мне нравилось, как Доминик обнимал меня. Он был таким надежным, и я чувствовала себя в полной безопасности. Когда песня закончилась и музыканты заиграли вступление к «One», я не стала возражать против того, что его руки скользнули по моей талии ниже.

– Клэр?

Я услышала свое имя. Голос был женский. Но чей? Я посмотрела через плечо Доминика, потом почувствовала, как меня похлопали по плечу. Я повернулась и от удивления приоткрыла рот. О, боже. Это была сестра Этана, Лесли. После нашего знакомства мы с ней часто выясняли отношения, но теперь мне грозил конфликт пострашнее Третьей мировой войны.

Лесли многозначительно посмотрела на Доминика, потом одарила меня подозрительным взглядом.

– Что ты здесь делаешь, Клэр?

– О, привет, Лесли, – произнесла я, стараясь быть как можно спокойнее. – Это мой друг Доминик.

– Друг?

– Лесли, – резко отреагировала я, – не знаю, на что ты намекаешь, но хочу сказать, что не обязана ничего тебе объяснять.

– Скажи это Этану, – парировала она, доставая мобильный телефон.

– Давай, звони, – посоветовала я, – он даже не ответит. Он в отеле «Олимпик» вместе с Кассандрой.

У нее отвисла челюсть.

– Спокойной ночи, Лесли. – Я потянула Доминика за руку.

– Прости, – извинился он, – я не хотел стать причиной неприятностей.
Я вздохнула.

– Если мой муж может пить шампанское в компании своей бывшей девушки, я могу пить пиво с тобой, – я помахала рукой бармену. – Еще пива, пожалуйста.

* * *

Я не помню, как мы ехали до дома Эбби или взбирались по лестнице до ее квартиры. Позже я обнаружила, что Доминик нашел ее номер в моем телефоне и позвонил моей подруге, чтобы получить дальнейшие указания. Но я отлично помнила следующее утро: мне казалось, что в голову воткнули кол.

– Где я? – простонала я.

Эбби протянула мне чашку кофе. Над зеленой кружкой поднимался ароматный пар. Я смотрела, как он растворяется в воздухе.

– Я не пью кофе, – неблагодарно заявила я.

– Сейчас ты его выпьешь, – ответила Эбби. – Давай.

Я сделала глоток.

– Что произошло вчера вечером?

– Кое-кто *слишком* хорошо повеселился, – сказала Эбби.

Я вдруг вспомнила «Келлс», теплые объятия Доминика, появление Лесли и закрыла лицо руками.

– Все ужасно, Эб.

– Да уж, – согласилась она.

– Мы с ним целовались?

– Не думаю, он достойный парень, он не стал бы пользоваться твоей слабостью.

Я кивнула.

– Он нес тебя на руках по лестнице все шесть пролетов, – сообщила Эбби, – а ты всю дорогу пела.

– Нет!

– Да! И ты разбудила сумасшедшую даму с четвертого этажа.

Я закрыла лицо руками, потом посмотрела на свои часы, внезапно охваченная паникой.

– Не волнуйся, – сказала Эбби. – Сегодня суббота.

– Я не из-за работы, – объяснила я. – Это из-за Евы.

– Кто такая Ева?

Я нашарила сумку и страшно обрадовалась, что она оказалась рядом со мной на кушетке.

– Она когда-то знала Дэниела Рэя. Она назначила мне встречу на сегодня. – Я вытащила ежедневник и открыла нужную страницу. – Отлично, у меня еще целый час.

– Иди в душ, – посоветовала Эбби, – полотенца в шкафчике. Бери все, что тебе нужно.

Я сделала еще один большой глоток кофе. Этан бы мной гордился, но я старалась прийти в себя не для него.

– Спасибо, Эб, – поблагодарила я. – Ты лучшая в мире подруга.

– Я знаю, – откликнулась она, складывая одеяло, которым прикрыла меня накануне. – Но все-таки я хотела бы заметить, что ты напускала слюней на мои подушки.

– Я куплю тебе новые.

– Глупости, – фыркнула Эбби, – что за дружба без слюней?

Я посмотрела на нее с благодарной улыбкой, которая не имела никакого отношения к подушкам.

Она подтолкнула меня к ванной комнате.

– Отправляйся чистить зубы.

* * *

Цветочные ряды на рынке Пайк Плэйс радовали глаз свежими бутонами. Мне понравились букеты только что срезанных гортензий оттенка индиго, но даже их жизнерадостные лепестки не могли заставить меня улыбнуться. Я могла думать только об Этане и Кассандре и о том, как мы оказались в центре колоссальной неразберихи. Я достала пузырек с аспирином из сумки, бросила в рот пару таблеток и запила их водой, которой меня снабдила Эбби. Когда я убирала бутылку обратно, в сумке зажужжал телефон, сообщая о пропущенном звонке. Я нажала на кнопку и увидела, что это звонил Этан. Значит, он поговорил с Лесли. Или все-таки муж решил извиниться за прошлый вечер? В любом случае я не хотела с ним разговаривать. Мне нечего было ему сказать.

Я проверила адрес в своем ежедневнике и вскоре оказалась у входа в то здание, где жила Ева. В фойе на круглом столике стояла выцветшая от времени композиция из шелковых цветов, на их лепестках толстым слоем

лежала пыль. Обои пошли пузырями и отклеились по краям, в воздухе витал запах вареных овощей. Я поднялась на лифте на одиннадцатый этаж, нашла дверь с номером 1105 и тихонько постучала.

Через несколько мгновений дверная ручка повернулась и появилась пожилая женщина. Ее седые волосы были собраны в пучок, открывая тонкое лицо и добрые карие глаза. Она улыбнулась.

– Вы, должно быть, Клэр.

– Да, – ответила я и протянула руку. Забавно: я знала, что ей за восемьдесят, и все же представляла ее маленькой девочкой в миткалевом джемпере и волосами, собранными в хвостик. – Большое спасибо, что согласились поговорить со мной.

– Входите, – пригласила Ева. Я села в голубое кресло у окна, отодвинув в сторону маленькую подушечку, вышитую крестиком, чтобы освободить место для сумки. В скромной, но очень чистой квартире пахло лимонами и детской присыпкой. Она немного напомнила мне маленькую квартирку моей бабушки в Сан-Диего. Я по ней очень скучала.

– Могу я предложить вам чашку чая, дорогая?

– Нет, спасибо, – отказалась я. – Все в порядке.

Ева села в кресло рядом со мной и скрестила руки на коленях.

– О чем же вы хотели спросить меня?

Я достала из сумки блокнот и ручку.

– Как я упоминала в телефонном разговоре, я пишу очерк о маленьком мальчике, который исчез во время снежной бури в мае 1933 года. Видимо, вы были с ним знакомы?

– Да. – Глаза Евы затуманились от воспоминаний. – Мы действительно были знакомы. – Она на мгновение закрыла глаза и снова открыла их. – Дэниел был сыном лучшей подруги моей матери Веры Рэй. Мы с ним были как брат и сестра.

– Значит, вы жили вместе?

– Недолго, пока мы были еще совсем маленькими. У наших матерей не было мужей. Мой отец умер еще до моего рождения, а у Дэниела отца не было. Сразу после того, как Вера получила работу в отеле «Олимпик», они переехали в собственную квартиру.

Я вспомнила вчерашнюю сцену и поморщилась.

– В отеле?

– Да, Вера работала там горничной.

– И ваша мать тоже?

– Нет, – сказала Ева, – мама работала на фабрике в промышленном районе.

Я перевернула страницу в блокноте.

– Так что вы помните об исчезновении Дэниела?

Женщина глубоко вздохнула и перевела взгляд на окно, за которым красными буквами сверкала вывеска рынка, через залив медленно плыл паром. Для малобюджетного дома престарелых вид был удивительный.

– Мои воспоминания несколько поблекли, – сказала она, потирая правую руку. – Но я помню тетю Веру. Помню, как она жила у нас сразу после исчезновения Дэниела. Вера всегда была очень улыбчивой, но потом она перестала улыбаться. Я помню, как смотрела на нее из коридора, когда она рыдала. Ее тело содрогалось от горя. Разумеется, тогда я этого не понимала. Но теперь прекрасно понимаю, – Ева указала на фото троих детей в рамке на стене. Судя по одежде, это был снимок 1960-х годов. – Мальчик, мой старший сын, двадцать лет назад погиб в автокатастрофе. Лобовое столкновение на скоростном шоссе. Пьяный водитель выехал на встречную полосу. Когда я была молодой матерью, я часто вспоминала Веру. Мысль о том, что я могу потерять ребенка, приводила меня в ужас. Но когда мне позвонили из полиции и сообщили о смерти Эдди, я почувствовала, что Вера как будто стала мне родной. В тот момент я поняла, что она переживала.

– Простите меня, – извинилась я.

Ева понимающе кивнула.

– Понадобилось много лет, чтобы я смогла с этим смириться. Но я до сих пор горюю о своем сыне.

– Вы считаете, что Дэниел был... – Я не смогла произнести это слово вслух.

– Убит?

Я кивнула.

Ева потерла руки.

– Не знаю, дорогая. За прошедшие годы я столько раз думала об этом. Мы с мамой предпочитали думать, что он просто убежал. И какая-нибудь добрая семья приняла его в свой дом. Но это маловероятно. Мама прекрасно это понимала. А Вера – нет. Она отказывалась верить в худшее. Вера не теряла надежды до самого конца.

– Конца?

Пожилая женщина нахмурилась.

– Разумеется, мама избавила меня от деталей, ведь я была всего лишь маленькой девочкой, слишком маленькой, чтобы понять. Но в конце концов я услышала всю историю целиком.

– Что же произошло?

– Тело Веры нашли в озере Вашингтон, – продолжила Ева.

Я ахнула.

Ева с сожалением покачала головой.

– К тому времени, когда ее нашли, тело было настолько обезображено, что патологоанатом не смог вынести решение о том, что случилось с бедняжкой.

– Боже мой! – Я прикрыла рот рукой.

– Полиция сочла это самоубийством, – продолжала Ева, – но ни один человек из тех, кто ее знал, в это не поверил. Она бы никогда по собственной воле не покинула эту землю, не узнав, что ее сын в безопасности.

Ева замолчала, разглядывая мое обручальное кольцо.

– Когда вы станете матерью, дорогая, вы поймете.

Но я понимаю. Я шумно сглотнула и уставилась на свой блокнот, пытаюсь сдержать эмоции.

– Вы полагаете, что ее кто-то убил?

– У меня есть кое-какие подозрения, – ответила она. – Но доподлинно ничего не известно. В те дни правосудие было не на должном уровне. Если бы в озере нашли тело девушки из богатой семьи, тогда бы начали расследование. Но ради Веры Рэй, дочери рыбака? Печально, но факт: никому до этого не было дела. По той же причине полиция даже не пошевелилась, когда пропал Дэниел. Зачем тратить усилия полиции на бедняка? В те времена все так думали.

– Как печально. – Я покачала головой. – Значит, не было даже расследования?

– Они допрашивали человека, который, как казалось полиции, мог быть связан с совершенным преступлением, – сказала Ева. – Кажется, каменщика. Его арестовали после того, как на него кто-то донес. Но подозреваемый умер в тюрьме. Сердечный приступ. После этого дело забуксовало. Моя мать очень расстроилась: она всегда верила, что ее подруга добьется справедливости.

Я вспомнила о своем визите в полицейский архив, который мне почти ничего не дал.

– Вы не знаете, может быть, остались какие-то протоколы?

– Я сама об этом думала и попыталась найти их в 1950-х годах, но мне сказали, что все документы за тот год сгорели при пожаре.

Раздался свисток закипевшего чайника.

– Вы уверены, что не хотите чашечку чая?

– Честно говоря, я бы не отказалась.

Ева вернулась в комнату с двумя чашками. Одну она протянула мне, и я поднесла ее поближе, чтобы пар согрел мое лицо. Я сделала глоток и поставила чашку на кофейный столик.

– Вам что-нибудь известно об отце Дэниела?

Ева вздохнула.

– Только то, что он был очень богат. Вера этим гордилась. Но они не были парой.

– Они так и не поженились?

– Нет. Но Вера всегда носила браслет, который он ей подарил. Поэтому я думала, что Вера все еще любит Чарльза.

Я вспомнила о своем браслете, спрятанном под рукавом, который мне подарил Этан. *Сниму ли я его? Сниму ли я обручальное кольцо?*

– Для мамы наступили черные дни, – продолжала Ева. – Она потеряла свою лучшую подругу при невероятно трагических обстоятельствах. Это сильно повлияло на нее.

– Ужасно, – вздохнула я, достала из сумки конверт и передала его Еве. – Вот то, что я нашла.

Она раскрыла конверт, заглянула внутрь, вынула содержимое, положила себе на колени, потом поднесла снимок поближе к свету.

– Это действительно Вера, она была такая красивая.

Я кивнула.

– А мужчина? Это отец Дэниела?

– Да, – подтвердила Ева, – по крайней мере, я так думаю. Разумеется, я никогда с ним не встречалась. Но, взгляните, – она указала на фото, – у Дэниела был точно такой же подбородок.

Я достала снимок мальчика из газеты «Сиэтл Пост-Интеллидженсер» и поднесла к фотографии его родителей.

– Вы правы, – заметила я. – Сходство очевидно.

У Дэниела было личико сердечком, как у его матери, а на подбородке ямочка, такая же, как у мужчины рядом с ней.

– Да, – вздохнула Ева, – Дэниел был бы красавцем, как и его отец.

– Вы знаете фамилию Чарльза? – спросила я, переворачивая снимок и перечитывая надпись «Вера и Чарльз».

Ева покачала головой.

– Мама о нем не говорила. Я никогда не знала его фамилии.

– Благодарю вас, – я закрыла блокнот. – Я отняла у вас много времени.

– Подождите, – остановила меня Ева, поднося ближе к глазам рисунок, который она нарисовала в детстве, и вглядываясь в него. – Есть кое-что еще.

– Что?

Она повернула рисунок так, чтобы я тоже могла его видеть, и указала на женщину, нарисованную позади детей.

– Там была женщина, – произнесла Ева.

– Где?

– Картинка немного расплывается, и это, возможно, пустяки.

– Все же попробуйте вспомнить, вдруг это важно.

– Мы с Дэниелом обычно играли в парке рядом с Шестой авеню, – начала она, подперев рукой морщинистую щеку и как будто пытаюсь восстановить в памяти прошлое. – Там мы ждали, пока наши матери вернутся с работы. Иногда туда приходила странная женщина и смотрела на нас. Она казалась чужой в этой рабочей части города – всегда была изысканно одета: платья, шляпки... Дама была достаточно дружелюбной, правда, говорила больше с Дэниелом, и мне она не нравилась. Мама учила меня не разговаривать с незнакомыми людьми. И потом, в ней было что-то пугающее.

– Что же именно?

– Трудно сказать, – Ева замялась. – Впрочем, женщине, должно быть, было просто жаль нас. Не знаю. Но даже спустя столько лет я не могу забыть ни ее, ни ее шляпу.

– Ее шляпу?

Ева кивнула и указала на рисунок.

– Кажется, я нарисовала перья, – сказала она. – Да, точно, так я изобразила перья на ее шляпе.

Я закончила записывать, потом нарисовала на странице огромный знак вопроса. И что мне с этим делать дальше?

Еву явно утомил наш разговор, поэтому я встала и собрала свои вещи.

– Большое вам спасибо за то, что поделились со мной воспоминаниями.

– Всегда рада, дорогая, – ответила Ева. – Надеюсь, вы раскроете эту тайну, – пожилая женщина замолчала, склонив голову вправо. – Вы тоже мама, милая?

Я впервые после несчастного случая услышала этот вопрос. Я закусила губу. Не задумавшись, я ответила так, как подсказало мне сердце:

– Да, я тоже мама.

Я редко работала по выходным, но в эту субботу я пришла в офис, надеясь, что в течение некоторого времени мне никто не помешает. Табличка на двери Этана оповещала, что он «На задании». Я проверила свой мобильный и увидела, что он снова пытался связаться со мной. Я бросила телефон в сумку, включила ноутбук и вернулась к документу, который начала печатать на пароме. Для меня было легче погрузиться в историю Дэниела и Веры, чем распутывать свою собственную.

Я откинулась на спинку кресла. Кто была та женщина в парке, о которой говорила Ева? И этот каменщик? Я вспомнила фамилию, которую записала в блокнот в кафе «Лаванто» неделей раньше, перелистала страницы и нашла ее: Иванов. По Интернету я зашла в архивы газеты и поискала эту фамилию. Появилось две статьи, обе из «Сиэтл Геральд». Я щелкнула по первому заголовку, который оказался строчкой из полицейского отчета: МУЖЧИНА ЗА РЕШЕТКОЙ ПО ОБВИНЕНИЮ В ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ.

Степан Иванов, каменщик, был арестован и отправлен в тюрьму за то, что избил свою жену Арианну Иванову, которая заявила о повреждении головы и шеи.

Значит, этот каменщик был склонен к насилию. Я кликнула по следующему заголовку. ИВАНОВА ПОДОЗРЕВАЮТ В УБИЙСТВЕ. Я вздрогнула. «Полиция обвинила Степана Иванова в убийстве женщины, чье тело было найдено на прошлой неделе в озере Вашингтон. Каменщик Иванов был последним, кого видели с этой женщиной, которая, как предполагают, занималась проституцией».

Проститутка? Я снова вздрогнула. Если это и в самом деле была Вера, значит, ее жизнь сложилась крайне неудачно. Я покачала головой, не веря своим глазам. В этой истории должно быть что-то еще. Я вспомнила, как тетя Би предложила мне поговорить с ее подругой Лилиан. Может быть, у нее есть хоть какая-то информация. Я вбила в поисковую строку ее фамилию, и когда появился номер телефона, я набрала его. Мне немедленно ответил мужчина с густым рокочущим басом:

– Алло?

– Простите, я, вероятно, ошиблась. Я пытаюсь связаться с дамой по имени Лилиан Шарп.

– Это моя жена, – ответил мой собеседник. – Она дома. Как мне вас представить?

– Меня зовут Клэр Олдридж, я из газеты «Сиэтл Геральд».

– Здравствуйте, я Лилиан Шарп.

– Здравствуйте, миссис Шарп.

– Слушаю вас.

– Простите меня за беспокойство, но я работаю над очерком о маленьком мальчике, который пропал в мае 1933 года во время снегопада.

– Да.

– Вы помните?

– Не мальчика, о котором вы говорите, а буран. Все его помнят. Он просто обрушился на город. И это в мае! Почти такой же буран, какой был у нас на этой неделе. Такое странное совпадение.

– Да, действительно, – отозвалась я.

– Чем я могу помочь вам, мисс Олдридж?

– Я только что беседовала с вашей старинной приятельницей Би Ларсон, – произнесла я.

– Би?! Как она?

– Боюсь, не слишком хорошо. Сейчас она прикована к постели. У нее проблемы с сердцем.

– Благослови ее господь. Я должна навестить ее. Она по-прежнему на острове?

– Да, – ответила я. – Я вчера ездила к ее племяннице. Би сказала мне, что ваш отец был известным адвокатом в 1930-х годах.

– Это так. В те годы он вел несколько резонансных дел.

– Не было ли случайно среди них дела об убийстве Веры Рэй?

Лилиан вздохнула.

– Как бы мне хотелось вспомнить... Вполне возможно, хотя это имя мне ничего не говорит.

– Би упоминала архив вашего отца, – не отступала я. – Он случайно не у вас?

– У меня. Моя внучка Лиза потратила почти все прошлое лето, приводя его в порядок. Отец всегда докапывался до правды, как, судя по всему, и вы. Архив находится в нашем старом доме в Уиндермире.

Разумеется, я знала это место. Это был один из самых престижных исторических районов Сиэтла.

– Я там выросла, – продолжала Лилиан, – но теперь дом пустует. Мы с мужем живем в доме престарелых. Но мне невыносима мысль о продаже старого дома. Я надеялась, что кто-нибудь из моих мальчиков поселится в нем, но у них другие планы. И я их не виню. Дом просто в ужасном состоянии, – женщина вздохнула. – Не слушайте мое ворчание. Если хотите, мы могли бы встретиться там завтра. Надеюсь, вас не испугает

пыль и паутина. Там давно не убирали.

– Я была бы вам очень благодарна, – с радостью согласилась я.

– Часть архива мне пришлось отдать, но в гостевой спальне осталось несколько коробок с документами – все это Лиза решила сохранить. Будем надеяться, вы найдете там нужные бумаги.

– Огромное вам спасибо, – поблагодарила я Лилиан. – Могу ли я приехать завтра утром, скажем, в девять тридцать?

– Время выбирайте сами. Мы с мужем ранние пташки, встаем на рассвете. Адрес такой: дом 5985, бульвар Уиндермир. Это старый особняк в колониальном стиле, перед входом растет большая голубая ель.

– Отлично. – Я записала адрес в блокнот. – Встретимся завтра.

В сумке зажужжал мобильный. *Только не это.* Я достала телефон и открыла эсэмэс-сообщение от Доминика. «Как насчет совместного ленча на рынке в час?» Я улыбнулась и быстро написала ответ: «Буду стоять у первого прилавка с цветами. Захвати аспирин».

* * *

Доминик ждал меня на углу рынка с букетом гортензий, завернутых в плотную коричневую бумагу.

– Это тебе, – сказал он и уложил огромную охапку на сгиб моей руки.

– Какие красивые. – Я чувствовала себя неловко, принимая их, особенно после вчерашнего вечера.

– Как твоя голова?

– Раскалывается, – ответила я.

Доминик вытащил из кармана пузырек с лекарством.

– Держи. – Он протянул мне две белые таблетки.

Я запила их водой из бутылки, которую достала из сумки.

– Умираю от голода. Куда ты меня поведешь?

Он указал на блинную на другой стороны улицы. Мы с Этаном бывали там, когда я была беременна и требовала блинов.

– Как насчет «Ла Буш»?

Я пожала плечами.

– Идет.

Мы перешли вымощенную булыжником мостовую. Мои каблуки то и дело проваливались. Мне нравилась архитектура этой части Сиэтла. Должно быть, именно так город выглядел в те времена, когда много лет назад через рынок проходили Вера и Дэниел.

Мы с Домиником устроились на стульях лицом к окну. Официантка приняла у нас заказ. Он выбрал блины с грибами, а я – с козьим сыром и жареным красным перцем. Именно за такими блинами я много раз посылала Этана, когда беременность диктовала мне свои предпочтения в еде.

– Послушай, – обратилась я к Доминику, – прости меня за вчерашний вечер. Мне очень жаль...

– Незачем извиняться. И стыдиться тебе нечего.

– Думаю, есть, – сказала я. – Я замужем, а вела себя как...

– Ты вела себя как женщина, которой причинили боль, – ответил Доминик. – И кстати: мы не целовались.

Я наморщила лоб.

– Нет? Точно?

– Ты пыталась меня поцеловать, – улыбнулся Доминик. – И я даже подумывал о том, чтобы позволить тебе сделать это, но передумал.

Я выдохнула.

– А как твоя золовка?

Я не слишком хорошо помнила ситуацию, но обвиняющий взгляд Лесли отпечатался в моей памяти.

– Она никогда меня не любила.

– По-моему, она настоящая ябеда.

Я отхлебнула воды.

– Это точно. Лесли наверняка рассказала эту историю Этану и своим родителям во всех подробностях. Но в ее версии мы с тобой целовались взасос.

– Естественно, – усмехнулся Доминик.

Через несколько мгновений появилась официантка с нашим заказом. Я откусила кусочек блина. Смесь из поджаренного красного перца и теплого козьего сыра была такой же восхитительной на вкус, какой я ее запомнила.

Доминик промокнул губы салфеткой.

– Ладно, шутки в сторону. Как ты?

Я дернула плечом.

– Странное ощущение. У меня такое чувство, что приближается буря, большая буря, к которой я не готова. Мне кажется, что она разрушит мой дом, мою жизнь, все то, за что я так долго и так крепко держалась, с чем так тесно связана. Я понимаю, что это будет больно. – Я вздохнула. – После того, что я пережила за этот год, я не уверена, что мне хватит сил с этим справиться.

Доминик недоуменно посмотрел на меня.

Я еще не рассказывала ему о том несчастном случае. Я сцепила пальцы и глубоко вдохнула.

– Мы потеряли ребенка, – объяснила я. – Год назад.

Слова сорвались с моего языка прежде, чем я успела подумать.

– О, Клэр. – Глаза Доминика стали печальными. – Я даже не знаю, что сказать.

За окном по улице трусцой пробежала женщина. Ее «конский хвост» прыгал из стороны в сторону, пока сильные ноги несли ее через рынок, мимо глазающих туристов. Я проводила ее долгим взглядом, пока она не скрылась а углом. Мне хотелось встать, догнать ее и крикнуть: «Будь осторожна! Ты не успеешь даже глазом моргнуть, как у тебя могут отнять все, что ты любишь!»

Доминик открыл рот, собираясь заговорить, но звонок его мобильного первым нарушил тишину. Он посмотрел на экран, улыбкой извинился и сказал:

– Я должен ответить. Я сейчас вернусь.

– Не беспокойся. – Я снова принялась за свой блин.

Доминик вышел на тротуар, и я видела, как он поднес трубку к уху и принялся нервно ходить взад и вперед. С кем он разговаривает? Люди в кафе говорили громко, но так как окно было слегка приоткрыто, до меня долетали обрывки его фраз.

– Я не знаю... Видите ли, сейчас я просто не нахожу слов... Я понимаю, но я не планировал... Хорошо, я это обдумаю... Я позвоню вам... Да.

Я судорожно откусила кусок блина, когда он вернулся к стойке.

– Прости.

Я не могла сдержать любопытства.

– Что-то важное?

– Просто... моя сестра. Ей нужен деловой совет.

– О! – Его ответ ничего не прояснил, но я решила прекратить расспросы. Если у него есть секрет, когда-нибудь он мне его все равно откроет.

После ленча мы прогулялись по рынку, а потом остановились в парке над заливом. Я чувствовала аромат лосося, который жарили на ольховых дровах в ресторане по соседству. В соленом воздухе парили чайки, временами опускаясь совсем низко, чтобы подхватить кусочки еды и хлеба, которые бросали им туристы. Доминик прислонился спиной к парапету.

– Можем мы кое о чем поговорить?

– Конечно. – Я встала рядом, наши руки соприкоснулись.

– Ты рассказала мне о том, что случилось, – начал он. – О ребенке.

Я посмотрела на него.

– Мне кажется, – Доминик провел рукой по волосам, пытаясь подобрать нужные слова, – это неправильно, что твоего мужа сейчас нет рядом с тобой после всего того, что ты пережила.

Доминик был прав, по крайней мере, в одном. Внешне поведение Этана выглядело неподобающим. Жена теряет ребенка, муж переживает кризис среднего возраста, возвращается к своей бывшей подруге. Но в душе я понимала, что моя вина в этом тоже есть. Я сама отдалилась от него. Я застыла в своей горе, закрылась, оставив его снаружи, за пределами своей раковины. А когда мое сердце начало оттаивать, было уже слишком поздно.

– Я просто хочу сказать, – продолжал Доминик, – что ему следовало бы быть здесь, с тобой. – Он помолчал и повернулся ко мне. – Я бы был с тобой.

Он меня обнял. А я не отстранилась.

Глава 15

Вера

Когда я открыла глаза, в окно уже лился солнечный свет. Мне было неприятно прикосновение шелковых простыней к обнаженной коже, а прикосновение грубой ноги Лона к моей ноге было просто омерзительно. Я отодвинулась от его горячего потного тела и села, завернувшись в простыню. Он храпел так громко, что подушка содрогалась при каждом звуке.

Мое платье и белье лежали на полу рядом с кроватью. Каждый раз, когда Лон снимал с меня тот или иной предмет одежды, я как будто немного умирала внутри. Я поморщилась, вспоминая тяжесть его рук, пытавшихся расстегнуть пуговицу и в конце концов оторвавших ее в досаде и нетерпении. Я приглушила боль шампанским. Шампанского было слишком много. И теперь у меня кружилась голова. Я заперла дверь в ванную, и меня вырвало – желудок освобождался от вчерашних возлияний. Мне вдруг отчаянно захотелось вымыться, смыть с себя дыхание и прикосновения Лона. Я повернула кран и стала смотреть, как вода дождевыми струями падает вниз и рикошетом отлетает от мраморных плит. В номерах отеля я отмыла сотни душевых кабин, возможно, мыла и эту, отскребая грязь из всех швов. Эстелла очень за этим следила.

Я намылилась, но, даже когда все тело уже было покрыто густым слоем пены, все равно чувствовала себя грязной. Запятнанной. Я терла все сильнее, пока у меня не заболела рука и я не уронила кусок мыла. Губы задрожали, из глаз потекли слезы. Я не могла их унять. Я молилась, чтобы Лон не услышал, как я плачу. Вода текла и текла, и через какое-то время я перестала различать, где струи воды и где мои слезы.

Я закрыла глаза, и передо мной снова появилось лицо Дэниела, зовя меня, успокаивая. Я вспомнила, почему я здесь. Выключила воду и начала вытираться пушистым полотенцем, которое висело на крючке. Я выбрала платье в шкафу и надела его. Дожидаясь, когда Лон проснется, я села у окна и погрузилась в воспоминания о Дэниеле и о его отце.

Четырьмя годами ранее

Чарльз поцеловал меня в шею, и я, улыбаясь, повернулась к нему.

– Доброе утро, красавица, – сказал он, нежно проводя пальцем по моему лицу.

Я застенчиво отвернулась. Может быть, прошлая ночь была сном? В этот момент в дверь спальни постучали, и мы оба повернулись к двери.

– Завтрак подан, сэр, – раздался приглушенный мужской голос, похожий на голос вчерашнего стюарда.

– Благодарю, – ответил Чарльз и сел. Он зашел в ванную комнату и вернулся с пушистым белым халатом. – Тебе будет удобно в этом?

Я кивнула и ответила:

– Если только мы не ждем к завтраку гостей.

– Будем только мы вдвоем, – пообещал Чарльз.

Я просияла, завернулась в халат и вышла следом за ним в гостиную.

– Не желаете ли позавтракать на террасе, сэр?

Я опустила глаза. Мне не хотелось встречаться взглядом со стюардом. Что он обо мне думает?

– Нет, – сказал Чарльз, – утро ветреное. Мы позавтракаем за столом.

– Как пожелаете. – Мужчина принялся расставлять на столе то, что принесли на двух серебряных подносах. Я посмотрела на стаканы с апельсиновым соком. В Сиэтле можно было купить апельсины, а вот с грейпфрутами было сложнее. В прошлом году я целую неделю откладывала чаевые и купила всего один грейпфрут. Он стоил целое состояние, но я чувствовала себя невероятно значительной, разрезая плотную кожу, пока не обнаружила, что плод внутри гнилой.

Стюард поклонился и вышел. Я немного расслабилась.

– Я хочу делать это каждый день, – Чарльз улыбнулся мне через стол.

– Я тоже, – ответила я.

Я отпила глоток апельсинового сока, смакуя его чуть резковатую сладость. Мне бы хотелось угостить этим соком Кэролайн и других девушек. Я даже подумала сунуть в карман круассан для Джорджии. Ей всегда хотелось попробовать круассан.

– Я тут подумал, – произнес Чарльз, делая паузу между двумя кусками омлета, – а что ты делаешь сегодня вечером?

– Боюсь, мне нужно работать.

– Работать?

– Да. Это такой пустяк, который делают люди, чтобы было на что жить, – с сарказмом ответила я.

– Очень смешно, – игриво заметил Чарльз. Он посмотрел на меня долгим взглядом. – А что, если тебе никогда больше не придется работать?

– О чем ты говоришь?

Он взял мою руку.

– Что, если...

Скрипнула дверь. В апартаменты кто-то вошел. Мне захотелось втянуть голову в плечи и спрятаться под столом, особенно когда я увидела посетительницу. Это была Джози, сестра Чарльза. За ней следовала горничная, нагруженная десятком пакетов с покупками.

– Чарльз? – Брови Джози удивленно взлетели вверх. – Ты? Здесь? Что ты здесь делаешь?

– Это *ты* что здесь делаешь? – резко ответил Чарльз. – Я думал, что ты вместе с мамой поехала в Ванкувер за покупками.

– Мы вернулись вчера, – пояснила Джози, подходя к нам. – Я взяла кое-какие вещи в городе и подумала, что заеду...

Джози вдруг замолчала, она меня узнала. В ее глазах я увидела изумление.

– Джози, ты помнишь Веру? – Чарльз произнес это с такой легкостью, словно не было ничего неловкого в том, что он заново представляет меня своей сестре, когда я одета в *банный халат*. – Веру Рэй?

– Разумеется, – Джози презрительно усмехнулась, глядя на меня чуть дольше, чем требовали приличия. В утреннем свете я заметила в ней сходство с Чарльзом, которого не заметила на танцевальном марафоне. – Конечно же, это Вера из танцзала.

– Здравствуйте, – сумела выдавить я. Лучше бы я оделась до завтрака. Халат был чудовищной ошибкой.

– Что ж, – фыркнула Джози, – я определенно помешала *интимной* встрече, поэтому я ухожу.

Тут ее взгляд упал на конверт с деньгами на столике у окна, тот самый, который Чарльз передал мне накануне для вдовы из моего дома. Что она об этом подумала? Я молилась, чтобы Чарльз ей все объяснил, но тот проигнорировал реакцию сестры и продолжал есть.

– Пока, – просто попрощался он с Джози.

Джози вышла, за ней направилась горничная с покупками. Дверь захлопнулась.

* * *

Я провела еще восемь удивительных недель с Чарльзом, а потом волшебная сказка резко закончилась. Было все: подарки (однажды вечером

за ужином Чарльз надел мне на запястье браслет с сапфирами), цветы, поездки, телефонные звонки. Этого было достаточно, чтобы мои соседки по квартире позеленели от зависти.

Но я все равно не спешила рассказать ему о ребенке. Я знала о своей беременности уже почти две недели, но хотела еще немного подождать. Я знала, что Чарльз будет очень рад. У нас будет общий ребенок. Малыш, зачатый в любви. И все-таки я волновалась. Все было идеально, но я все-таки побаивалась, что новость что-то изменит.

Однажды вечером в апартаментах отеля Чарльз опустился на одно колено и предложил мне выйти за него замуж. Я ответила согласием. Он мог быть просто мальчишкой с фабрики, я бы все равно вышла за него. Я полюбила его доброту, его сердце, а не его деньги. И когда он заглянул мне в глаза, я едва не сказала ему о малыше. Через некоторое время я испугалась, что с моей беременностью что-то не так, потому что меня вдруг перестало тошнить по утрам. Я не в силах была бы сказать Чарльзу, что потеряла его дитя. Поэтому я решила подождать.

– Пришло время познакомиться тебе с моей семьей, – сказал Чарльз. – Почему бы тебе не прийти к нам на ужин сегодня вечером?

– Я не знаю, – мне было страшно снова столкнуться с Джози.

– Ты им понравишься.

Я сморщила нос.

– Я в этом не уверена.

– Ты тревожишься из-за Джози, верно?

Я кивнула.

– Не стоит. Ты женщина, которую я люблю, вот и все.

Я прижалась щекой к его груди, вдохнула успокаивающий аромат табака и дорогого одеколона.

– Я так счастлив с тобой, Вера.

Я не смогла не улыбнуться.

– Правда?

– Да. Я люблю твою силу, – Чарльз провел по моему носу кончиком пальца. – Ты – сила. Ты можешь посмотреть на меня и заставить меня усомниться во всем том, во что я верил. – Он прижал ладонь к моему сердцу. – Но вот здесь, внутри, у тебя столько любви. Ты просто светишься любовью.

Я игриво усмехнулась.

– Ты уверен, что твои родители не захотят видеть вместо меня девушку из высшего общества?

– Уверяю тебя, любовь моя, – он приблизил свое лицо к моему, – я бы

лучше уехал в самый забытый уголок Аляски, чем женился на девушке из высшего света.

– Хорошо, – согласилась я. – Я встречу с твоими родителями. Но только в том случае, если ты действительно думаешь, что это хорошая идея. – Я вложила руку в ладонь Чарльза. – Ты уже сказал им? О нашей помолвке?

– Пока нет, – ответил Чарльз. – Думаю удивить их сегодня вечером.

* * *

Я несколько часов до приезда Чарльза никак не могла выбрать, что надеть. Красное платье Кэролайн было слишком броским для ужина в доме будущих родственников. И потом, оно стало мне тесновато. Срок беременности был еще небольшой, но Кэролайн и другие девушки уже отпускали подозрительные комментарии по поводу того, что я прибавила в весе. Я критическим взглядом осмотрела свое голубое платье. *Слишком поношенное*. Мне не хотелось изображать из себя светскую особу, но мне было нужно, чтобы они меня приняли. Это была непростая задача. В конце концов я решила надеть желтое платье, которое мне купил Чарльз несколько недель назад. Хотя я часто ходила в нем на свидания с любимым, я все же надеялась, что оно ему не слишком надоело.

Мы с Чарльзом ехали в машине к его родителям. Я так волновалась, что раз десять перевязывала пояс. Но сколько бы я ни старалась, лента все равно не ложилась ровно.

– Ты отлично выглядишь, – ободряюще заметил Чарльз, ощутив мою тревогу.

– Я просто хочу, чтобы этот вечер прошел хорошо, – ответила я, поворачиваясь к нему.

– Так и будет, – заверил меня Чарльз, накручивая на палец прядку моих волос.

Я отодвинулась от него.

– Осторожно, ты испортишь мне прическу.

Но он не послушался и глубже запустил пальцы в мои волосы.

– Ты неисправим, – вздохнула я.

Я была настолько занята мыслями о своем платье и прическе, да к тому же я безумно нервничала из-за предстоящей встречи с родителями Чарльза, что совсем не следила за дорогой. А ехали мы уже довольно долго, и центр города остался далеко позади. Чарльз свернул на дорогу, уходящую

вдаль между двумя каменными столбами. Это был въезд в Уиндермир, как было указано на табличке.

Разумеется, я слышала об этом привилегированном районе. Моя мама до своей смерти присматривала за детьми в одной богатой семье, жившей именно здесь. И Джорджия тоже работала няней в обеспеченной семье из Уиндермира. Каждый день в пять утра водитель молочного фургона подвозил ее до самого дома, так что она успевала застать своих детей спящими. Ее хозяйка, неприветливая женщина, до полудня валявшаяся в постели, жаловалась, что от одежды Джорджии пахнет кислятиной из-за поездок в молочном фургоне. Хозяйка заставляла ее переодеваться в форму в помещении для прислуги, прежде чем Джорджия могла войти в дом.

– Значит, ты здесь вырос? – спросила я, любуясь ухоженными домами, особняком с остроконечной крышей справа от нас и викторианским строением слева. Мне бы хотелось, чтобы Чарльз немного сбросил скорость, тогда бы я смогла осмотреть каждое здание более внимательно. Никогда еще мне не доводилось видеть такие изысканные жилища.

– Родился и вырос, увы, – ответил Чарльз, словно это признание пятнало его биографию. Я с восхищением смотрела на идеально ухоженные сады по обе стороны дороги, в которых не было ни единого сорняка. Ряды азалий – симфония ярко-красных цветов – молили о внимании, но Чарльз не сводил глаз с дороги, не замечая их красоты. – Когда мне исполнилось восемнадцать, я не мог дожидаться, когда смогу вырваться из этой тюрьмы, – продолжал он.

– Почему? – с легкой завистью спросила я, очарованная окружающей красотой.

– Думаю, я просто презирал все это. Здесь каждый старается делать вид, что он совершенство, – Чарльз на мгновение повернулся ко мне, потом снова стал смотреть на дорогу. – Но, уверяю тебя, что в происходящем за стенами этих домов нет ничего совершенного.

Он мог бы и не говорить мне этого. Я и сама об этом знала. Мама рассказывала мне о неуравновешенной девочке, за которой она присматривала много лет назад в Уиндермире. Однажды малышка взяла свечку и подожгла гардины в туалетной комнате матери. Вспыхнуло такое сильное пламя, что едва не загорелся весь дом.

Чарльз свернул сначала на боковую улицу, где в ряд выстроились более экстравагантные особняки, а потом и на длинную подъездную дорожку. В самом ее конце виднелись ворота, возле которых стоял мужчина в черном костюме.

– Добрый вечер, мистер Чарльз, – поздоровался он, приложив пальцы

к фуражке и распахивая ворота.

Чарльз провел автомобиль по круговой дорожке, усыпанной гравием, остановил его, вышел и открыл мою дверцу.

– Я хочу познакомить тебя со стариной Джо, – обратился он ко мне. – Джозеф! – крикнул он мужчине у ворот. – Ты по мне скучал?

Пожилой человек с седеющими волосами сердечно улыбнулся.

– Добро пожаловать домой, мистер Чарльз, – ответил он и взялся за грабли, чтобы разровнять потревоженный гравий.

Я с восторгом смотрела на незнакомый мне мир Чарльза, в котором слуги появлялись из-за каждого угла, следя за тем, чтобы каждый камешек на вашем пути был возвращен на положенное место.

Я посмотрела вверх, на особняк, такой красивый и совершенный, что один его вид напугал меня.

– Он выглядит как... *дворец*, – прошептала я, замороженная величием здания.

– Мама увидела во Франции замок, который ей понравился, и архитектор в точности воспроизвел его по приказу отца, – объяснил Чарльз, несколько смущенный явной роскошью своего родового гнезда.

Парные кипарисы обрамляли крыльцо и почти касались ветвями шиферной крыши, над которой возвышалась массивная труба дымохода. Я посмотрела на красивую каменную кладку на толстых высоких стенах особняка, увенчанную сложным карнизом. У парадной двери стояли каменные вазоны, в каждом из которых росли кусты изумрудно-зеленого самшита, подстриженные в форме идеальной спирали.

– Чарльз! – Из дома вышла женщина и с распростертыми объятиями двинулась ему навстречу. Каждый ее шаг сопровождал шелест элегантного платья цвета слоновой кости. Я сразу же обратила внимание на ее тонюсенькую талию, которую подчеркивал широкий голубой пояс. В высокой прическе дамы было что-то царственное.

– Мама, – Чарльз нагнулся к ней. Мать взяла его за руки и расцеловала в обе щеки. Я ждала, когда она посмотрит на меня, и вот этот момент настал.

– Кто это с тобой, Чарльз?

– Это Вера, – с гордой улыбкой ответил он. – Вера Рэй.

Я, протянув руку, молилась про себя, чтобы миссис Кенсингтон не заметила мою потрескавшуюся и покрасневшую кожу – все из-за мытья посуды в ресторане.

– Рада познакомиться с вами, мэм, – чуть слышно произнесла я.

Ее рука показалась мне прохладной и бархатной. Надо было мне

послушаться совета Кэролайн и поддержать руки в жире. Но я этого не сделала, и теперь мама Чарльза бог знает что обо мне подумает!

– Вы можете называть меня Опал. – Мать Чарльза бросила взгляд на мои туфли. Платье у меня было высший класс – спасибо Чарльзу, – но обувь была совсем поношенной. У меня на лбу выступили капельки пота. *На какой туфле дырка, на правой или на левой?* Я лихорадочно пыталась это вспомнить и поставила правую ступню так, чтобы каблук туфли на левой ноге прикрывал правую туфлю. Я не осмеливалась посмотреть вниз, чтобы не привлечь еще больше внимания к моей старенькой обуви. Подумать только, я три недели копила деньги, чтобы для меня отложили черные кожаные лодочки у «Фредерика и Нельсона». Чарльз бы сразу их мне купил, это точно. Но я никогда ничего у него не просила. Мне это казалось неправильным.

– Мне очень хотелось познакомить Веру с моей семьей, – пояснил Чарльз, касаясь легким поцелуем моей руки.

– Как... мило, – ответила Опал, и ее голос взлетел на несколько октав на слове *мило*. Улыбка быстро исчезло, глаза сузились. Под ее взглядом я почувствовала себя неуклюжей. – Вы как будто уже встречались с Джозефиной.

Я вспомнила весьма неловкие обстоятельства, при которых я действительно встречалась с сестрой Чарльза. Причем дважды.

– Да, – ответила я, уверенная в том, что покраснела, как пион.

– Что ж, – продолжала Опал, – я рада, что ты заехал к нам, сын. Вы останетесь на ужин?

– Да, конечно, – ответил Чарльз. – А отец здесь?

– Он в своем кабинете. Я попрошу Грету позвонить ему.

Позвонить ему. Я удивилась тому, что в отношениях супругов столько формальностей. Неужели она не могла просто пройти по коридору до кабинета и позвать своего мужа?

Мы вошли следом за Опал в дом. Как только Чарльз снял верхнюю одежду, тут же словно из воздуха появилась экономка и забрала ее.

– Грета возьмет вашу накидку, мисс Рэй, – сказала Опал. Она говорила со мной медленно, будто с ребенком.

Я кивнула, позволяя зеленой шали соскользнуть с моих плеч. Я сшила ее сама из обрезков ткани, которые Кэролайн принесла с фабрики. Тогда я не сомневалась, что моя накидка не уступит тем тончайшим пелеринам, которые я видела в витринах. Но в доме Чарльза она выглядела как тряпка для пыли. Я судорожно протянула ее экономке, которая с любопытством посмотрела на меня.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Интерьер дома меня просто заворожил. Мы прошли по длинному коридору, стены которого украшали картины, написанные маслом. На них была изображена совершенно незнакомая мне жизнь: упитанные терьеры лежали на диванах, сельские дома расположились у подножия холмов, женщины болтали друг с другом, прикрывшись зонтиками от солнца. Коридор привел нас в огромный зал, в котором стоял рояль. Окна выходили на просторную лужайку, тянущуюся до озера.

Я села на обтянутый зеленым бархатом диван рядом с Чарльзом, не в силах отвести взгляд от захватывающей дух водной глади, нежной, как серый бархат на креслах в вестибюле отеля «Олимпик».

– У вас такой вид, будто вы никогда не видели воду, мисс Рэй.

– Видите ли, я впервые вижу озеро Вашингтон, мэм, – объяснила я, не успев обидеться на скрытую колкость матери Чарльза.

Опал поднесла руку к губам, но не сдержала смехок.

– Ну, это все равно как если бы вы сказали, что никогда не видели луну.

– Мама, – Чарльз ринулся на мою защиту. – Вера живет в городе.

– Да, конечно, дорогой, – быстро согласилась с ним Опал. Она предложила мне чашку чая. И когда я подняла руку, чтобы взять ее, мне показалось, будто мое тело налилось свинцом. Почему я чувствую себя такой напряженной, такой неуклюжей в этом доме?

Опал поставила свою чашку на блюдце и подняла вверх указательный палец.

– Я придумала. Ты можешь покатай свою девушку на лодке по озеру, Чарльз.

Он отнесся к этому предложению скептически.

– Даже не знаю, мама. Сегодня ужасно ветрено. Пожалуй, это не лучшее время для...

– Глупости, – отрезала Опал. – Юная леди говорит, что никогда не видела озера. Ты *должен* ей его показать.

– Но ведь уже время ужина?

– Я скажу кухарке, что ужин на полчаса откладывается, – пожала плечами Опал. – Тебе хватит времени, чтобы показать Вере окрестности.

Чарльз повернулся ко мне.

– Как ты на это смотришь?

Небо затянули серые облака, ветер раскачивал ветви деревьев за окном с такой силой, что я легко представила, во что превратится моя прическа. Но мне не хотелось разочаровывать Опал, и я согласилась.

- Звучит заманчиво, – сказала я, стараясь скрыть свое неудовольствие.
- Тогда решено, – Чарльз встал.

Я вышла следом за ним на заднюю террасу, и мы вместе спустились по ступеням, ведущим на лужайку. Я была слишком захвачена панорамой озера, но все же заметила настоящий зоопарк позади дома: живая изгородь была подстрижена в виде различных животных. Кролики, собаки, черепаха, кобыла с жеребенком. Я остановилась, чтобы полюбоваться подстриженным кустом, в котором безошибочно угадывался слон.

– Как удивительно, – я провела рукой по хоботу «слона». – Поразительная точность.

– Джозеф умеет работать с самшитом, он настоящий мастер, не лишенный вдохновения, – пояснил Чарльз. – Отец просто бы подстриг изгородь, и все. Но маме эти животные нравятся. Она проводит здесь много времени. Они ее успокаивают.

Я представила, как Опал в своей экстравагантной манере играет с жирафом, который располагался справа от меня.

– Не думаю, что я очень понравилась твоей матери, – сказала я. С озера подул холодный бриз, и я пожалела о том, что не взяла с собой шаль.

– Разумеется, ты ей понравилась, – возразил Чарльз, прижимая меня к себе. – Разве может быть иначе? Ты же очаровательна. Веди себя естественно, и они увидят женщину, которую я так люблю. – Он чмокнул меня в щеку. – И мама полюбит тебя еще больше, когда я вечером сообщу ей нашу новость.

Я застыла.

– Ты действительно считаешь, что нам следует сказать им сегодня вечером?

Чарльз кивнул.

– Не могу дольше скрывать.

– Но, – попыталась возразить я, – они решат, что все это слишком внезапно. И меня это тревожит. То есть получается, что мы собираемся пожениться слишком скоро после нашего знакомства.

Чарльз пожал плечами.

– Вера, неужели ты не понимаешь? – Он указал на дом. – Это мое прошлое, а ты мое будущее, – Чарльз убрал завиток мне за ухо. – Какая разница, когда мы им об этом скажем? Нечего бояться.

Я выдохнула.

– Ладно, – уступила я.

Мы прошли на причал, где лежали две перевернутые лодки.

– Ну-с, – сказал Чарльз, осматривая обе, – и в какой из них пробоина?

Мои глаза расширились.

– Пробоина?

– Когда я приезжал сюда в последний раз, Джозеф сказал, что одна из лодок нуждается в ремонте, – Чарльз пробежался пальцами по корпусу одной из лодок. – Ага, вот она. Я нашел пробоину.

– Это хорошо, потому что я не умею плавать.

– Я смогу плыть за нас обоих, – с улыбкой успокоил меня Чарльз, встал на одно колено на потрескавшиеся, выбеленные солнцем доски, чтобы отвязать веревку, которая крепила вторую маленькую лодочку к проржавевшей рейке. Когда Опал заговорила о прогулке на лодке, я представила себе нечто более основательное. Маленькое суденышко едва ли могло называться прогулочной шлюпкой, ей было далеко до тех лодок, на которых отец катал меня по заливу Пьюджет-Саунд. Один раз мы с ним перевернулись, и я едва не утонула. С тех пор я на лодке не каталась.

– Готово, – Чарльз протянул мне руку.

– Ну, я не знаю. – Я вдруг почувствовала неуверенность.

– Не бойся, тебе понравится на озере. Нет ничего более успокаивающего.

– Хорошо. – Я взяла Чарльза за руку. Он помог мне сохранить равновесие, когда я спустилась в лодку, и усадил на деревянное сиденье. Я неловко шлепнулась на него и едва не угодила в птичий помет. Чарльз уселся передо мной и вставил весла в уключины.

– А теперь прекращай волноваться. Каждое лето, пока я учился в колледже, я работал в местном клубе спасателем.

Какое-то время Чарльз греб молча. Словно зачарованная, я смотрела, как лодка рассекает воду, как будто нож входит в мягкое масло. Цапля, напуганная нашим появлением, крикнула что-то неодобрительное. Птица взмахнула крыльями, коснулась длинными ногами воды, взбаламутив колонию бледно-зеленых листьев кувшинок, и поднялась в воздух.

– Как здесь красиво, – сказала я. – Тебе очень повезло, что в детстве у тебя все это было.

– Но я не стал от этого счастливее.

Я покачала головой.

– Что ты имеешь в виду?

– Люди считают, что богатство автоматически делает людей счастливыми, – ответил Чарльз, кивком указывая на лужайку. – Проведи ночь в этом доме, и ты изменишь свое мнение.

Я обескураженно посмотрела на него.

– Мама все время не в настроении, – объяснил Чарльз. – Отец

запирается в кабинете, а если его там нет, значит, он в отеле. И еще Джози. Моя сестра всегда была беспокойной. В пять лет она едва не спалила дом.

Мое сердце забилося быстрее. Неужели Джози была той девочкой, за которой присматривала моя мать? Я выпрямилась.

– Что ты хочешь этим сказать: «Едва не спалила дом»?

– Я тогда был в школе, – начал рассказывать Чарльз и потряс головой, как будто воспоминание до сих пор тревожило его. – За Джози присматривала няня. Однажды, когда мама была в городе, Джози ухитрилась свечой поджечь гардины. Дом едва спасли. Мама, разумеется, сразу же уволила няню. Но женщина была ни в чем не виновата. Джози всегда была изворотливой.

– О, – только и промолвила я. Значит, моя мама была няней Джозефины! Я покачала головой, вспоминая, как мама жаловалась на маленькую девочку из Уиндермира. Я очень не любила эту девочку, которая отнимала все время и внимание моей мамы, а когда она потеряла работу, я только была рада, хотя мы могли остаться без пропитания.

– В чем дело, Вера? – поинтересовался Чарльз, заметив мой рассеянный взгляд.

– Ничего, пустяки. – Я постаралась прогнать воспоминания. Неужели Джозефина знает, кто я такая?

– В любом случае, – продолжал Чарльз, – думаю, ты понимаешь, почему мне хотелось как можно реже бывать дома. Мальчишкой я всегда пропадал на озере или ходил по пятам за Джозефом. Отец был слишком занят делами.

Чарльз поднял весла, и несколько минут мы просто скользили по водной глади. Я опустила руку, коснулась воды. В мою ладонь уткнулась кувшинка, и, повинувшись порыву, я подняла ее на несколько сантиметров над озером.

– Смотри, Чарльз, – воскликнула я, показывая ему удивительный цветок.

– Осторожнее, – он аккуратно опустил мою руку вниз. – Кувшинки очень хрупкие.

Я посмотрела на него с любопытством.

– Ты единственный мужчина из тех, кого я знаю, кто так заботится о цветах.

Чарльз пожал плечами.

– Думаю, это влияние Джозефа. – Он снова посмотрел на озеро. – Кувшинки особенные. Видишь ли, они не всегда здесь росли. Первую кувшинку я увидел вон там, когда был мальчишкой. Всего одну. Джозеф

показал мне ее. С каждым годом их становилось больше. И теперь... – Он махнул рукой в сторону белого пятна на воде на некотором расстоянии от нас. Я пригляделась: бесчисленное количество белых цветов размером с мою ладонь закрывало огромный участок озера. – Ты только посмотри на них!

– Просто дыхание перехватывает! – воскликнула я, с улыбкой глядя на цветы.

– Они очень капризные, все зависит от условий, – заметил Чарльз. – Слишком много солнца или недостаточно света, и все, они погибают. Я бы сказал, что кувшинки застенчивые, застенчивые и гордые.

Я снова улыбнулась.

– И еще они нежные, – продолжал Чарльз. – Если их сорвать, они тут же завянут. Джози обычно приплывала сюда с подружками, они для забавы набирали целые охапки кувшинок. Спустя час цветы уже увядали, валяясь на причале, – он умолк, явно взволнованный воспоминаниями. – Я не мог смотреть, как они умирают. Просто так, ни за что.

Я снова посмотрела на озеро. Кувшинки поднимались и опускались на волнах, словно дети, играющие в прибое.

– Здесь они счастливы, – сказал Чарльз. – Когда ты срываешь их, они задыхаются.

Поднялся ветер, спутал мне волосы. Я вернула на место выпавшую заколку, и тут первая капля дождя упала мне на щеку.

– О, нет, – заволновалась я, ощущая следующую каплю на руке.

Чарльз взялся за весла.

– Нам лучше вернуться.

К тому времени, когда мы добрались до причала, хлынул настоящий ливень, и все мои попытки сохранить прическу оказались бессмысленными. Но я все же как-то пыталась спасти повисшие кудри. Промокшее насквозь платье облепило тело. Я инстинктивно оттягивала ткань, чтобы она не подчеркивала мой округлившийся живот, хотя эта округлость и была заметна только мне.

– Ты только посмотри на нас, – Чарльз привязал лодку, – парочка мокрых водяных крыс.

Он взял меня за руку, и мы побежали через лужайку к дому. Я была в ужасе от того, как выглядела. Мое отражение в зеркале с позолоченной рамой подтвердило мои опасения. Румяна бледно-розовыми потеками стекали со щек. Волосы повисли, облепили голову, словно мокрые водоросли.

– Дорогая! – воскликнула Опал. – Грета! – крикнула она. – Найди для

мисс Рэй какую-нибудь сухую одежду в гостевом крыле.

– Идемте со мной, мисс Рэй, – обратилась ко мне экономка. Я прошла следом за ней по коридору, отчетливо ощущая каждую каплю, падавшую с моей одежды на натертый до зеркального блеска паркет. Мы повернули за угол, Грета открыла дверь в западное крыло дома. – Здесь наверняка найдется какое-нибудь платье, – пояснила она. – В доме часто бывают гости по выходным. Так что в гардеробах всего достаточно.

Странно было представить людей, которые путешествуют без багажа. Но, возможно, им просто всегда предоставляли все необходимое, где бы они ни находились.

Грета достала из шкафа кремовое платье с низким вырезом.

– Кажется, это ваш размер, – она протянула его мне. – Надеюсь, подойдет.

Я бы предпочла более элегантный наряд. Платье казалось мешковатым и слишком широким в талии. Я беспокоилась о том, в каком виде предстану перед отцом Чарльза. Грета сняла с меня одежду. Я избегала ее взгляда, пока она расстегивала мой корсет, разорванный на боку слева и полинявший от многочисленных стирок в воде, оставшейся после купания. Хозяйственное мыло было роскошью, без которой мы с моими соседками обойтись не могли, но мы всегда экономили и старались как можно бережнее использовать каждый грамм. Грета одевает женщин из семьи Чарльза в шелковое французское белье, что же она подумает обо мне, одетой в такие лохмотья?

Что бы экономка ни думала, мысли свои она оставила при себе, протянув мне пушистое белое полотенце. Я с удовольствием завернулась в него, пытаясь согреться. Из комода, стоявшего поблизости, Грета достала нижнее белье.

– Это я повешу сушиться, – она нагнулась и подняла с пола мою мокрую одежду, – на тот случай, если вам это все пригодится.

Я робко кивнула, смущенная произведенным обменом. Грета вышла на террасу, а я села на кровать. В каком странном мире родился Чарльз. Я чувствовала себя как сорванная кувшинка: испуганная, вырванная из привычного круга, задыхающаяся в новой обстановке.

Грета вернулась, помогла мне надеть корсет, который оказался мне мал на размер и неприятно сжал грудь. Я забеспокоилась, что буду выглядеть как одна из девушек по вызову, посещавших салуны на Пятой авеню.

– Вы уверены, что в комоде нет другого корсета?

Грета покачала головой.

– Этот единственный.

Я надела платье, и после того, как Грета застегнула пуговицы, я долго рассматривала себя в большое зеркало возле кровати. Мои груди почти вываливались из низкого декольте. Платье было прямого покроя, а не расклешенное, как мое желтое. Оно висело на мне, словно бумажный мешок. *Как я могу выйти в таком виде?*

Грета как будто не замечала моей тревоги, а если и заметила, то не подала виду.

– Возьмите. – Она привычным жестом протянула мне щетку для волос и полотенце.

– Спасибо, – поблагодарила я, провела щеткой по спутанным кудрям, вернула на место заколку. Я снова посмотрела на себя в зеркало и вздохнула.

Мои глаза встретились с глазами Греты, и впервые я заметила в ее взгляде сочувствие.

– Не стыдитесь вашего происхождения, мисс Рэй, – негромко посоветовала экономка.

Я кивнула. Я поняла, что она хотела сказать, и ее слова согрели меня.

– А теперь вы позволите отвести вас обратно?

Мне захотелось закричать: «Нет, не надо возвращать меня туда! Я не могу предстать перед ними в таком виде!» Но я кивнула, высоко подняла голову и вышла следом за ней в коридор. Там, надеясь, что меня никто не видит, я тщетно попыталась повыше подтянуть вырез платья.

– Вот и ты, наконец! – окликнул меня стоявший у рояля Чарльз. – Присоединяйся. Будем петь вместе!

За роялем сидела Джози. Когда она увидела меня, то ее рот приоткрылся. Я решила не обращать на нее внимания. Неважно, что она обо мне знает или думает. Я вспомнила слова Греты и взяла себя в руки.

– Добрый вечер, Джози, – как можно любезнее поздоровалась я. На ней было розовато-лиловое платье с заниженной по последней моде талией. В ушах подрагивали бриллиантовые серьги.

– Добрый вечер, – холодно ответила она. – Мы с Чарльзом как раз пели гимн нашей школы. Может быть, ты к нам присоединишься? Или мы могли бы спеть гимн твоей школы. Где ты училась в старших классах?

Я опустила глаза, брат с сестрой выжидающе смотрели на меня.

– Я, я...

Чарльз, успокаивая, положил руку мне на талию.

– Я не ходила в старшие классы, – кратко ответила я. Слова Греты звучали у меня в ушах. *Не стыдитесь вашего происхождения.* – Мне пришлось бросить учебу и пойти работать. Сначала умер отец, а следом за

ним умерла и мама.

Джози изобразила сочувствие.

– Значит, ты сирота?

– Хватит с меня музыки, – объявил Чарльз, спасая ситуацию. – Я умираю с голода.

– Ваш отец появится с минуты на минуту, мои дорогие, – проворковала Опал, удивленно глядя на меня. Она допила напиток из бокала и остановилась возле бара, чтобы снова его наполнить. Я наблюдала, как янтарная жидкость льется из хрустального графина. – Мы можем идти в столовую.

Стол под белоснежной скатертью сверкал начищенным серебром и хрусталем. Я села рядом с Чарльзом. Он сжал мое колено под столом.

– Я рад, что ты здесь, – прошептал он.

Я пригладила волосы, все еще мокрые после лодочной прогулки. В комнату вошел отец Чарльза.

– Опал! – рявкнул он. – Я не понимаю, почему ты каждый вечер настаиваешь на том, чтобы ужин подали в семь тридцать, когда весь остальной мир ужинает в шесть часов.

Я смотрела прямо перед собой, стараясь не привлекать к себе внимания. Тут кто-то наклонился надо мной и налил в мою тарелку суп оттенка зеленой мяты.

– Уильям, это подруга Чарльза, мисс Рэй, – представила меня Опал.

Кенсингтон-старший уселся во главе стола и заткнул салфетку за воротничок.

– Ты не говорил, что приведешь на ужин гостью, сын, – сказал он и, повернувшись ко мне, улыбнулся, – да еще такую хорошенькую.

– Вы слишком добры, – ответила я, чувствуя острое желание прикрыть вырез салфеткой, лежавшей у меня на коленях.

– Я давно хотел, чтобы вы с ней познакомились, – Чарльз взял меня за руку. – Я...

– Мама, – прервала его Джози, – тебе не кажется, что кухарка пересолила суп?

Опал кивнула.

– Мне придется ее уволить. Все, что она готовит, похоже на рассол.

– О, мама, – вмешался Чарльз, – все не так плохо. Мне, пожалуй, даже нравится. И потом, разве миссис Мерриуэзер не единственный кормилец в семье? Кажется, Джозеф говорил, что она вдова?

Уильям откашлялся.

– Что-то ты, мой мальчик, в последнее время интересуешься

вдовами, – прокомментировал он, поворачиваясь к Опал. – Не так давно наш сын предложил мне предоставить кров и содержание женщине из города, у которой пять детей.

Я вспомнила мою соседку Лору и многозначительно посмотрела на Чарльза.

– В следующий раз ты попросишь у меня денег на обучение ее детей в Йельском университете, – продолжал мистер Кенсингтон. Джози рассмеялась. – У твоего брата золотое сердце. Дай ему волю, и он одарит деньгами каждого бедняка в городе, – Уильям повернулся ко мне. – Мисс Рэй, ваша фамилия мне не знакома. Кто ваши родители?

Джози пристально смотрела на меня, но я избегала ее взгляда.

– Они умерли, сэр, – ответила я.

– Печально это слышать.

Опал щелкнула пальцами, и из кухни прибежала молодая женщина в черном платье и белом переднике. Она не поднимала головы, пока мать Чарльза приказывала ей убрать тарелки.

– Слушаюсь, мэм, – быстро ответила девушка.

Она начала ставить суповые тарелки на поднос и вдруг встретила со мной глазами.

– Вера?

Я не сразу узнала ее в наряде горничной, но потом вспомнила свою школьную подругу.

– Сильви, – инстинктивно ответила я и сразу подумала о том, как семья Чарльза воспримет эту встречу.

– Что ты здесь делаешь? – продолжала разговор Сильви.

– Я... – мои щеки вспыхнули, я чувствовала, что все взгляды прикованы ко мне.

– Она здесь со мной, – ответил за меня Чарльз, заполнив неловкую паузу.

– Вы только посмотрите на это, – фыркнула Джози. – Подруги встречаются вновь! Вера, скажи нам, это твоя подруга из танцзала?

Родители Чарльза неодобрительно смотрели на меня, когда я положила салфетку на тарелку и встала. Как я могла даже надеяться на то, что меня примут в этом мире?

Слезы застилали глаза. Нет, они не увидят, как я плачу. Я приподняла край платья и выбежала из комнаты, миновала коридор, вылетела в вестибюль, распахнула входную дверь и остановилась на крыльце. Я села на каменную скамью у входа, обдумывая, что делать дальше. Через несколько минут за моей спиной скрипнули петли. Ожидая увидеть

Чарльза, я обернулась, но это была Джози. На ее лице играла довольная улыбка.

– Чарльз как раз объясняет родителям, что он сделал тебе предложение, – начала она, покачивая головой, как будто считала саму идею смехотворной. – Ты бы видела маму! Она в шоке, – Джози обернулась, посмотрела на дом и хмыкнула. – Я знаю, кто ты такая, Вера Рэй, – продолжала она. – И твою мать я тоже знала. Полагаю, что ты такая же воровка, как и она. Яблоко от яблони недалеко падает, верно?

Я покачала головой.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Значит, мать тебе не рассказала, сколько вещей она украла у нашей семьи? Украшения, монеты из отцовского кабинета...

– Джози, – пробормотала я, – ты, должно быть, ошибаешься. Моя мать никогда бы...

– Я сама видела, как она взяла бриллиантовый браслет из маминой шкатулки.

– Я в это не верю! – крикнула я. – Как ты смеешь так говорить о моей матери? Она была хорошей женщиной. Она изо всех сил старалась ухаживать за тобой, Джози. Но ты ее мучила.

Ледяной взгляд девушки напугал меня.

– Я знаю, что ты думаешь о таких, как мы, – сказала она. – Ты, как и твоя мать, считаешь нашу семью талоном на обед.

Я вытерла слезы.

– Ты не права!

– Что ж, – продолжала Джози, – если ты считаешь, что я буду стоять и смотреть, как моего брата обманывает обыкновенная шлюха, то ты ошибаешься, милочка.

Ее слова сразили меня.

– Обыкновенная?.. – Я не смогла произнести грубое слово. – Почему ты считаешь, что я...

И тут я вспомнила конверт с деньгами в апартаментах отеля. Деньги, которые Чарльз передал мне для бедной вдовы. Джози их видела и подумала, что это для *меня*.

– Нет-нет, – торопливо заговорила я, – ты все неправильно поняла. Эти деньги были для...

Джози покачала головой.

– Да я все знаю – ты ждешь от него ребенка.

Я инстинктивно прикрыла ладонями живот.

– И сколько времени, по-твоему, ты сможешь хранить *это* в тайне?

Я ахнула. *Откуда она знает?* Я никому не говорила. Даже Чарльзу.

– Можешь не отнекиваться, – бросила Джози. – Это очевидно.

– Но я...

– Так сколько?

Я ошеломленно смотрела на девушку.

– Я тебя не понимаю.

– Сколько я должна тебе заплатить, чтобы ты убралась из нашей жизни, из жизни Чарльза?

– Зачем ты вмешиваешься?

– Я не хочу, чтобы он связал свою жизнь с такой женщиной, как ты, – спокойно объяснила Джози. – Это убьет маму. И отец лишит его... – она обвела жестом дом и сад, – всего этого. Думаешь, Чарльз будет любить тебя вечно? Что ж, мисс Рэй, я знаю своего брата лучше, чем вы, и могу сказать вам, что существует единственный ответ на этот вопрос – «нет».

Я любила Чарльза всем сердцем, но хватит ли ему моей любви для счастья без... привилегий, которые дарила ему привычная для него жизнь?

– Так сколько денег я должна тебе дать? – снова спросила Джози. – Сколько, чтобы ты убралась отсюда?

Я подняла руку.

– Ты ничего мне не должна, – я резко встала. – Я все понимаю.

По гравийной дорожке я дошла до улицы. Издалека донесся голос Чарльза, он звал меня, как маяк зовет сбившийся с курса корабль, но я все-таки продолжала идти вперед. Сказка должна была закончиться. Джози поступила со мной жестоко, но она была права. У нас с Чарльзом никогда бы ничего не получилось.

– Вера! – Чарльз догнал меня. Он опустил руку на мое плечо. – Прощу тебя, подожди. Прости меня за такой прием моей семьи. Идем. Мы уедем отсюда вместе.

Я смахнула подступившие слезы.

– Я не могу, Чарльз, – сказала я. – Именно этого я боялась, и сегодняшний день только подтвердил мои опасения. Я люблю тебя, очень люблю. Но я не могу выйти за тебя замуж.

Ужасно было видеть, как глубоко ранили его мои слова.

– Почему же нет?

– Неужели ты не понимаешь? – Я провела рукой по его лицу. – У нас с тобой ничего бы не получилось. Мы из разных миров.

– Но это не имеет никакого значения, – взмолился Чарльз. – Не должно иметь.

– Но все-таки имеет, – ответила я. – Прости, Чарльз. Я не для тебя.

Я знала, что он от всего отказался бы ради меня, но я любила его и не могла ему позволить сделать это.

Чарльз застыл, словно пораженный молнией, пока я бежала мимо идеально подстриженной живой изгороди из самшита, распахивала чугунные ворота и выбегала на дорогу. Я торопливо шагала, не зная, как мне добраться до дома. До города было несколько миль. Когда я услышала шум автомобиля Чарльза и его голос, звавший меня из окна, я спряталась за дерево.

– Вера! – кричал он. – Вера!

Мне хотелось крикнуть: «Я здесь, Чарльз! Давай убежим вместе. Давай начнем новую жизнь, нашу общую жизнь!» Но в глубине души я понимала, что Джози была права. Я пригнулась еще ниже и стала ждать, пока «Бьюик» скроется из виду.

По шоссе мчались автомобили, обливая грязью мое платье. Какая теперь разница? Я подняла руку, пытаюсь остановить автомобиль. Наконец возле меня затормозил грузовичок, белый, с проржавевшей крышей, в его кузове была сложена плитка.

– Вам куда, мисс? – Водитель говорил с заметным иностранным акцентом, так обычно говорили русские семьи, жившие в моем доме.

– Я хотела бы добраться до города, – объяснила я, смахивая слезу. – Вы не могли бы подвезти меня?

– Я как раз туда еду.

Я села в кабину и изо всех сил захлопнула тяжелую дверцу. Внутри пахло плесенью и бензином. Пока водитель выезжал обратно на шоссе, я бросила взгляд на въезд в Уиндермир.

– Меня зовут Иванов, – произнес мужчина, искоса глядя на меня, – Степан Иванов.

– А я Вера Рэй.

Глава 16

Клэр

Я сунула в рот кусок пиццы и запила его глотком красного вина.

– Он звонил, – сообщила я Эбби. Мы обе сидели на полу перед телевизором в моей квартире. На кофейном столике стояли открытая коробка с пиццей и бутылка вина.

– Кто именно?

– Этан.

– И что?

– Оставил два голосовых сообщения. Первое: «Клэр, вчера вечером я остался ночевать в апартаментах моих родителей в отеле. Слишком много выпил на вечеринке. Надеюсь, ты понимаешь».

– Милая ты моя, – посочувствовала Эбби. – Звучит не слишком обнадеживающе.

Я нахмурилась.

– День ото дня становится все хуже. Второе сообщение, которое я получила час назад, звучит так: «Клэр, сегодня вечером я отправляюсь в Портленд на конференцию. Вернусь в воскресенье».

Эбби покачала головой.

– Что еще за конференция?

– В том-то и дело, – сказала я. – Я провела небольшое расследование и пришла к определенному выводу.

– Нет, только не говори мне, что он отправился вместе с...

– С Кассандрой? Ты угадала. Конечно, я уверена не на все сто процентов, но единственная конференция, проходящая в Портленде, – это съезд ресторанных критиков. Выводы делай сама.

– Вариант не слишком приятный, – Эбби отпила глоток вина. – *Если* это правда.

Я пожала плечами.

– После того, как я видела их вместе вчера вечером, я в этом ничуть не сомневаюсь.

Я поставила ногу на перекладину кофейного столика, и стопка фотоальбомов упала на ковер. Один из альбомов распахнулся, демонстрируя свои страницы, как будто для того, чтобы подразнить меня. Я взяла альбом и посмотрела на снимки. Это были мы с Этаном в день

свадьбы, я в платье без бретелей. Мать Этана подняла шум из-за того, что такой фасон не подходит для католической церкви, но Этан пресек эти разговоры. Тогда мы были одной командой. Я провела рукой по фотографии, мой палец задержался на лице Этана. Я вставила рядом с этим снимком свадебное фото моих дедушки с бабушкой. Черно-белый отпечаток с годами поблек. Девочкой я сотни раз смотрела на него, запоминая выражение любви на лицах обоих. Это была истинная любовь. Но только сейчас я заметила листок бумаги, который держала в руках моя бабушка. Я прищурилась, пытаюсь разобрать, что на нем написано.

– Эбби, взгляни на это, – я передала альбом подруге. – Можешь разглядеть, что там написано?

Эбби взяла альбом и потянулась за очками, лежавшими на столике.

– Думаю, тут написано «Сонет 43».

– Что это значит?

– Твои знания по английской литературе слегка заржавели? – насмешливо поинтересовалась Эбби.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Видишь ли, пока ты учила стихи, я горбатилась в редакторской, вычитывала гранки, исправляла ошибки.

Эбби специализировалась на английской литературе, а я – на журналистике. Так что в этом смысле мы давно враждовали.

– Ладно, ладно, – отмахнулась она. – Так ты хочешь знать, что это такое, или нет?

– Просвети меня, Шекспир.

Эбби фыркнула.

– Это Элизабет Барретт Браунинг^[8], глупышка. Ты наверняка знаешь ее знаменитое стихотворение «Как я люблю тебя? Считай».

– О! – мгновенно вспомнила я. – Это стихотворение я знаю.

– Разумеется, ты его знаешь, – продолжала Эбби. – Это самое знаменитое стихотворение о любви в истории поэзии.

Она нашла стихотворение в памяти своего телефона и вслух прочитала его.

Я прислонилась к дивану, крепко сжимая бокал с вином.

– Как романтично. – Я снова посмотрела на фото. – Держу пари, она читала его на свадьбе.

Эбби кивнула.

– Эти строки не выходят из моей головы. Посмотри на своего дедушку! Он просто обожает свою молодую жену!

– Так и было. Мама, пока росла, наблюдала эту любовь. Думаю,

именно поэтому у нее было два неудачных брака. Она никак не могла найти своего принца, как это удалось бабушке.

Я вздохнула и закрыла альбом.

Эбби положила голову мне на плечо и спросила:

– О чем ты думаешь?

– Я боюсь неудачи, Эб. Я боюсь, что наш брак не выдержал испытания и рухнул.

Моя подруга снова открыла альбом и указала на черно-белый снимок.

– Ты можешь сколько угодно говорить, что у твоих дедушки с бабушкой был идеальный брак, но я уверена, что и у них не обошлось без проблем.

Я с сомнением посмотрела на подругу.

– Послушай, – продолжала Эбби, – я знаю тебя, Клэр, и вижу, что ты очень любишь Этана. Так почему бы тебе не побороться за него? Кассандра взяла его в оборот, но только потому, что ты отошла в сторону.

Я откусила кусочек корочки от пиццы и бросила ее обратно в коробку, мгновенно вспомнив о том, что мой муж и Кассандра в это время наслаждаются на конференции изысканной едой.

– И что я должна делать, по-твоему? Поехать туда?

– Нет. Для начала ты могла бы ответить на его звонки, – предложила Эбби. – Ведь он дважды звонил тебе и оставлял сообщения, верно?

– Да.

Она просияла.

– Вот и позвони ему.

Я взяла мобильный, нашла номер Этана. Началось соединение, и мое сердце забилося так, словно я звонила парню после первого свидания. Но после третьего гудка я разочарованно вздохнула.

– Голосовая почта, – беззвучно объяснила я Эбби.

– Оставь ему сообщение, – прошептала она.

Я покачала головой.

– Давай же!

– Гм, Этан, это Клэр. Я получила твои сообщения. Послушай, когда ты вернешься с... гм... конференции, не могли бы мы поговорить? Я по тебе скучаю. – Я сделала паузу, и Эбби ткнула меня в бедро. – И я люблю тебя.

Закончив звонок, я посмотрела на Эбби.

– Ну вот. Все это звучало совершенно по-идиотски. Ты довольна?

– Хорошая девочка, – похвалила меня подруга, снова наполняя мой бокал.

Спустя секунду мобильный зажужжал. Виброзвонок напугал меня, и,

потянувшись за телефоном, я пролила вино на кофейный столик. Эбби быстро вытерла лужу бумажными салфетками, оказавшимися под рукой. Я взглянула на экран.

– Эбби, это он.

Телефон зажужжал снова.

– Ну, что ты? Отвечай!

Я глубоко вдохнула, прижала телефон к уху и нажала на кнопку.

– Привет, Этан.

Мне не терпелось услышать его голос, я ждала его нежных слов и признаний, я надеялась, что мои слова тронули его сердце. Ведь я даже вспомнить не могла, когда последний раз говорила мужу: «Я люблю тебя».

Но вместо голоса Этана я слышала только какую-то возню, шум, звяканье. Я различила звон ключей от автомобиля, потом хлопнула дверца.

– Этан? – сказала я в трубку. – Ты меня слышишь? – Я понуро повернулась к Эбби. – Думаю, телефон случайно включился в кармане.

Я продолжала слушать, пока до меня не донесся приглушенный звук женского голоса. Я отсоединилась.

– Что случилось? Что он сказал?

Я вытерла со щеки слезу, ногой отбросила в сторону фотоальбом.

– Полагаю, он с ней.

– Откуда ты знаешь? – спросила Эбби.

Я скрестила руки на груди и удрученно смотрела прямо перед собой.

– Я слышала женский голос.

– Клэр, это мог быть кто угодно. Например, официантка в ресторане.

Я покачала головой.

– Нет, это была она. Я точно знаю.

Эбби протянула ко мне руку.

– Перестань, еще не время оплакивать твой брак. Не торопись писать некролог. Подожди, пока Этан вернется из Портленда. Поговори с ним. А потом примешь решение.

Я дернула плечом.

– А пока у нас есть пицца и вино, – Эбби потянулась за пультом, – и замечательный фильм.

В этот момент я была как никогда благодарна подруге.

* * *

Воскресным утром, перед тем как встретиться с Лилиан Шарп в

Уиндермире, я заехала навестить дедушку Этана в реабилитационный центр. После неприятного разговора с Глендой в больнице границы были очерчены очень четко. Мне ясно дали понять, чтобы я держалась подальше от Уоррена. Но он сам позвонил мне и сказал, что скучает. Ради него я решила нарушить правила.

– Как поживаешь? – сразу спросил он, стоило мне войти, и жестом подозвал меня к кровати. Комната походила на больничную палату, с той лишь разницей, что мебели было больше: диван, комод, платяной шкаф и маленький холодильник.

– Бывало и лучше, – ответила я. – Работаю над одним материалом, и мои поиски с каждым днем все больше напоминают охоту за химерами.

– О?

Я начала вводить старика в курс дела, но в этот момент зазвонил мой телефон. Я достала его из сумки.

– Этан, – объяснила я Уоррену, сбрасывая звонок и отправляя мобильный обратно в сумку.

– Я волновался за вас, – сказал Уоррен. – Семейные проблемы?

Я вздохнула.

– Боюсь, что так.

– Позволь мне рассказать тебе о моей жене, – старик, улыбаясь, смотрел на пятнышко на стене, как будто его любимая поглядывала на него оттуда. – Энни была очень на тебя похожа. Одухотворенная. Энергичная. Немного своенравная.

Я улыбнулась.

– Мне бы она понравилась.

– Ты бы *полюбила* ее, Клэр. Она относилась к жизни со страстью, и с такой же страстью она относилась ко мне.

Зазвонил телефон, стоявший рядом с постелью Уоррена.

– Кто бы это мог быть? – Он удивленно посмотрел на аппарат и снял трубку. – Алло? – Уоррен долго молчал, в его глазах появилось разочарование. – Не могу поверить, что ты не нашел... Ты думал, что это... Хорошо... Нет, сейчас не время... Я позвоню тебе позже.

Я взяла с прикроватного столика журнал и листала его, гадая, о чем это говорил Уоррен.

Старик снова повернулся ко мне.

– Прости, пожалуйста. Так о чем мы говорили?

– О вашей жене.

– Ах, да, моя жена.

Я похлопала его по руке.

– Уверена, что вам ее очень не хватает.

– Да, – согласился Уоррен. – Потерять свою истинную любовь – все равно что лишиться правой руки. Как будто стал безруким. На все требуется больше усилий. После ее смерти все стало иначе.

– Интересное сравнение. Я никогда об этом не задумывалась.

Он кивнул.

– Хочу сказать тебе кое-что, – старик сцепил руки. – Через несколько лет после свадьбы мы с ней расстались.

Я недоверчиво покачала головой.

– Что случилось?

– Энни ушла от меня, – объяснил старик. – У меня не было романа на стороне в прямом смысле этого слова, но присутствовала непозволительная дружба с женщиной, секретаршей в офисе.

Я удивленно подняла бровь.

– Непозволительная?

– Я был туп как пробка. Тридцатилетние мужчины все таковы, знаешь ли.

Я согласно кивнула.

– Все начиналось достаточно невинно, – продолжал Уоррен. – Я допоздна задерживался на работе. Мы флиртовали. Потом мы начали вместе заходить в бар, чтобы выпить по стаканчику после службы. Я играл с огнем. Энни об этом узнала. Она была вне себя от гнева, сразу собрала вещи и вернулась домой к матери.

– Так вы думаете, что мне следовало бы уехать?

– Нет. Я просто хочу сказать, что, когда потерял Энни, пусть даже на короткий период времени, я понял, насколько она мне дорога. Я никогда не забывал этот урок. Мы оба любили друг друга еще сильнее после этого срыва. Энни тоже оценила наш союз со временем.

– Хотелось бы мне представить такой же счастливый конец, – заметила я. – Но Этан, кажется, видит конечный результат иначе.

В комнату вошла медсестра и указала на часы.

– Прошу прощения за то, что прерываю вас, мистер Кенсингтон, но сейчас у вас физиотерапия.

Старик кивнул и поднял палец.

– Одну минуту, – попросил он и повернулся ко мне. – Позвони ему сама, дай ему возможность проявить себя. Вспомни обо мне и Энни.

Я обняла старика.

– Вы правы, Уоррен, спасибо.

Медсестра помогла ему выбраться из постели.

– Они только даром теряют со мной время, – игриво заметил Уоррен, – нечего возиться со старикашкой.

– Старикашке нужна физиотерапия, – парировала медсестра.

Уоррен подмигнул мне.

– Нам не удалось поговорить о твоей статье, – сказал он.

– Гленда будет рада, – ответила я. – Она запретила мне беспокоить вас любыми – о, как же она выразилась? – Ах, да, драмами.

– К черту Гленду, – грубо отрезал Уоррен. Я знала, что он любил свою невестку, но не ее навязчивость. – Возвращайся как можно скорее и расскажи мне о своей статье.

Я кивнула.

– Обязательно.

– А теперь позвони мужу, – напомнил Уоррен, когда медсестра уже выводила его в коридор. – Обещаешь?

– Обещаю.

* * *

Я вышла из такси перед домом Лилиан Шарп в Уиндермире. Именно по таким местам мои родители катались по воскресеньям, мечтая о лучшей жизни, когда я была еще ребенком. Я оглядела огромный дом. Лилиан была права. У него был такой вид, будто в него очень давно никто не заглядывал. Краска облупилась. Покрытый мхом шифер на крыше выглядел безрадостно. И хотя лужайку косили, а клумбы пропалывали, сад не смотрелся таким ухоженным, как у соседей. Я посмотрела на пустую подъездную дорожку, потом взглянула на часы. Я приехала на пять минут раньше. Присев на каменный столбик, я стала дожидаться приезда Лилиан. Мое сердце трепетало при мысли о том, что я, возможно, стану на шаг ближе к разгадке тайны исчезновения Дэниела Рэя.

Через несколько минут на подъездную дорожку въехал серый седан «Вольво». За рулем сидела седая женщина с короткой стрижкой. Она вышла из машины и тепло мне улыбнулась.

– Вы, должно быть, Клэр.

– Да. – Я направилась ей навстречу, протягивая руку. – Я очень благодарна вам за то, что вы согласились встретиться со мной здесь. Надеюсь, я не причинила вам слишком много неудобств.

– Вовсе нет, дорогая, – ответила Лилиан, глядя на старый дом. Она шумно выдохнула. – Господи, как же я скучала по этому месту.

- Ваши дети выросли здесь?
- Да, оба сына.
- Когда вы с мужем уехали отсюда?

Лилиан немного помолчала.

– Мой первый муж некоторое время назад умер, – пояснила она. – В прошлом году я снова вышла замуж, – женщина вздохнула, глядя на дом. – Я не могла привести моего нового мужа сюда. Разумеется, я хотела разделить с ним все, но я думаю, что этот дом мне нужно сохранить исключительно для себя, – Лилиан покачала головой. – Слишком много воспоминаний.

– Понимаю, – проговорила я.

– Ладно, что-то я разболталась. Вы приехали за информацией, и я бы хотела помочь вам найти ее. У моего отца была интереснейшая карьера. Он был партнером в очень крупной юридической фирме Сиэтла «Шарп, Сэнфорд и О'Кифи», но у него всегда находилось время для бедных. Отец брался за дела даже тогда, когда знал, что ему не заплатят. Он был хорошим человеком.

Лилиан подошла к входной двери и вставила ключ в замочную скважину.

– Дом, милый дом, вот и мы, – произнесла она, и ее голос эхом отозвался среди пустых стен.

Я вошла следом за ней, по дороге смахнув паутину с притолоки. Паркетные полы скрипели под моими шагами. Мебель в комнатах была накрыта белыми чехлами.

– Как замечательно, должно быть, было растить детей в таком доме, – заметила я, представляя звонкий мальчишеский смех.

– Да, – ответила Лилиан, вспоминая. – Здесь было столько счастья, – она указала на коридор впереди. – Архивы моего отца находятся там. Он очень аккуратно обращался с бумагами. Обязательно снимал копии с каждого документа, имевшего отношение к делу, над которым он работал. В те времена немногие адвокаты так скрупулезно относились к документации, но мой отец был очень внимателен к деталям. Кроме того, в полицейском управлении происходило много странного. Отец считал, что виной всему коррупция, – миссис Шарп грустно улыбнулась. – Он всегда вел записи на тот случай, если кто-то попытается фальсифицировать документы.

Лилиан остановилась перед дверью комнаты в восточном конце дома. Она старалась открыть дверную ручку своей хрупкой рукой, но та не поддавалась.

– Странно, – удивилась Лилиан. – Такое впечатление, будто изнутри что-то мешает.

– Позвольте мне попробовать, – предложила я, нажала на ручку и как следует толкнула дверь. За дверью явно стояло что-то тяжелое, она не открывалась. Но я все нажимала и нажимала на дверь, пока этот неизвестный предмет не сдвинулся, и мы с Лилиан не протиснулись в узкую щель.

Она ахнула.

– Боже мой! Что здесь произошло?

На полу валялись осколки стекла.

– Осторожнее, – предупредила я, указывая на острый осколок рядом с ее ногой.

Окно было разбито, и это явно не было случайностью. По всей комнате валялись перевернутые коробки, из которых вывалились документы и папки.

Лилиан прикрыла рот рукой.

– Кому это понадобилось?

Я поддержала ее, чтобы она не упала.

– Очевидно, кому-то была очень нужна информация, которую сохранил ваш отец.

Пожилая женщина недоверчиво покачала головой.

– Все эти годы дом никто не трогал, ни разу, так почему это случилось теперь?

Я опустилась на колени, отодвинула в сторону часть бумаг, высота которых доходила до щиколотки. Потом подняла один листок, протянула его Лилиан.

– «Государство против Эдварда Эйнсбурга». – Я вздохнула. – Это все равно что искать иголку в стоге сена.

Я попробовала хоть как-то разобрать бумаги, но вскоре поняла, что это бесполезно, и поднялась на ноги.

– Тот, кто здесь побывал, явно что-то искал. Но, возможно, он не нашел нужного документа. – Я повернулась к Лилиан. – Мог ли ваш отец хранить папки где-то?

– Нет, – ответила она, ошеломленная беспорядком и бесцеремонным вторжением.

Я снова опустилась на колени.

– Ладно, все-таки стоит попробовать. Возможно, мне повезет.

Помолчав немного, Лилиан произнесла:

– Подождите... Да, есть одно место, где мы могли бы посмотреть. Как

я могла забыть? Идемте со мной.

Мы поднялись по лестнице наверх и вошли в комнату, заполненную книгами. Я была потрясена видом старинных кожаных переплетов, занимавших полки до потолка. Если бы я жила в этом доме, я бы проводила большую часть времени именно здесь.

– Это старая библиотека отца, – с улыбкой объяснила Лилиан. – После его смерти, когда мы с Биллом, моим первым мужем, переехали сюда, мы оставили все в точности так, как было. Я бы не позволила ему переставить ни одну книгу, – миссис Шарп прикрыла глаза. – Я не хотела потерять ничего, что было связано с отцом. – Она провела рукой по полкам, на ощупь вспоминая каждую впадинку, каждую царапину.

Я подошла ближе.

– Что вы ищете?

Она не ответила, погруженная в свои мысли. Но спустя несколько минут одна из полок сдвинулась.

– Нашла! – воскликнула Лилиан.

Я не сводила глаз с секции, которая углубилась внутрь, открывая нишу.

– Здесь отец хранил все ценные вещи, – продолжала рассказывать Лилиан. – Забавно, я почти забыла об этом тайнике. Входите, давайте посмотрим вместе.

Я пригнулась и вошла в крохотную нишу размером примерно с обычный стенной шкаф в спальне. Пахло плесенью и чем-то сладким. Лилиан указала на коробку на полке.

– Его сигары, – сказала она, снимая коробку с полки и поднося ее к носу.

Я вернулась ко входу, намереваясь поскорее выйти. Очень не хотелось быть замурованной в этом тайнике. Если кто-то проник в дом, он вполне мог и вернуться. Что, если...

– Вам наверняка немного не по себе, – заметила Лилиан.

– Да, – призналась я, – это точно.

– Девочкой я часами просиживала в этой комнате, – проговорила миссис Шарп. – Отец разрешал мне и моей подруге Марте играть здесь в куклы, пока он работал. Он зажигал нам маленькую керосиновую лампу. Мы отлично проводили время.

Мое сердце забилось быстрее, пока я осматривала темноватое помещение. Было очень темно, из библиотеки проникал лишь узкий луч света. Я быстро поняла, что проиграла. В этом тайнике явно наводили порядок. Остались лишь фотография женщины в рамке, пара выцветших билетов в оперу, детский деревянный паровозик – напоминания о давно

ушедших временах.

– Мне жаль, – вздохнула Лилиан. – Я надеялась, что вы сможете найти здесь что-нибудь важное.

Она повернулась к двери, но в эту минуту мое внимание привлек какой-то предмет.

– Подождите, – остановила ее я, разглядев в полутьме очертания какого-то темного прямоугольного предмета. Я опустилась на колени, протянула руку, и мои пальцы коснулись какого-то кожаного предмета. Я нащупала ручку и застежку. – Здесь может находиться старый портфель?

Лилиан прищурилась, пытаясь рассмотреть предмет.

– В общем, да, – ответила она. – Отец каждый день ходил с ним на работу.

Я вышла следом за ней в библиотеку и, дрожа от нетерпения, открыла портфель. Внутри лежала стопка документов, перевязанная бечевкой, такая же аккуратная, как и в тот день, когда ее положили в портфель. Я потянула за узел, но он не поддавался, поэтому я попыталась просто вытащить документы, но порезала палец бумагой.

– Ой! – воскликнула я и затрясла рукой.

Я повторила попытку, и на этот раз у меня получилось. Лилиан нагнулась ко мне, когда я разложила бумаги веером. Стопка была толщиной не меньше пяти сантиметров. Я изумленно покачала головой, прочитав слова на первой странице: «Показания Степана В. Иванова».

– Боже мой, – ахнула я, – мы нашли!

Лилиан присела на мягкую скамью у двери. Для женщины ее возраста потрясение оказалось слишком сильным, и я встревожилась.

– Это те самые документы, которые вы искали?

– Да. – Я проглядела первую страницу и кивнула. – Судя по всему, ваш отец защищал человека, которого подозревали в убийстве Веры Рэй, матери того самого мальчика, который пропал в 1933 году.

Лицо Лилиан стало серым.

– Не могу в это поверить, – сказала она. – Я не понимаю, почему отец решил спрятать эти документы в тайнике.

Я посмотрела на Лилиан.

– Думаю, за этой историей кроется намного больше, чем все думали, и, возможно, ваш отец знал об этом. Может быть, он хотел отыскать правду, – я снова посмотрела на миссис Шарп. – Вы случайно не помните, может быть, какое-то дело привлекало внимание вашего отца больше других?

– Нет, – ответила Лилиан, – к старости у него развилось слабоумие. Печально, но из-за его болезни мы потеряли много лет. Возможно, и были

какие-то дела, над которыми он работал особенно тщательно... Определенно, он не стал бы прятать документы в тайнике за стеной, если бы не считал их очень важными.

У моего деда тоже было слабоумие. Бабушка заметила это, когда он начал ставить коробки с крупой в холодильник. Отец Лилиан мог просто спрятать бумаги без всякой видимой причины, или он понимал, что его разум слабеет, и пытался сохранить их, чтобы никто не смог уничтожить ту правду, которая в них содержалась. Воздух в комнате как будто сгустился, стало страшно. Я убрала бумаги обратно в портфель и встала.

– Вы не будете возражать, если я возьму документы с собой и просмотрю их в офисе? Разумеется, я вам их обязательно верну. И обещаю, что с ними ничего не случится.

– Да, конечно, дорогая, – сказала Лилиан. – Если вы чувствуете в себе силы вытащить правду на свет божий, возьмите их. Мой отец был бы рад узнать, что они в хороших руках.

Мы вышли на лестницу, и я оглянулась через плечо, чувствуя непреодолимое желание убежать, как можно скорее оставить этот дом, но я шла спокойно и медленно.

Когда мы оказались на улице, где щебетали птицы и светило солнце, я с облегчением вздохнула.

– Подвезти вас обратно в город, дорогая? – предложила Лилиан, подходя к машине.

– Это было бы чудесно, спасибо, – ответила я, открывая пассажирскую дверцу «Вольво». Я решила посмотреть на дом в последний раз, внимательно изучила окна спален на верхнем этаже. Следил ли кто-нибудь за нами? Глупости, сказала я самой себе. Когда Лилиан выезжала на дорогу, я крепко прижала к себе портфель, понимая, что в мои руки попало нечто очень важное. И я должна была выяснить, что именно.

* * *

Я как раз усаживалась за рабочий стол в офисе, когда мой телефон зазвонил. Я раздраженно нажала на кнопку. Больше всего мне хотелось сейчас изучить содержимое портфеля.

– Клэр? – прозвучал далекий голос Этана. – Дорогая!

Мое сердце смягчилось, но я продолжала молчать.

– Я сначала позвонил на домашний телефон. Не думал, что найду тебя в офисе в воскресенье.

– Я работаю над материалом, – сказала я.

– Я скучаю по тебе.

Он получил мое голосовое сообщение.

– Я тоже по тебе скучаю, – ответила я, усилием воли прогоняя ревность и гнев, разъедавшие мое сердце. Мне хотелось спросить, что он делает в Портленде и почему он отправился туда с Кассандрой, но я удержалась от расспросов.

– Вчера я целый день проводил собеседования с кандидатами на обучение в Школе Гильдии журналистов, – сообщил Этан. – Устал жутко.

– О, – я почувствовала облегчение, – а я думала, ты...

– Я возвращаюсь сегодня вечером на поезде. Мне бы хотелось с тобой поужинать.

Мои глаза засияли.

– Правда?

– Да. То есть если ты тоже этого хочешь.

– Хочу.

– В семь часов, в «Розовой двери»?

– Да, – ответила я, – буду тебя ждать.

Закончив разговор, я снова сосредоточила все свое внимание на портфеле. Отец Лилиан каждый день ходил с ним на работу, это несомненно. У меня было такое чувство, будто я заглядываю в старый чемоданчик доктора. Вы не можете достать оттуда стетоскоп и не вспомнить о враче, который выслушал им сотни сердец. Да, я остро ощущала присутствие отца Лилиан. Внутри этого портфеля меня ждали секреты, и я думаю, что он хотел, чтобы я их обнаружила.

Глава 17

Вера

Лон проспал до полудня. Я смотрела на часы, тикающие у него над головой, молясь, чтобы он проснулся рано и сразу позвонил, как он обещал, чтобы начались поиски Дэниела. Люди слушали Лона. Он обладал властью.

Когда он открыл глаза, я, выпрямившись, сидела в кресле. Лон протянул ко мне руку и жестом велел подойти. Эта рука уничтожила меня прошлой ночью. Я почувствовала приступ тошноты.

– Иди сюда, куколка, – позвал меня Лон, протирая глаза. – Иди и ложись рядом.

– Лон, – я постаралась говорить как можно вкрадчивее, – ты обещал, что поможешь мне найти сына. – Я была очень терпеливой.

– Конечно, красотка, – он зевнул, – но я не встаю с постели без завтрака и... – Лон подмигнул мне, – без секса.

Я покачала головой.

– Нет, – твердо сказала я, – ты обещал.

Лон сел. Игривость уступила место гневу.

– Кто ты такая, что позволяешь себе отдавать мне приказы?

У меня затряслись руки.

– Я, я...

– Ты что, в самом деле думаешь, что мне есть дело до твоего сына? – поинтересовался он со зловещим смехом. – Ради бога, неужели ты не понимаешь, что его уже нет в живых? Прошло столько дней!

Лон взял бутылку шампанского с прикроватного столика и сделал глоток.

У меня было такое ощущение, как будто я покинула свое тело и смотрю на разворачивающуюся в апартаментах сцену со стороны. Губы Лона шевелились, насмехались надо мной. А я все сидела на стуле, застывшая, испуганная, впервые в жизни чувствуя себя абсолютно беспомощной.

Лон встал с постели. Я отвела взгляд, чтобы не видеть его нагого тела.

– А теперь, куколка, если ты понимаешь, что для тебя лучше, – рывкнул он, делая шаг по направлению ко мне, – то ты забудешь все эти глупости о том, чтобы найти сына, и ляжешь со мной в постель!

Боже мой, мне надо выбраться отсюда.

Я посмотрела на дверь. Пожалуй, я могла бы добежать до нее раньше, чем он меня схватит. Лон не станет гнаться за мной по коридору голышом. Я могла бы спастись.

– Куколка, – повторил он, уцепившись за край моего платья.

Я вырвалась, ткань треснула, пола платья повисла сбоку, открыв корсет.

– Не называй меня куколкой! – выкрикнула я и бросилась к двери.

Я чувствовала, как его гневный взгляд прожигал огнем мою спину. Мне надо выбраться отсюда. Я споткнулась о ковер и потеряла туфлю. У меня не было времени, чтобы подобрать ее, я повернула ручку, распахнула дверь и выбежала в коридор с такой скоростью, что сама удивилась.

– Не смей уходить от меня, ты, шлюха! – заорал Лон. – Вернись немедленно!

Его голос эхом отозвался в коридоре. Бежит ли он за мной? Я не стала оборачиваться, чтобы проверить. Беги, Вера, беги! Я хорошо знала отель, все его закоулки, все мышинные норы. Впереди был шкаф, в котором горничные хранили инвентарь. Там он точно не станет меня искать. Я открыла маленькую дверцу рядом с апартаментами «Ренье» и забилась в шкаф. Голос Лона смолк. В гулкой тишине слышался только стук моего сердца, колотившегося в груди. Со лба скатилась капелька пота и побежала по щеке. И тут я услышала шаги снаружи. Я затаила дыхание. Спустя мгновение ручка повернулась. Я схватила швабру. Если это Лон, то я его ударю.

Дверь со скрипом распахнулась. В коридоре стояла Гвен и заглядывала в шкаф.

– Господи, – ахнула она. – Ты едва не довела меня до сердечного приступа, Вера Рэй.

Никогда еще я не была так рада увидеть лицо подруги. Я начала плакать и уже не могла остановиться.

– Милая ты моя, давай-ка выбирайся отсюда, – прошептала Гвен.

Она открыла ключом апартаменты «Ренье», и мы поспешили войти внутрь.

– Вера, – с ужасом произнесла Гвен, рассматривая мое разорванное платье, куда более модное, чем те, что я обычно носила, и залитые слезами щеки, – что с тобой случилось?

– Я совершила ужасную ошибку, придя сюда с ним.

– Ты говоришь о Лоне?

Я закусила губу.

– Ты знаешь?

Гвен кивнула и протянула мне белоснежный отглаженный носовой платок, взяв его с серебряного подноса у кровати.

– Ты же помнишь, как горничные сплетничают.

Я высморкалась.

– Даже представить не могу, что ты обо мне думаешь, Гвен.

– Я думаю, что ты хорошая мать. – Она поджала губы. – И еще я думаю, что отель обязан вышвырнуть этого монстра вон за то, что он так обращается с женщинами.

Я глубоко вдохнула.

– Лон Эдвардс пообещал мне помочь найти Дэниела. И я ему поверила.

– Не мужик, а крыса, вот кто он, – сердито сказала Гвен. – Сьюзи он просто выгнал, когда узнал, что она ждет от него ребенка. Презренный тип.

Я кивнула.

– Я это понимала. Но я думала только о том, чтобы найти Дэниела.

– Дорогая, не вини себя. Ты сделала то, что должна была сделать.

Я обреченно вздохнула.

– У меня ничего не получилось.

Гвен покачала головой.

– Не надо так говорить. Ты сделала то, что должна была сделать, – с нажимом повторила она.

Я присела на большую пышную кровать и положила голову на спинку в изголовье.

– Посмотри на меня, – сказала я, – пачкаю комнату, из-за меня тебе придется снова здесь убираться.

– Ничего подобного, – парировала Гвен. – И потом, этот номер свободен сегодня вечером. Да и у Эстеллы сегодня выходной. Так что оставайся здесь сколько захочешь. Я попрошу Брюса принести тебе поесть. Ты просто кожа да кости.

Я посмотрела на свои руки, бледные, худые, со свежим синяком, разливающимся на правом запястье.

– Только если это не слишком хлопотно, – сказала я. – Не хочу никого обременять.

– Ни о чем не беспокойся. А теперь отдыхай. Ты в безопасности. Здесь он тебя не найдет. Представь на какое-то время, что ты гостя в отеле. Поспи. Я бы на твоём месте так и сделала, дорогая.

Я посмотрела на кровать, такую роскошную и теплую. Прошлой ночью я ни на секунду не сомкнула глаз. Да и как я могла спать, когда рядом со мной храпел настоящий монстр.

– Спасибо, Гвен. – Я опустила тяжелую голову на подушку и прикрыла глаза. Только несколько минут. А потом я уйду. Уйду отсюда и найду моего сына. Стоило мне только закрыть глаза, как я сразу же увидела своего Дэниела.

* * *

Когда я проснулась, было уже половина девятого. Как я могла так долго спать? Я быстро села, пригладила платье. Убегая из апартаментов Лона, я не взяла жакет. Потом подошла к зеркалу и долго смотрела на свое отражение. Мне было стыдно видеть полураздетую женщину. Но у меня не было времени на переживания. Я посмотрела на небо за окном. По нему бежали темные облака. Мне надо выбраться отсюда.

Я осторожно вышла в коридор, стараясь передвигаться как можно тише, кожей ощущая скрип каждой половицы под моими ногами. За каждым поворотом я боялась встретить Лона. Может, он до сих пор ищет меня? Я дошла до лифта, нажала кнопку вызова. Я молилась о том, чтобы он пришел быстрее. Из коридора донеслись тяжелые шаги, и мое сердце бешено застучало. Но спустя несколько мгновений мимо меня прошла пожилая пара. Мужчина вежливо коснулся пальцами края шляпы, и я с облегчением кивнула ему. Когда двери лифта открылись, я шмыгнула в кабину и не дышала до тех пор, пока они снова не закрылись. Пока в безопасности. Лифт доставил меня в вестибюль. Я опустила голову, стараясь держаться как можно незаметнее. Когда я все-таки подняла глаза, то увидела мужчину, показавшегося мне знакомым. Сначала я не могла вспомнить, кто он, настолько он не соответствовал окружающей обстановке. Потом я сообразила, что это мистер Иванов, каменщик. Он держал в руках железный лапчатый лом и, как мне показалось, возился с камином в вестибюле. Он кивнул мне, но я даже не остановилась. Я ведь слышала, как он обошелся со своей женой. Да, он был добр к Дэниелу, но мне не хотелось общаться с человеком, который мог поднять руку на свою жену. Я смотрела прямо перед собой.

Как раз в ту минуту, когда я проходила через двойные двери, выходящие на улицу, я услышала, как меня окликают какой-то мужчина.

– Подождите!

Я оглянулась и увидела помощника Лона, который бежал к дверям, размахивая руками.

– Немедленно вернитесь, мисс Рэй! – крикнул он. – Вы не можете вот

так взять и сбежать. Мистер Эдвардс истратил целое состояние на ваш гардероб!

Я не обратила внимание на его крики, выскочила из отеля и бросилась бежать по улице. Сердце мое колотилось как сумасшедшее. Через четыре квартала я свернула в проулок и, задыхаясь, прислонилась к стене, спрятавшись за сложенными досками. Мимо меня пробежала крыса с загнутым хвостом и скрылась в темноте. Господи, куда же мне теперь идти? Вернуться к Кэролайн? Нет, я не могу... Так куда же? Темнело. Мне нужно было куда-то уйти с улицы, становилось небезопасно, подвыпившие мужчины потянулись из салунов. Я закрыла лицо руками. *Чарльз*. Сначала я прогнала эту мысль. Прошло слишком много лет. Я, вероятно, стала для него всего лишь далеким воспоминанием. Он ничего не знает о Дэниеле, и что он почувствует, когда выяснится, что я столько времени скрывала от него сына?

Я покачала головой. Когда-то Чарльз любил меня. И сейчас он мне не откажет. Но узнает ли он меня в той женщине, которой я стала? Я посмотрела на покрасневшие и потрескавшиеся руки, испорченные работой в отеле. Во мне не осталось ничего от девушки с сияющими глазами, которую он знал четыре года назад. Но, может быть, Чарльз увидит мою душу...

Я вздохнула, оттолкнулась от стены и вышла из проулка. Потом махнула рукой проезжавшему грузовику с бакалеей, и водитель остановился.

– Вы случайно не поедете мимо Уиндермира?

Водитель, пожилой, добродушный мужчина, улыбнулся так, будто пожалел меня.

– Нет, – сказал он, – но я могу туда заехать. Я везу продукты на север, так что могу забросить вас по пути.

Я посмотрела на переднее сиденье, заставленное коробками и ящиками.

– Вам придется ехать сзади, – пояснил водитель.

Я кивнула, обошла грузовик, забралась в кузов, отодвинула ящик, чтобы было побольше места. Автомобиль набирал скорость, а я нашла успокоение в мыслях о Чарльзе.

* * *

– Все, приехали, – водитель затормозил перед въездом в Уиндермир. –

Надеюсь, вы найдете то, что вы ищете, мисс. – Он отсалютовал мне, приложив пальцы к фуражке.

– Я тоже на это надеюсь, – ответила я. – И спасибо вам.

Редкие фонари слабо освещали пространство, а мои глаза устали. Наконец впереди показался дом Кенсингтонов. Я ускорила шаг, миновала ворота, прошла мимо фонтана. Я посмотрела на особняк, вспоминая тот день, когда Чарльз привез меня сюда. Он гордился мной. Он любил меня. Как бы все обернулось, если бы я осталась и пропустила мимо ушей предупреждение Джозефины? Дэниел мог бы...

Я вздрогнула, услышав шорох над головой. Это птица летела к озеру. Я отбросила страхи и продолжала идти к дому. Прошла мимо вазонов у крыльца. В них красовались недавно посаженные фиалки. Я тихонько постучала в дверь и замерла в ожидании. Потом постучала еще раз, громче, и услышала приближающиеся шаги. Дверь распахнулась, на пороге стоял Чарльз, точно такой, каким я его помнила. Та же теплая улыбка, те же добрые глаза.

– Вера? – воскликнул он, изумленно глядя на меня. – Я... я... Джозефина сказала, что ты...

– Здравствуй, Чарльз, – негромко ответила я, подняла руку и коснулась его щеки. – Я так по тебе скучала...

Я пожалела, что не причесалась. И не одолжила у Гвен помаду. Но то, как я выглядела, не имело никакого значения. Имел значение только Дэниел.

– Чарльз, – продолжала я, – прости меня за то, что я вот так явилась к тебе, за то...

– Нет. – Он тепло улыбнулся мне. – Прощу тебя, не извиняйся. Я могу тебе помочь? – Он посмотрел на мою левую ногу, на которой не было туфли, через дырки на чулке высывались пальцы. – С тобой случилась беда?

– Да. – Мне были ненавистны нотки отчаяния в моем голосе, но я не могла их скрыть. – Я понимаю, что это прозвучит ужасно. Мне давно следовало сказать тебе...

За спиной Чарльза раздались женские голоса, и через несколько мгновений рядом с ним уже стояли две женщины, Джозефина и незнакомая мне блондинка. Она взяла Чарльза под руку. На ее левой руке сверкнуло кольцо с бриллиантом.

– Чарли, милый, кто это?

Я отступила назад.

– Вернулась, значит? – бросила Джозефина. – Я знала, что так и

будет. – Она обернулась к брату. – Милостыню просит!

– Джозефина, прекрати! – крикнул Чарльз. – Вера здесь потому, что ей нужна помощь. – Он снова посмотрел на меня, его глаза расширились. – Что случилось, Вера?

– Она придумает что угодно, лишь бы получить то, что ей нужно, – не унималась Джозефина. – А нужны ей твои деньги.

Я покачала головой.

– Нет, пожалуйста, не надо так. Я здесь потому, что произошло нечто ужасное. Мой маленький сын пропал.

Чарльз открыл рот.

Джозефина подняла руку.

– Не слушай ее! Она тебя не стоит. Вчера вечером мама видела ее в отеле под руку с Лоном Эдвардсом.

Лон пользовался плохой репутацией, и я не могла отрицать, что была с ним.

– Да, – прошептала я, – но...

– Разговор окончен, мисс Рэй, – заявила Джозефина и попыталась закрыть дверь, но Чарльз отстранил ее.

– Хватит, Джозефина! – рявкнул он. Повернувшись к другой женщине, Чарльз сочувственно улыбнулся. – Элейн, прости меня, но я хотел бы поговорить с мисс Рэй наедине.

Блондинка отпрянула назад, словно ее ударили.

– Что ж, если ты должен... Но не задерживайся, дорогой. Ты опоздаешь на ужин.

Чарльз вышел на крыльцо и указал на каменную скамью слева.

– Не хочешь присесть?

Я кивнула, и он сел рядом со мной. Его руки нервно вздрогнули, когда он встретился со мной взглядом.

– Бог мой, Вера, я не думал, что когда-нибудь снова увижу тебя.

Я отвернулась. Мне невыносимо было смотреть в глаза, которые я любила, до сих пор любила.

– Знаешь, ты разбила мне сердце, – признался Чарльз, поглядев на дом, потом снова на меня. – Я хотел прожить с тобой всю жизнь.

От этих слов у меня защемило в груди.

– Ох, Чарльз, – я повернулась к нему, – я не должна была тогда уходить от тебя. Но ты поверишь мне, если я скажу, что ушла, потому что любила тебя?

Его глаза сузились.

– Я не понимаю.

– Джозефина сказала мне, что твои родители лишат тебя семейного состояния, – продолжала я.

Чарльз покачал головой.

– Ну и что? – Он вздохнул и закрыл лицо руками. – Неужели ты так плохо знала меня, что могла подумать, будто я предпочту любви деньги?

– Нет... нет... – пробормотала я. – Я не хотела быть причиной твоей несостоятельности... – я замолчала, обводя взглядом обширную территорию, и мои глаза остановились на фонтане, – все это.

Чарльз смотрел прямо перед собой.

– Я бы предпочел, чтобы ты позволила мне самому принимать решение.

Я положила руку ему на локоть, но он напрягся и отстранился от меня.

– Теперь я женат, Вера, – сказал Чарльз. – Мою жену зовут Элейн. Она хорошая женщина. Мы ждем первенца. Это только что выяснилось.

Слова эхом отозвались в ночи, напугав меня.

– Да, – я встала, – да, разумеется. Я поступила ужасно глупо, что пришла сюда.

Чарльз тоже встал.

– Подожди, Вера. Тебе угрожает опасность? Если тебе нужно где-то переждать, то Грета приготовит для тебя комнату.

Я покачала головой.

– Нет.

Что подумает Элейн? Чарльз только что создал семью, настоящую семью, с подходящей женой. Как я могу сейчас сказать ему о Дэниеле?

– Мое пребывание в этом доме доставит тебе одни неприятности, – сказала я. – Все будет хорошо.

– Ты уверена?

Я видела в его глазах любовь и желание. Он притягивал меня, словно магнит. Больше всего на свете мне хотелось найти утешение в его объятиях, рассказать о нашем сыне. И чтобы Чарльз помог мне его найти.

Я открыла было рот, но тут отворилась дверь. На крыльцо вышла Элейн со сложенными на груди руками, ее лицо выражало явное нетерпение.

– Чарльз, дорогой, ужин уже подали. Твой суп остынет.

– Прощай, Чарльз. – Я начала спускаться по ступенькам на дорожку, засыпанную гравием.

– Вера, подожди, я...

– Прощай, – повторила я, исчезая в темноте. Я обернулась только раз и с болью в сердце увидела, как Элейн по-хозяйски берет Чарльза под руку.

Он поцеловал ее в щеку и повел в дом.

Рукавом я вытерла слезы. Над головой сияла луна, молчаливая свидетельница моего горя. Куда мне теперь идти? Что делать? Я, спотыкаясь, побрела по тротуару, глядя на озеро. Стрекотали кузнечики, тихие волны накатывались на болотистый берег. Я вспомнила, что Чарльз рассказывал мне о кувшинках, о том, какие они особенные, как будто не из этого мира. Мне захотелось увидеть их снова, посмотреть, как они покачиваются на воде в лунном свете. Дэниелу они бы понравились. Он был бы таким же нежным, как Чарльз в детстве, когда он опускал руку в воду и легко касался их лепестков. Он бы оценил их красоту, как и его отец.

С камнем на сердце я направилась к озеру.

Глава 18

Клэр

Я достала документы из портфеля. Они сохранили запах тайника за стеной в доме Лилиан: дым сигар, плесень, легкая примесь старой кожи. Первая страница подтверждала тот факт, что отец Лилиан, Эдвард Шарп, действительно представлял интересы Степана В. Иванова в деле об убийстве Веры Рэй. Следующие несколько страниц были заполнены юридическим сленгом и различными ходатайствами, смысла которых я не поняла. Но под этими страницами оказалось именно то, чего я ждала. Это были отпечатанные на машинке показания мистера Иванова. Я вздрогнула, представив, что может быть написано на этих пожелтевших листах. Признание вины? Страшные детали смерти Веры? Я начала читать:

Э.Р. Шарп: М-р Иванов, назовите, пожалуйста, для протокола вашу фамилию и адрес.

С.В. Иванов: Степан В. Иванов, дом 4695, Пятая авеню.

Шарп: Вы заявили о том, что не виновны в убийстве мисс Веры Рэй. Это верно?

Иванов: Да, сэр.

Шарп: Расскажите, пожалуйста, о вашем знакомстве с мисс Рэй.

Иванов: Я знал ее около четырех лет.

Шарп: Когда вы впервые встретились?

Иванов: Мы когда-то жили в одном доме. Она снимала квартиру этажом ниже. Но мы познакомились не там. Я выполнял кое-какую работу в Уиндермире. Увидел, что она идет по обочине дороги. По ее виду было понятно, что она нуждается в помощи.

Шарп: И что же вы сделали?

Иванов: Я остановил грузовик. Спросил, не подвезти ли ее. Она спросила, смогу ли я довезти ее до ее квартиры в Сиэтле. Только тогда я понял, что она живет в том же доме, что и я.

Шарп: М-р Иванов, обвинение настаивает на том, что мисс Рэй была женщиной сомнительных моральных качеств. Ее даже называют проституткой. Вы согласны с этим?

Иванов: Нет, сэр. Она была достойной женщиной. Хорошей матерью. Она просто пыталась свести концы с концами, как и все мы.

Шарп: Когда вы везли ее в город, было ли между вами что-то выходящее за рамки приличий или, я бы даже сказал, интимное?

Иванов: Нет, сэр. Я женатый человек, сэр.

Шарп: О чем вы говорили по дороге в Сиэтл?

Иванов: Она сказала, что ей пришлось принять очень непростое решение. Какие-то проблемы в отношениях, кажется, так. Я ее особо не расспрашивал. Ей явно не хотелось много разговаривать. Но она

кое-что сказала об одной леди из того дома, в котором она была. Та к ней плохо отнеслась. Мы оба сошлись на том, что богатые люди иногда бывают злыми, как сам дьявол.

Шарп: То есть у вас сложилось впечатление, что кто-то плохо отнесся к мисс Рэй в Уиндермире, где она была в гостях?

Иванов: Да, сэр. Она была потрясена. Сразу было видно, что она плакала. Мне было ее жаль.

Шарп: Хорошо. Итак, вы высадили ее возле дома и все?

Иванов: Да, сэр. После этого я видел ее только мельком. Я касался пальцами фуражки, приветствуя ее. Однажды я поставил на место выпавший кирпич в ее камине.

Шарп: Почему вы ей помогли?

Иванов: Хозяин был настоящим тираном. Заставлял жильцов самих оплачивать ремонт. Я помогал всем, кому только мог. После бурана ветка от вишневого дерева разбила одно из окон в квартире старой леди. Ей нечем было заплатить стекольщику. Поэтому приходилось жить без стекла. У меня в грузовике были обрезки досок, и я забил это окно. В ее квартире холодно, как в леднике.

Шарп: Звучит так, будто вы были неофициальным мастером по ремонту в этом доме.

Иванов: Можно и так сказать. Кто-то же должен был помогать этим бедным людям. Я старался хоть немного облегчить им жизнь.

Шарп: Когда вы ремонтировали камин мисс Рэй, пытались ли она так или иначе предложить вам себя?

Иванов: Господи, нет конечно. Как я уже сказал, она была достойной женщиной. И потом, когда я чинил ей камин, у нее только что родился малыш. Сначала я удивился. Я даже не знал, что она была в положении. Она была такой худенькой. Трудно было поверить, что она носила ребенка. И потом, я никогда не видел, чтобы в ее квартиру заходил мужчина. Ни разу. Но это было не мое дело. Я ни о чем не спрашивал. Она любила своего малыша. Все время ворковала над ним, пока я работал.

Шарп: Она сказала вам, как зовут ребенка?

Иванов: Да, сэр. Она называла его Дэниел.

Шарп: Оплачивала ли она ваши услуги?

Иванов: Нет, сэр. Она пыталась отдать мне несколько последних монет из кошелька, но я их не взял. Тогда она предложила мне кусок хлеба. Это было мило. Моя жена болела и уже несколько недель не пекла хлеб.

Шарп: Могли бы мы кое-что прояснить для протокола прямо сейчас? Вас ведь арестовывали за то, что вы ударили свою жену в состоянии опьянения? Вы можете объяснить, что произошло?

Иванов: Я, правда, выпил больше, чем следовало. Но я бы никогда не ударил мою жену или любую другую женщину, если уж на то пошло.

Шарп: Так что же произошло в тот вечер, когда ваша жена была избита?

Иванов: Я был в салуне по соседству. День был долгим. Мне не хватило обычной кружки эля. Моя жена спустилась за мной, чтобы отвести домой. Одному из мужчин возле бара не понравилось, что в салун пришла женщина. И он обругал ее.

Шарп: Что именно он сказал?

Иванов: Он назвал ее уродиной. Он указал на ее пальцы и сказал, что они жирные, как сардельки. Она заплакала. Я не мог ему позволить так разговаривать с моей женой. Поэтому я встал, чтобы сказать, что я о нем думаю, а он ударил меня кулаком прямо в челюсть. В тот вечер я лишился зуба.

Шарп: Не могли бы вы встать и показать суду, какой именно зуб вы потеряли?

Иванов: Конечно, могу. Вот этот, тут, справа. Он вылетел как пробка. Взял и вылетел. Я так его и не нашел.

Шарп: М-р Иванов, можете ли вы рассказать, что случилось в тот вечер с вашей женой? Почему ее увезли в больницу?

Иванов: Она пыталась нас разнять, и этот мерзавец ударил ее. Она очень сильно пострадала.

Шарп: Значит, вы не били вашу жену?

Иванов: Нет, сэр. В салун приехала полиция, и кто-то сказал им, что это сделал я. Думаю, они решили, что лучше арестовать иммигранта. Меня отвезли в участок. Это была ужасная ошибка.

Шарп: Насколько я понимаю, ваша жена пришла в полицию на следующий день, чтобы заявить о вашей невиновности. Почему полицейские не приняли во внимание ее показания?

Иванов: Коррупция, я так думаю. Они отправили за решетку невиновного человека и не стали слушать никаких доводов, даже факты не помогли. Моя репутация была уничтожена. Не понимаю я эту страну. Вот в России люди честные.

Шарп: Позвольте мне показать заявление, подписанное миссис Арианной Ивановой. В нем она утверждает, что ее муж Степан Иванов не бил ее вечером 7 мая 1933 года. А теперь, м-р Иванов, давайте поговорим о той ночи, когда умерла мисс Рэй.

Иванов: Ну, я знал, что ей несладко приходится, она не могла заплатить за квартиру и все такое. Я слышал, что ее сын пропал. Я очень переживал. Он был хорошим мальчиком. Напоминал мне моего сына.

Шарп: М-р Иванов, вы имеете какое-нибудь отношение к исчезновению Дэниела Рэя?

Иванов: Нет, сэр.

Шарп: Пожалуйста, расскажите мне о ваших встречах с мисс Рэй на неделе, предшествовавшей ее смерти.

Иванов: Сэр, я помню, что в день снежного бурана был в салуне. Я видел, как она вернулась домой с работы, как обычно, и вскоре после этого сбежала вниз по ступенькам, зовя своего малыша. Я понял, что случилось что-то ужасное.

Шарп: Вы пытались ей помочь?

Иванов: Да, сэр. Я вышел на улицу, но она уже убежала.

Шарп: Когда вы увидели ее в следующий раз?

Иванов: Примерно неделю спустя. Снег растаял, я это помню. Я работал в отеле «Олимпик». Видел ее там принаряженную под руку с богатым мужчиной. Я ее сначала и не узнал. Она увидела меня и отвернулась. Думаю, ей было стыдно.

Шарп: Почему вы думаете, что ей было стыдно? Что, по-вашему,

она делала в отеле?

Иванов: Ради любимых людей мы способны сделать что угодно. Я не виню ее за то, что она пыталась получить помощь от влиятельного человека. Ведь ей нужно было найти сына.

Шарп: Обвинение охарактеризовало мисс Рэй как обычную проститутку, как женщину сомнительных моральных качеств, которая пренебрегла сыном, чтобы заработать больше денег. Обвинение также предположило, что вы платили мисс Рэй за такие услуги и что вы виновны в ее смерти. Что вы ответите на эти обвинения?

Иванов: Это все ложь. Неправда. Мисс Рэй не была ни плохой матерью, ни проституткой. Она любила своего сына так же, как моя Арианна любит нашего ребенка. Мисс Рэй была преданной матерью. И я могу сказать вам, сэр, что она не была девушкой по вызову.

Шарп: На чем основано ваше утверждение?

Иванов: Достаточно было посмотреть ей в глаза, когда она была с тем мужчиной в отеле. Он был ей неприятен. Это любой бы заметил. Она выглядела такой печальной, такой потерянной... Мне бы очень хотелось помочь ей.

Шарп: Теперь давайте поговорим о той ночи, когда она была убита.

Иванов: Я закончил работу в отеле и складывал инструменты в грузовик, когда увидел, что она выбегает из отеля. Выглядела она неважно. Платье было разорвано. Волосы растрепаны. Она плакала. Казалось, будто она от кого-то убегает. Я попытался привлечь ее внимание, но она бежала слишком быстро. Я уложил все вещи в кузов и обвел взглядом Четвертую авеню. И тут я увидел, как она забирается в кузов грузовика с бакалеей. Она села между ящиками с крупами и хлебом. Я поехал следом. Хотел убедиться, что с ней все в порядке. Водитель высадил ее на шикарной улице в Уиндермире, недалеко от того места, где я увидел ее впервые несколько лет назад. Я остановил грузовик на обочине. Я не хотел вмешиваться и остался ждать.

Шарп: Как долго вы ждали?

Иванов: О, не меньше двадцати минут. Я подумал, что если она надумает возвращаться в город, то я смогу подвезти ее. Может быть, мы с женой сможем ей помочь. Арианна могла бы ее накормить и уложить спать на диване.

Шарп: Значит, вы беспокоились о ее безопасности?

Иванов: Да, сэр. И, как я уже сказал, когда она не вернулась через двадцать минут, я решил пойти за ней. Думаю, это был инстинктивный поступок. Я чувствовал, что она в опасности.

Шарп: Вы оставили грузовик на улице и прошли по дороге, которая ведет в резиденцию Кенсингтонов?

Я оторвалась от чтения и ахнула. Господи! Кенсингтоны?

Иванов: Именно так, сэр. Я прошел по усыпанной гравием дорожке, мимо фонтана и живой изгороди, заглянул через окно в дом. Я ничего не увидел, поэтому обошел здание и вышел на лужайку за домом. Это

был самый шикарный дом из тех, что мне доводилось видеть. Я не мог понять, что Вера там делает.

Шарп: Что вы увидели, когда вышли на лужайку?

Иванов: Сначала ничего. Только большую лужайку, спускавшуюся к озеру Вашингтон. Солнце село, опустились сумерки. Я уже собирался повернуть назад, когда кое-что услышал.

Шарп: Что именно?

Иванов: Я сначала решил, что это какой-то зверь. Звук был такой высокий, такой пронзительный. Но потом я услышал его снова и все понял. Это женщина звала на помощь. Она была ужасно напугана или, может быть, ранена.

Шарп: Что вы сделали потом?

Иванов: Я попытался сообразить, откуда доносится крик. Тут я заметил какое-то движение возле причала. Сначала только тень. Я нырнул за дерево, и я увидел ее.

Шарп: Веру?

Иванов: Нет, другую женщину. Она бежала от озера к дому.

Шарп: Вы смогли ее рассмотреть?

Иванов: Лицо было трудно разглядеть, но у нее были темные волосы. Пожалуй, она была высокой.

Шарп: И она вошла в резиденцию?

Иванов: Да, сэр. Но кому-то на озере явно была нужна помощь. Я бросился бежать, но крики неожиданно прекратились. Я, я...

Шарп: М-р Иванов, с вами все в порядке? Мы можем продолжать?

Иванов: Я постараюсь, сэр.

Шарп: Что вы увидели, когда оказались у озера?

Иванов: Боже милостивый, это было ужасно. Я пробежал по причалу и увидел, что она плавает в воде. Она потеряла свою туфельку...

Шарп: Вы увидели в воде мисс Рэй?

Иванов: Да, сэр. Она была в озере рядом с маленькой гребной шлюпкой, которая тонула. Должно быть, в ней была пробоина. Я попытался дотянуться до мисс Рэй с причала, но она была слишком далеко. Я бы бросился за ней в воду, но я не умею плавать. И потом, я думаю, что было уже поздно. Ее лицо скрылось под водой. Но было заметно, что глаза открыты... Это самое ужасное, что я видел за всю свою жизнь.

Шарп: Что вы сделали потом?

Иванов: Мне невыносима была мысль о том, чтобы оставить ее одну, в этой холодной воде. Но я знал, что если меня арестуют, то вся вина ляжет на меня. Полиция никогда не поверит русскому иммигранту. Они повесят на меня преступление, как в прошлый раз. Я не мог так рисковать.

Шарп: И вы ушли?

Иванов: Да. Она выглядела такой спокойной, там, в озере, рядом с кувшинками. И потом, ее душа уже отлетела в лучший мир. Это совершенно точно.

Шарп: И что вы сделали дальше?

Иванов: Я пошел по лужайке обратно. Мне не хотелось, чтобы меня кто-то видел. Богатым стоило только взглянуть на меня, как они сразу решили бы, что я опасен. Но тут послышались шаги,

доносившиеся из дома.

Шарп: Что вы услышали?

Иванов: Какая-то женщина истерически рыдала, а мужчина на нее кричал.

Шарп: Вы смогли разобрать, о чем они говорили?

Иванов: Нет. Но я спрятался за живой изгородью и видел, как мужчина побежал к озеру.

Шарп: М-р Иванов, вы знаете, как зовут этого мужчину?

Иванов: Нет, сэр. Но если бы вы меня спросили, то я бы вам сказал, что он любил мисс Рэй. Он упал на колени на причале и расплакался. Потом снял рубашку, у него был такой вид, будто он готов последовать за ней, но тут прибежала женщина и оттащила его.

Шарп: И вы пошли к своему грузовику?

Иванов: Да, сэр. Мне нужно было пройти мимо дома. Ночь была теплой, в комнатах наверху окна были раскрыты настежь. Я услышал, что в доме плачет ребенок. Мальчик.

Шарп: И вы подумали, это мог быть сын мисс Рэй?

Иванов: Да, сэр, так я и подумал. Когда вернулся в город, то позвонил в полицию. Я сказал им, что в резиденции Кенсингтонов в Уиндермире совершено преступление и что, по моему мнению, ребенок Веры Рэй, вполне вероятно, находится там.

Шарп: М-р Иванов, что вам ответил офицер в участке?

Иванов: Он ответил, что они не будут разбираться с этой информацией.

Шарп: Почему же?

Иванов: Офицер сказал, что Кенсингтоны – одни из самых высокопоставленных жителей в городе.

Шарп: Прошу отметить в протоколе, что у нас на руках есть документ из городского полицейского управления, подтверждающий тот факт, что м-р Иванов действительно сообщил о преступлении. М-р Иванов, как вы думаете, что на самом деле случилось с мисс Рэй в тот вечер?

Иванов: Я думаю, что она приехала в тот дом за помощью, а ее выгнали. Та женщина, кем бы она ни была, заставила ее сесть в лодку, зная о пробоине. Она могла спасти мисс Рэй, она не сделала этого. Я надеюсь, что она будет наказана за то, что сделала.

Шарп: Спасибо, м-р Иванов. У меня больше нет вопросов.

С тяжелым сердцем я подняла глаза от последней страницы текста. История прояснилась. Семья моего мужа совершила одно из самых трагических преступлений в истории Сиэтла и тщательно скрывала это. Понятно, почему Эдвард Шарп так долго прятал эти документы. Мистер Иванов очень подробно рассказал обо всем, не упустив ни одной страшной детали.

Я перелистала оставшиеся страницы. Мне бросились в глаза строчки, написанные судмедэкспертом о личных вещах Веры:

«При мисс Рэй обнаружены: заколка для волос, универсальный

гостиничный ключ и браслет. Все передано мистеру Чарльзу Кенсингтону 13 июня 1933 года».

Отцом Дэниела был один из... Кенсингтонов.

Я должна была встретиться с Этаном через полчаса. Смогу ли я рассказать ему об этом? Я вспомнила о том, что в дом Лилиан кто-то проник, быстро убрала бумаги в портфель и задвинула его под свой стол. Там он будет в безопасности.

* * *

В ресторане Этан заказал бутылку мерло 2001 года из винодельни, которая нравилась нам обоим.

– По какому поводу? – спросила я, обратив внимание на то, что вино изготовлено в год нашей свадьбы.

– То, что мы ужинаем вместе, – это уже повод, – с улыбкой ответил Этан.

– Согласна. – Я пригубила вино.

– Эй, – Этан поднял свой бокал, – ты забыла чокнуться. Это плохая примета.

Наши бокалы соприкоснулись.

– Вот. Теперь хорошо.

Он улыбнулся.

– Как твои дела?

С общепринятой точки зрения, странно было мужу задавать такой вопрос своей жене, но мы настолько отдалились друг от друга, что такой вопрос был вполне закономерен.

– Бывало и лучше, – ответила я, глядя в меню. Я избегала смотреть в глаза Этану. Так было безопаснее. Мне хотелось спросить его о Кассандре, но не хватало духу. – Что посоветуешь заказать?

– Ягненок здесь фантастический, – с готовностью подсказал Этан. – С ячменем. Там такая нежная корочка...

Я захлопнула меню.

– С каких это пор ты стал гурманом? Ты никогда им не был. Ты гордился тем, что ты *антигурман*.

Этан ошеломленно смотрел на меня.

– Не делай вид, что не понимаешь, о чем я говорю. Ты проводишь слишком много времени с *ней*. Она к тебе буквально прилипла.

– Клэр, Кассандра только друг. И почему тебя оскорбляет тот факт, что

я наслаждаюсь едой?

Я вздохнула.

– Прости, – я отвела глаза в сторону. В ресторане было много пар, счастливых пар. Почему мы не можем быть счастливы? – Я не хотела на тебя нападать.

– Может быть, начнем сначала? – предложил Этан, откладывая меню в сторону.

– Да, нажмем на кнопку перезагрузки.

– Так о чем мы могли бы поговорить спокойно? О работе?

Я с опаской кивнула.

Он выпил немного вина и со вздохом откинулся на спинку стула.

– Над чем сейчас работаешь? Есть хорошая история?

– Видишь ли. – Я тоже сделала глоток вина и задумалась, стоит ли открывать ему секрет или нет. – Я работаю над довольно увлекательным материалом.

– Вот как?

– Это история о мальчике, который пропал в 1933 году, в тот самый день, когда на город обрушилась снежная буря, точно такая, как была у нас на прошлой неделе.

Этан взял кусок хлеба и макнул его в миску с оливковым маслом, стоявшую между нами.

– Ты выяснила, что с ним случилось?

– В общем и целом. Если я тебе скажу правду, это может тебя шокировать.

– Ну так испытай меня, – удивленно предложил он.

– Выяснилось, – медленно произнесла я, – что он – Кенсингтон.

Муж перестал жевать хлеб и торопливо проглотил его.

– Что ты имеешь в виду?

– Это долгая история, но суть в том, что у одного из твоих прадедушек был роман с бедной женщиной. Она забеременела, а три года спустя его сестра, как я полагаю, украла малыша. По крайней мере, я подозреваю, что все было именно так.

– Боже мой, – воскликнул Этан. – А как их звали?

Я посмотрела на Этана.

– Отцом мальчика был некий Чарльз Кенсингтон.

Этан покачал головой.

– Этого не может быть...

– Почему? Кто он такой?

– Господи, Клэр, это же мой прадедушка.

– Вот это да! История просто завораживающая, – продолжала я. – Полагаю, что у меня наконец появилась нужная информация, чтобы написать черновой материал.

Этан нахмурился.

– Думаю, ты не можешь об этом писать.

– Что ты имеешь в виду?

– Это разрушит репутацию семьи, газеты. Это убьет дедушку.

– Мне кажется, ты не прав, Этан, – сказала я. – Я знаю Уоррена. Он бы захотел вытащить правду на свет божий.

Муж положил салфетку на тарелку.

– Нет, мы не можем рисковать и причинять ему боль, ведь он тяжело болен.

– Ладно. К счастью, ты не мой босс, Этан.

– Ты права, – сухо заметил он. – Я босс твоего босса.

Я ахнула.

– Ты и в самом деле готов зарубить статью только потому, что в ней пойдет речь о скелетах в шкафу твоей семьи?

– Да, я именно это и сделаю.

Появился официант, но я жестом отослала его.

– Не я одна распутываю это дело. Хочу тебе сказать, что кто-то незаконно проник в дом Лилиан Шарп в Уиндермире. Ее отец участвовал в процессе, касающемся убийства матери мальчика. Кто-то перевернул все вверх дном, надеясь отыскать его архивы. В конце концов правда обязательно выйдет наружу.

– Но моя газета не будет заниматься разоблачением, – отрезал Этан, кладя банкноту в пятьдесят долларов на стол и протягивая руку за плащом.

* * *

Я не собиралась идти в кафе «Лаванто». Я сказала таксисту, чтобы он отвез меня домой, но когда машина остановилась у входа, я покачала головой.

– Нет, – решила я. – Планы изменились. Отвезите меня, пожалуйста, на Пятую авеню.

Я постучала, и Доминик открыл дверь кафе.

– Не возражаешь, если я войду? – спросила я.

– Прошу, – тепло пригласил он. В нескольких метрах от нас потрескивало в камине пламя. Из динамиков под потолком звучала

негромкая музыка. Доминик улыбнулся мне так, что я заволновалась. – Проходи, садись.

В кафе что-то изменилось, но что именно, я понять не могла. Около входной двери стояли картонные коробки. Что еще изменилось? Новая краска на стенах? Занавески? Я чувствовала себя слишком ошарашенной, чтобы сосредоточиться на деталях. Доминик взял бутылку вина и вытащил из кармана штопор.

– Вина?

Я пожала плечами.

– Почему бы и нет? Давай.

Я наблюдала, как он наполняет бокалы и протягивает мне один из них.

– За новое начало, – произнес он.

Я кивнула, и мы чокнулись. Но тут же, не сделав и глотка, я поставила бокал на стол.

– Почему ты заговорил о новом начале? Что ты имел в виду?

– Видишь ли, – Доминик обвел взглядом кафе, – есть кое-что, о чем мне, вероятно, следовало тебе рассказать, – он помолчал. – И мне надо было сделать это раньше, Клэр.

– О чем же?

– Я принял серьезное решение относительно моего бизнеса. Оно касается и этого места.

– Ты собираешься превратить помещение наверху в квартиру-студию, как хотел раньше? Расширить меню?

Он покачал головой.

– Нет, Клэр. Я решил продать кафе.

Я в изумлении открыла рот.

– Но... Но ты же говорил, что никогда этого не сделаешь. Ты говорил, что любишь это место, что не сможешь вынести, если вместо него построят очередной кондоминиум. Или я что-то путаю?

– Я действительно все это говорил, – подтвердил Доминик. – И я искренне так думал. Но вчера застройщик сделал мне предложение, от которого я не смогу отказаться. Он уже довольно давно пытался склонить меня к продаже, и я решительно отказывался. Но последнее предложение было настолько щедрым, что, учитывая мои обстоятельства, я понял, что было бы глупо его не принять. Послушай, Клэр, эти деньги изменят мою жизнь. Моя мать получит надлежащий уход, я смогу купить новое место и... – он нагнулся ближе ко мне, – обосноваться там.

– Нет, – я встала, – я не могу тебе поверить...

Я чувствовала, что у меня внутри все рушилось. Я знала, что у

Доминика финансовые проблемы, что ему нужно поддерживать мать, и все-таки я не могла даже подумать о том, что это здание, такое дорогое для меня, будет снесено.

– Эти стены столько всего помнят, – резко бросила я. – Как ты можешь оценить его историю в долларах?

– Прости, Клэр, – Доминик потупился. – Поверь мне, это решение принято от отчаяния. Мне бы очень хотелось, чтобы нашелся другой выход.

Я отодвинула бокал.

– Я больше не хочу вина.

– Клэр, – Доминик не сводил с меня глаз, – прошу тебя, скажи, что мое решение ничего не изменит... между нами.

Он осторожно погладил меня по щеке. Когда он привлек меня ближе, я закрыла глаза. Его объятия были теплыми, успокаивающими, но я отстранилась.

– Прости, Доминик, я должна идти.

Глава 19

На следующее утро я набрала знакомый номер.

– Уоррен, это Клэр.

– Привет, милая, – шепотом ответил старик.

– Почему вы шепчете?

– Медсестра думает, что я сплю.

– А почему ее должно волновать, спите вы или нет?

– Она сказала, что сделает мне укол, как только я проснусь.

– Укол!

– Да.

Я подавила смешок, но с сарказмом мне справиться не удалось.

– Нам шесть лет, верно?

– Очевидно, да, – хмыкнул Уоррен.

– Послушайте, – продолжала я, – если не считать страха перед шприцем, то хотелось бы знать, как вы себя чувствуете?

– Отлично, дорогая. Не знаю, почему они меня здесь держат. Доктор сказал, что сегодня ближе к вечеру я смогу поехать домой. Очень на это надеюсь. А как твои дела?

– У меня голова разрывается от мыслей, – ответила я. – Собственно, поэтому я вам и звоню.

Я замолчала, думая о приказе Гленды не беспокоить Уоррена моими «драмами». На экран компьютера села муха, прямо над первой строчкой моего очерка. Я смахнула ее, и она метнулась ко мне. Я снова отмахнулась от нее. Не стану я говорить Уоррену о статье, о связи этого дела с Кенсингтонами. И дело не в Гленде. Пока не время. Но спросить кое о чем я его могу.

– Уоррен, меня заинтересовала одна вещь, – начала я, думая о том, как бы сформулировать вопрос. *Будь деликатна.* – Мне захотелось познакомиться с фамильным деревом Кенсингтонов. Я вдруг поняла, что никогда не расспрашивала Этана о его предках, о многочисленных дядюшках и тетюшках. Мне бы хотелось больше узнать о семье Этана, о моей семье.

– Что ж, – вздохнул Уоррен, – Кенсингтоны были одними из первых, поселившихся в Сиэтле. Мы всегда играли очень значительную роль в жизни города.

– И тщеславия вам не занимать, – едко пошутила я.

– Клэр, ты истинная Кенсингтон.

Я усмехнулась.

– А кто были ваши родители? Не припомню, чтобы Этан называл мне их имена.

– Ах, да, – спохватился Уоррен. Он явно был рад совершить путешествие в прошлое. – Мою мать звали Элейн, отца – Чарльз.

Мое сердце заколотилось.

– Он был хорошим человеком и хорошим отцом, – продолжал Уоррен.

– А у вас были... братья?

– У меня была младшая сестра, но братьев не было, – ответил Уоррен. – Хотя нет, это не совсем так, у меня был двоюродный брат, правда, недолго. Сын тети Джозефины. Они приехали к нам в гости и остались погостить на какое-то время, потом он умер.

– Умер?

– Да, – со вздохом ответил Уоррен. – Упал со стремянки и разбил голову. Умер прямо там, на подъездной дорожке, посыпанной гравием. Я был рядом, когда это случилось. Джозефина винила в этом меня. Я был немного старше. Она сказала, что это я подбил его залезть на стремянку. Только я этого не делал. Я боялся даже ногу на нее поставить, а вот в том мальчишке совсем не было страха. Ему хотелось посмотреть на гнездо дрозда, поэтому-то он и полез на лестницу.

– Уоррен, а как его звали? – с замирающим сердцем спросила я.

– Томас. Но это не было его настоящим именем. Не помню, как его звали по-настоящему. Мы все называли его Томасом. Старый дом так и не стал прежним после его смерти. Тетя Джозефина не смогла оправиться от этого горя. Дети не должны умирать раньше своих матерей.

– Не должны, – согласилась я, открывая блокнот. – А как звали мужа Джозефины?

– Видишь ли, – ответил Уоррен после паузы, – я не помню. Мне сказали, что он тоже умер.

– Вот как?

– В любом случае я его ни разу не видел. Помню только Томаса и Джозефину.

Значит, убитая горем, она похитила Дэниела и выдала его за собственного сына? Но почему?

– Уоррен, вы знаете, где похоронен Томас?

– Почему ты спрашиваешь об этом?

– Просто из любопытства. Мне нравится бродить по кладбищам.

– Его могила на кладбище Брайант-Парк. Там похоронены все

Кенсингтоны. Оно находится на холме рядом с университетом.

Я почувствовала острую боль в сердце.

– Я знаю это кладбище, – пробормотала я. – Там похоронили нашего малыша...

– Милая ты моя! Ну какой же я бесчувственный. Конечно, я об этом помню. Я...

– Все в порядке, – сказала я. Но это было не так. Я не была на кладбище с того самого дня, когда мы с Этаном похоронили нашего первенца в крошечном гробу из красного дерева. Наш мальчик был самым молодым и самым последним из Кенсингтонов, похороненных на семейном участке, где покоились десятки членов семьи. Гленда уже отдала распоряжение по поводу того, чтобы рядом с могилой младенца оставили место для наших с Этаном захоронений. Мне многое не нравилось в моей свекрови, но я всегда буду ценить то, что она все устроила так, чтобы однажды мы все соединились.

– Единственное, что я помню о похоронах Томаса, – это огромная куча земли и маленький гроб, – продолжал Уоррен. – Гроб был отделан золотом. Я никак не мог понять, зачем такую красивую вещь опускают в землю. Отцу пришлось держать Джозефину. Она едва не бросилась в могилу Томаса. Шестилетнему мальчику было страшно все это видеть.

Я вздохнула.

– Значит, вам было шесть, а ему сколько?

– Он был немного моложе меня, – помолчав, ответил Уоррен.

Я услышала шум на другом конце провода и голос медсестры.

– Спасибо, Уоррен. Не буду вас больше задерживать. Я вас скоро навещу.

– Конечно, дорогая. Приезжай, когда захочешь.

* * *

Ключи от «БМВ» Этана лежали на кухонном столе. Я всего пару раз водила его машину, предпочитая такси автомобилю с механической коробкой передач. Смена скоростей на холмистых улицах Сиэтла пугала меня, особенно после того, когда однажды я не справилась с управлением. Я поклялась больше никогда не садиться за руль «БМВ». Это была вотчина Этана, не моя. Таков был молчаливый уговор после несчастного случая. Как и во многом другом за последний год, незримая черта отделила его мир от моего. Но ключи поблескивали в утреннем свете. Куда легче было

доехать до кладбища на машине, чем на такси или с пересадками на автобусах. Я ненавидела автобусы, поэтому взяла ключи и бросила их в сумку.

На лифте я спустилась в подземный паркинг. Положив сумку на пассажирское сиденье, я села в машину и втянула носом воздух. В машине пахло Этаном, его одеколоном, его кожей и – я подобрала кусочек картошки-фри с приборной доски – его тайной страстью к фастфуду. Я улыбнулась про себя и отправила картофелину в пластиковый пакет для мусора на заднем сиденье.

Завизжали шины, и я выехала из гаража на улицу. Я чувствовала себя вполне уверенно. Включила радио, и из динамиков полилась песня «With or Without You» группы «U2». Я почти не заметила высокие холмы, пока добиралась до скоростного шоссе. Я прибавила громкость, музыка успокаивала меня. В то утро, когда хоронили младенца, мне дали валиум. Из-за лекарства я была заторможенной, сонной, но эмоции как будто отключились. Меня как будто завернули в большое пушистое одеяло, теплое и прочное. И все-таки я жалела о том, что приняла таблетку. Я должна была чувствовать свое горе. Мне нужно было поплакать. Зато теперь, въезжая на машине в ворота кладбища, я делала все совершенно осознанно, чувствовала каждый удар своего сердца, каждое воспоминание, каждое сожаление.

Я осторожно вышла из машины, заперла ее, нажав кнопку на брелке сигнализации, и посмотрела вверх на поросший травой холм. Детьми мы с моим младшим братом часто играли на кладбище возле дома. Отец предупредил нас, чтобы мы не подходили слишком близко к надгробиям. «Ходить по мертвым – это неуважение», – сказал он тогда. После этого я всегда следила за тем, чтобы ходить по кладбищам аккуратно. Но однажды мой брат спрятался за надгробием и выскочил оттуда с криком: «Бу!» Я так испугалась, что отшатнулась назад и наступила на землю возле камня, под которым покоилась маленькая девочка, умершая в 1940-х годах. Я чувствовала себя ужасно. Папа говорил потом, что ничего страшного не произошло, что я не потревожила могилу малышки, но я проплакала всю дорогу до дома. Я так расстроилась, что не могла ехать на велосипеде, и папе пришлось катить его, придерживая за руль.

Солнце мягко касалось моих волос. Я была благодарна за его тепло после снежной бури, обрушившейся на город недель раньше. Интересно, как выглядело кладбище, когда на всех надгробиях лежал снег, похожий на глазурь на торте?

Я посмотрела вперед и увидела в отдалении знакомую иву. Малыша

похоронили под ней. Ветер сорвал лепестки с магнолии по соседству и бросил их мне в лицо. Я отмахнулась, вздрогнула и повернула назад, к машине. Я не обязана идти туда сейчас. Я могу просто повернуться и уйти. И тут я вспомнила о Вере. Я была здесь ради нее. Я смогу быть сильной ради нее. Я сделал шаг, потом еще один, петляя между могилами, пока не дошла до ивы, возвышающейся над семейным участком Кенсингтонов.

Надгробие малыша словно магнитом притянуло мой взгляд. Этан выбрал его с помощью своих родителей. Оно было простым. Без имени, минимум деталей. Так захотела я. Этан не мог понять, почему я не хочу узнать пол малыша. Он обвинял меня в эмоциональной холодности, говорил, что я заледенела. Может быть, так оно и было. Но зато это оцепенение позволяло мне не поддаваться горю. Если я не знаю, значит, я не обязана чувствовать. Психолог в больнице сказал нам, что, хотя похороны не являются необходимостью, они все же позволят нам закончить эту главу нашей жизни. Он рассказал, что пара, недавно потерявшая близнецов, захоронила их прах под двумя сливами, которые они посадили на заднем дворе. Еще одна пара похоронила свою умершую новорожденную дочь под розовым деревом в саду. Этан настоял на том, что нашего ребенка нужно похоронить, как полагается, на кладбище, но я считала, что это только усугубит боль. У меня началась истерика, и медсестре пришлось вколоть мне успокоительное.

Я опустилась на колени возле могилы, провела рукой по краю надгробия, сняла кусочек мха. Достала из сумки упаковку бумажных носовых платков и одним из них стерла пыль с сияющего гранита. **МЛАДЕНЕЦ КЕНСИНГТОН.** Это было написано в первой строке. **РОЖДЕН 3 МАЯ 2010 ГОДА. В ОБЪЯТИЯХ ИИСУСА ЧЕРЕЗ 13 МИНУТ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ.**

Я не стала вытирать слезы со щек. На меня никто не смотрел. Я могла позволить себе горевать.

– Мамочка так по тебе скучает, – прошептала я, когда ветер зашелестел в ветвях ивы. Мне очень хотелось взять на руки своего малыша, почувствовать нежность его щеки у моей груди. Я помнила, как мои груди набухли от молока, они пульсировали от боли, когда я вернулась домой из больницы. Как это жестоко, подумала я тогда, у меня есть молоко для ребенка, которого у меня отняли. Я посмотрела на надгробие. Каждая моя частичка тосковала по малышу. Из глаз хлынули слезы.

Вздрогнув от шороха, я оглянулась и увидела пожилого мужчину в рабочем комбинезоне с пятнами грязи на коленях. Он держал грабли и стоял чуть выше на холме. Давно ли он наблюдает за мной?

Он прислонил грабли к дереву и подошел ближе. Я хотела попросить его уйти, оставить меня одну, но что-то в его лице – добром, дружелюбном – не позволило мне этого сделать.

– Это ваш ребенок, мисс? – спросил он, указывая на надгробие.

Я кивнула.

– Меня зовут Мерфи, Джеймс Мерфи, – представился он, снимая с морщинистой руки рабочую перчатку. – Я ухаживаю за кладбищем.

Он пожал мне руку.

– Я – Клэр Олдридж, – ответила я, не сводя глаз с надгробия.

– Должно быть, этот ребенок особенный, – Мерфи опустил на колени рядом со мной.

Я не ответила. Вероятно, он всем это говорит.

– Я слежу здесь за порядком более сорока лет, – продолжал он. – Никогда не видел, чтобы тут росла ежевика, во всяком случае, при мне такого не было. Слишком тяжелая земля. Но, посмотрите, – он указал на светло-зеленый побег, выглядывавший из-за надгробия. Сморщенные листочки покрывали колючий стебель с единственным белым цветком с такими нежными лепестками, что они напоминали кружево.

Я протянула руку, чтобы коснуться ростка, но тут же ее отдернула, почувствовав болезненный укол. Из моего пальца закапала кровь.

– Ой! – воскликнула я.

– Осторожно, эти колючки очень острые.

Я сунула палец в рот, чтобы остановить кровь.

– Мы, служители кладбища, верим в легенду о ежевике, – сказал Мерфи. – Вы ее знаете?

Я покачала головой.

– Ежевика выбирает души, чтобы защищать их, особенные души.

Я обратила внимание на то, как листья ежевики лежат на надгробии, как будто обнимая его.

– Даже удивительно, что снежная буря не погубила этот побег. – Мужчина указательным пальцем нежно коснулся белого цветка. – Особенный побег, – снова повторил он, поднимаясь и отряхивая колени. – Что ж, я, пожалуй, пойду... Я просто подумал, что вы захотите узнать о ежевике.

– Спасибо, – поблагодарила я, глядя на него с большей благодарностью, чем могла выразить словами.

Я долго сидела у могилы, думая о ребенке, которого мне не суждено было увидеть и узнать, о том, что мне не пришлось пережить. Первые шаги, первые слова, детский сад, школа, качели и рисунки мелом на

асфальте, летний лагерь. Я встала и прислонилась к стволу ивы. Я пришла сюда, чтобы найти Дэниела, а не тонуть еще глубже в моем горе. Я пришла ради Веры. Я глубоко вдохнула и пошла между могилами Кенсингтонов, большинство из которых были украшены мраморными надгробиями и вазонами. Надгробия для богатых людей. Руби Кенсингтон. Илайес Кенсингтон. Мэрили Кенсингтон. Где же Дэниел? Элеанора Уолш Кенсингтон. Луи Кенсингтон III. Мой взгляд уперся в маленькое надгробие. Детская лошадка-качалка была выгравирована в его верхней части. Мое сердце забилося быстрее, когда я читала надпись. **ТОМАС КЕНСИНГТОН, СЫН ДЖОЗЕФИНЫ КЕНСИНГТОН, РОДИЛСЯ 21 АПРЕЛЯ 1930 ГОДА, УМЕР 9 ИЮНЯ 1936 ГОДА.** Я переписала это в блокнот.

Даты подходили идеально. Джозефина, должно быть, похитила его, когда ему было три, и через несколько лет мальчик умер. Вот он, маленький Дэниел – как говорит Уоррен, они называли его Томасом, – спит вечным сном под моими ногами. Я покачала головой. Нет, ему не будет покоя без своей матери.

* * *

Я отправилась напрямик в офис, припарковала машину недалеко от здания «Геральд», пролетела мимо кутивших сотрудниц из отдела продаж, даже не поздоровавшись с ними, и быстро прошла к своему столу. Я открыла файл с черновиками очерка и, сверяясь с записями в своем блокноте, начала писать. Ева. Кафе «Лаванто». Семья Кенсингтон. Вырезки из старых газет. Показания мистера Иванова в суде. Надпись на надгробии соединила все это в единое целое. Я писала даже во время ленча, хотя обычно уже к полудню бывала голодна как волк. В два часа дня я откинулась на спинку кресла и посмотрела на законченный черновик очерка на экране. Написала последнее предложение, затем вернулась к самому началу. Курсор замигал на заголовке. «Ежевичная зима: майская снежная буря раскрывает тайну мальчика, пропавшего в 1933 году». Под заголовком я уверенно напечатала: «Клэр Олдридж». Не помню, когда я в последний год так гордилась бы своей работой.

Я распечатала текст, получилось пять страниц. Хотя Фрэнк снял меня с этого задания, он наверняка захочет взглянуть на то, что получилось. Но сначала я зашла в офис к Эбби. Она отвлеклась от монитора и повернулась ко мне. Я положила распечатанные страницы ей на стол, потом села в гостевое кресло и дала подруге возможность погрузиться в текст. Эбби

периодически поднимала на меня глаза, она выглядела шокированной, потом снова возвращалась к тексту и продолжала читать.

– Вот это да! – Эбби вернула мне бумаги.

– Ну как?

– Это невероятно. Ведь в этом очерке ты обвиняешь всю семью твоего мужа... Ты это понимаешь?

Я пожала плечами.

– Такова правда.

Эбби засомневалась.

– Правда или нет, но ты же знаешь, что Кенсингтоны никогда не позволят тебе это напечатать.

– Им придется это сделать, – ответила я. – Об этом нужно рассказать.

– Согласна, – Эбби задумалась. – Кстати, что насчет Веры? Ты нашла ее могилу?

Я вздохнула.

– Нет. – Я снова посмотрела на страницы, которые держала в руке. – История кажется незаконченной без этой информации, по крайней мере, для меня.

Моя подруга нахмурилась.

– Что, по-твоему, обо всем этом подумают Кенсингтоны?

– Меня больше не интересует, что они думают. – Я посмотрела в окно, выходящее на улицу, где по тротуару молодая мать вела за руку своего маленького мальчика. На нем был желтый плащ и ботиночки в тон. Я снова посмотрела на Эбби. – Пришло время миру узнать о том, что случилось с Дэниелом Рэем.

Эбби пристально посмотрела на меня.

– Я горжусь тобой, дорогая. Ты прошла долгий путь.

– Спасибо, – поблагодарила я и вышла.

Фрэнк разговаривал по телефону, поэтому я просто положила текст перед ним на стол и прошептала:

– Я знаю, что ты зарубил тему, но черновик перед тобой. Я должна была его закончить.

Улыбка босса демонстрировала его прощение.

Когда я вернулась к себе, мигающий красный огонек на телефоне сообщил, что меня ждет голосовое сообщение. Я набрала пароль и прислушалась: «Клэр, это Ева. Простите, я была на прогулке, когда вы звонили. Странно оставлять сообщение на автоответчике, но я все-таки это сделаю, чтобы не задерживать ваше расследование. Вы спрашивали, где похоронена Вера. Ее могила находится на маленьком кладбище на Первом

холме, в северной части города. Девятое захоронение слева, рядом с проволочной оградой. Раньше я чаще там бывала, но теперь в силу возраста я давно не навещала могилу. Я рада, что вы сможете побывать там, дорогая».

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Взяв пиджак и сумку, я направилась к выходу, где едва не налетела на Фрэнка.

– Вот это, – произнес он, жестом приглашая меня вернуться к столу и сесть, – настоящий шедевр.

Я осторожно улыбнулась.

– Ты действительно так думаешь?

– Да. Это твоё лучшее расследование. И стиль... – Фрэнк покачал головой, как будто любуясь прекрасной картиной, – просто прекрасный. – Он с удивлением посмотрел на меня. – Клэр, ты вернулась.

– Спасибо. Но все эти сведения о Кенсингтонах...

Фрэнк поднял руку.

– Это очерк. Его нужно напечатать. Не волнуйся, я все улажу с редакционной коллегией.

– Ладно. – Я снова встала.

Фрэнк поднял брови.

– Куда это ты собралась?

– Иду ещё по одному следу, – ответила я. – Сегодня вечером пришлю тебе готовый очерк по электронной почте.

– Буду ждать с нетерпением, – просиял Фрэнк, провожая меня.

Во второй половине дня я остановила машину у входа на кладбище на Первом холме. Ничего похожего на идеально ухоженное кладбище Брайант-Парк. Этот погост, окруженный ржавой проволочной оградой, был совершенно заброшенным. Вокруг надгробий, многие из которых были испорчены граффити, росли сорняки. Из предосторожности я заперла «БМВ» и вошла в ворота, возле которых высились мощные кедровые деревья, отбрасывавшие на землю темные тени.

Как сказала Ева? Девятая могила слева. Я двинулась в глубь кладбища, по пути считая надгробия. Никаких украшений, никакого мрамора, простые камни. Кладбище для бедных. Я дошла до девятой могилы и присела на корточки, пытаюсь прочесть надпись, но она заросла мхом. Ключом от машины я соскоблила мох. ВЕРА РЭЙ. 1910–1933. И больше ничего.

Я покачала головой. Ни единого слова о том, что она была возлюбленной, матерью, дорогой подругой, сестрой, дочерью... Только имя и годы рождения и смерти. Что происходит с этим миром? Здесь такая значительная фамилия, как Кенсингтон, превращает вас в человека

особенного, а фамилия как Рэй делает вас человеком ничтожным, о котором вполне можно забыть. Я пристально посмотрела на могилу Веры. Я не позволю им забыть о тебе, Вера.

И тут я с волнением заметила колючую ветку ежевики, обвивающую скромное надгробие. На фоне бархатных зеленых листьев сияли белые цветы. Я вспомнила о том, что мне говорил мистер Мерфи. Ежевика выбирает особенные души и защищает их. Разумеется, она выбрала Веру. Под моими ногами задрожала земля, когда за ветхой оградой по улице на полной скорости промчалась машина.

* * *

На обратном пути в редакцию я думала об Этане. Совершенно очевидно, что ему не понравилась тема моего расследования, но как только он прочитает очерк, он поймет, насколько важна эта история. Это мне подсказывало сердце. Мне не терпелось показать ему черновик. Гленда, несомненно, будет не в восторге, но для меня это не имело значения. А вот мнение Уоррена много для меня значило. У него слабое сердце. Выдержит ли он, узнав мрачные секреты своей семьи? Или они причинят ему слишком много боли? Но, в конце концов, он же не знал, что его двоюродный брат не только был похищен, но и приходился ему сводным братом.

Когда я вернулась в офис, Фрэнк уже ждал меня и грыз карандаш.

Я бросила сумку на пол.

– Что случилось?

– Очерк зарубили.

– Кто? Почему?

Он разочарованно покачал головой.

– Я ничего не смог сделать. Тебе придется поговорить об этом со своим мужем.

Мои щеки пылали, пока я торопливо шла мимо кабинетов в офис Этана. Он предупреждал меня, что тема ему не по душе, но я не верила, что он и в самом деле зарубит мой очерк.

Когда я вошла, Этан стоял спиной к двери. Я закрыла за собой дверь.

– Как ты мог? – воскликнула я.

Он повернулся ко мне, в руках у него был черновик моего очерка.

– Это хорошая история, Клэр. В самом деле, браво.

– Ты не можешь запретить публикацию. Не можешь!

– Могу. – Его глаза казались далекими, пустыми. Не знаю, что больше всего меня волновало в этот момент, «смерть» очерка или конец нашего брака.

Я села в кресло перед его столом и с шумом выдохнула.

– Послушай, – сказал Этан, усаживаясь на стул, – это решение принял не я.

Я подняла глаза.

– Не ты?

– Нет. Это сделал Уоррен.

– Что?

– Да, – продолжал Этан. – Он знал, что ты работаешь над этой статьей, и просил меня прислать ему черновик по факсу, когда ты закончишь.

– Я не понимаю. Он ничего мне об этом не говорил. Откуда он...

Муж пожал плечами.

– Уоррен прочитал очерк.

Я поджала губы.

– И, насколько я понимаю, статья ему не понравилась.

Этан кивнул.

– Боюсь, тебе придется самой поговорить с ним. Мой дед – все еще почетный главный редактор.

– Поговорю, – пообещала я, вставая.

– Уоррен вернулся домой из больницы, он еще слаб, но поправляется довольно быстро.

Я кивнула и тут заметила чемодан, стоявший возле стола Этана. Его куртка лежала на дорожной сумке. Очевидно, он собирался куда-то уезжать.

Я озадаченно на него посмотрела.

– Куда ты едешь?

– Ах, это. – Муж встретился со мной взглядом. – Я подумал, что мне стоит пожить некоторое время на острове... Пока мы во всем не разберемся. Мне показалось, что разлука... пойдет нам на пользу. – Он искал в моих глазах одобрения. – За последний год нам через многое пришлось пройти, – продолжал Этан. – Стоит пожить отдельно. За это время мы оба можем понять, что делать дальше.

– Да, – быстро согласилась я. – Разумеется.

К глазам подступили слезы. Я обошла вокруг стола и поцеловала его в щеку. Я знала, что должна немедленно уйти, иначе я рисковала расплакаться прямо в кабинете Этана. Мне не хотелось умолять его остаться. Я хотела, чтобы муж сам захотел этого.

– Что ж, – произнесла я, ощущая комок в горле, – я полагаю, что это... наше прощание.

Я не посмотрела на Этана и не стала слушать его слов, я просто направилась к двери. Я должна была уйти. Мне было душно в этих четырех стенах, воздух как будто сгустился. За дверью я зажмурилась и вспомнила о маленькой парусной шлюпке, которую подарила мне бабушка, когда я была ребенком. Воспоминание, поначалу смутное, стало ясным и настолько отчетливым, что я как будто почувствовала брызги соленой воды на своем лице. Я с радостью играла с этой шлюпкой каждое лето в теплых лужах на пляже, пока однажды в июле я не набралась храбрости пустить лодку в океан. Эту идею подсказала мне детская книжка 1950-х годов, которую я нашла в шкафу в гостевой спальне. Она называлась «Скаффи-Буксир»^[9]. Я опустила свою игрушечную лодку в воду и слегка подтолкнула ее. Налетевшая волна тут же подхватила ее своими щупальцами и унесла в океан. У меня разрывалось сердце, когда я смотрела ей вслед. Потом я часто приходила на берег и искала лодку, ругая себя. Я сама оттолкнула ее, и теперь я точно так же оттолкнула своего мужа.

Я выскочила на улицу и подняла глаза только тогда, когда услышала визг тормозов. В нескольких сантиметрах от меня сигналил разгневанный водитель.

– Смотри, куда идешь! – рявкнул сидевший за рулем мужчина. – Я едва тебя не раздавил!

Я кивнула и безразлично двинулась дальше. Перешла улицу и дошла до стоянки, где меня ждал «БМВ» Этана. Я несколько минут смотрела на сверкающий автомобиль, стараясь сдержать слезы. Машина переливалась под лучами весеннего солнца, такая осязаемая и такая печальная. Символ нашего неудавшегося брака. Я вернулась на тротуар и остановила такси.

* * *

Уоррен жил в старом многоэтажном доме в центре города. Много лет назад они с женой купили в нем пентхаус. Это было величественное место, по крайней мере, когда-то оно было таким. Терраса на крыше над гостиной стала моим любимым местом в Сиэтле. В теплые ночи мы с Этаном присоединялись к Уоррену, чтобы выпить там вина, считали звезды над головой и наслаждались панорамой города, которую могли видеть только птицы. Но теперь на эту террасу никто не выходил. Уоррену было трудно преодолеть винтовую лестницу – болели суставы, а Этан полностью

погрузился в дела, ему было не до звездного неба. В последний раз я выходила на террасу весной и теперь обнаружила, что она превратилась в вотчину голубиной семьи, гадившей где только можно.

После Рождества Уоррен отказался от услуг экономки. «Мне плевать, что на моем кофейном столике пыль!» – заявил он Гленде, ежемесячно навещавшей его. От ее взгляда не скрылись стопки журналов и книг, грязные подоконники. Уоррен, кажется, был единственным из Кенсингтонов, которого не слишком заботили условности, и я всегда любила его за это. И все же стоило признать, что в последнее время он очень изменился. Я думала, что это случилось из-за болезни, но, возможно, существовала и какая-то иная причина. Я глубоко вдохнула и позвонила в домофон.

– Да?

– Уоррен, это я, Клэр.

– Поднимайся.

Пока лифт вез меня до двадцать третьего этажа, я представляла, что скажет Уоррен, когда мы встретимся. Наверняка заведет речь о том, что статью нельзя напечатать, поскольку она бросит тень на семью. Моя история обвиняет Джозефину, да упокоит Господь ее душу. Он заставит меня пообещать, что я никому не скажу ни слова.

Я постучала в дверь.

– Входи, – раздался голос Уоррена из глубины квартиры. – Дверь открыта.

Я вошла и увидела Уоррена, который сидел за столом и жевал сэндвич.

– Я ждал тебя, – сказал он и вытер салфеткой каплю горчицы в уголке рта. – Ты великолепный репортер, Клэр. – Старик указал на лежавшие перед ним бумаги.

Я подошла ближе и рассмотрела заголовок. Это был мой очерк.

– Ты оказалась профессиональнее частных детективов, которых я нанял.

В квартире стояла мертвая тишина, которую нарушало лишь тиканье часов на стене.

Уоррен сцепил пальцы.

– Подумать только: профессионалы, прошедшие военную подготовку, не смогли найти в доме Шарпа архив, а ты смогла. – Он удивленно покачал головой. – Вот это мастерство.

Мое сердце заколотилось. Боже мой! Он знал о том, что в дом Лилиан кто-то проник. Хуже того, это он был заказчиком этого преступления.

Я покачала головой.

– Уоррен, я не понимаю.

– Иди сюда и сядь. – Он указал на стул рядом с собой. – Много лет я пытался разгадать эту тайну, – продолжал старик. – У меня ушло много времени на то, чтобы выяснить, что случилось с Верой Рэй. Материалы дела таинственным образом сгорели при пожаре в полицейском участке. Очень удачно получилось, тебе не кажется? Тогда я...

У меня затряслись руки. *О чем он говорит? Что все это значит?*

– Уоррен, я все-таки не понимаю.

Его улыбка успокоила меня.

– Сначала я думал, что занимаюсь расследованием для того, чтобы обезопасить свою семью, навсегда спрятать неприглядную правду. Но оказалось, что дело не только в этом. Эта история касается лично меня.

Я прикрыла рот рукой, в моей голове бурлил целый водоворот мыслей.

– Уоррен, вы хотите мне сказать, что вы считаете себя...

Он кивнул.

– Да. Я зарубил твою статью, потому что у нее должен быть другой конец. Томас Кенсингтон не был Дэниелом. – Его улыбка сказала мне все. – Дэниел – это я. И я хотел сам сказать тебе об этом.

Я ахнула.

– Как вы это выяснили? Вы были совсем маленьким, когда...

– Да, разумеется, я с трудом вспоминаю прошлое, – согласился Уоррен. – Мне было только три года, когда меня забрали.

Забрали.

Я покачала головой, осознавая сказанное стариком. *Я смотрю на Дэниела Рэя. Он все время был рядом со мной.*

– Но даже малыш может многое чувствовать, – продолжал Уоррен. – Мама смотрела на меня совсем иначе, как-то по-особенному.

– Вы говорите об Элейн?

– Да. Сначала я думал, что она просто больше любит мою сестру. Но когда я стал старше, я начал задумываться о том, не кроется ли за этим что-то еще. Однажды ночью после вечеринки, когда отец с матерью слишком много выпили, я слышал, как они ссорились в гостиной. Мама произнесла имя *Вера*. Она сказала, что это она виновата в том, что я плохо учусь в школе. По ее мнению, все дело было в «ее слабых генах». Разумеется, я не знал, о чем она говорит или кто такая Вера. Я не думал об этом до тех пор, пока в 1980-х годах с тетей Джозефиной не случился удар. Семья собралась у ее постели в больнице. Отец не общался со своей сестрой более пятидесяти лет. Он отказывался говорить с ней после ссоры, которая произошла, когда я был ребенком. Когда мы все пришли, она была в

истерике, все пыталась сказать мне, как ей жаль, что она разрушила мою жизнь, когда забрала меня еще ребенком, разлучила с Верой. Мать и отец сказали, что это говорит ее болезнь, что она не в себе, но я понимал, что это не так. Ее слова были правдой, и когда я начал копаться в моем прошлом, я узнал, что меня старательно защищали от чего-то ужасного. Я выяснил, что мой отец и Вера очень любили друг друга, но Вера была бедной, и семья не одобрила выбор отца. Но сильнее всего это задевало сестру отца, Джозефину. Много лет назад мать Веры была у нее няней, тетя Джози не любила эту женщину и перенесла свою нелюбовь на ее дочь. Ей ненавистна была сама мысль о том, что меня, Кенсингтона, будет воспитывать простая женщина. Поэтому она взяла дело в свои руки.

– Ваш отец, Чарльз, знал об этом?

– Насколько мне известно, он узнал правду от Джозефины уже после смерти Веры. В этом-то и трагедия, – произнес Уоррен. – Подозреваю, что Джозефина, зная его порядочность, боялась того, что он вернет меня матери. Поэтому она дождалась смерти Веры и только тогда во всем призналась.

Я вздрогнула.

– И что же сказал ваш отец, когда вы оказались на пороге его дома?

– Джозефина разыграла все как по нотам, – продолжал старик. – Из ее бормотания в больнице много лет спустя я понял, что она не сказала отцу, кто я на самом деле. У отца было доброе сердце. Он всегда занимался благотворительностью. Джозефина сообщила, что меня нужно пристроить в хороший дом, и отец без промедлений согласился. Вскоре после смерти Томаса Джозефина призналась моему отцу в совершенном преступлении. Возможно, собственная страшная утрата заставила ее осознать, чего она лишила Веру. Она утверждала, что делала это исключительно ради моего благополучия, уверяла, что мальчика, в чьих жилах течет кровь Кенсингтонов, нельзя растить в бедности. После этого отец перестал разговаривать с Джозефиной.

– Значит, они с вашей мачехой вас усыновили и все годы хранили тайну?

– Да, – подтвердил Уоррен. – Никто никогда не говорил о прошлом. Все тщательно скрывалось, пока правда сама не вышла наружу. Тайное всегда становится явным. Но иногда на это уходит целая жизнь.

– Вера, ваша мать, утонула в ту ночь в озере, – сказала я. – Думаете, это дело рук Джозефины?

Уоррен вздохнул.

– Полагаю, она могла иметь отношение к этой смерти. Вполне

вероятно, что она сама усадила Веру в лодку с пробоиной, зная, что моя мать не сумеет выбраться оттуда.

Мое сердце сжалось.

– Я все же не понимаю, почему полиция не стала расследовать это дело и почему следствие так быстро обвинило Иванова в убийстве Веры.

– Именно поэтому мне хотелось заполучить архивы адвоката, – объяснил Уоррен. – Я подозреваю, что Джозефина и другие члены семьи имели отношение к тому пожару в участке. В любом случае у моей семьи были хорошие связи. Если Джозефине или кому-то другому нужно было получить от полиции некую услугу, они ее получали. А Иванов был легкой добычей. Арестовав его, они отвлекли внимание от семьи и от того, что случилось на самом деле, – Уоррен посмотрел на черновик очерка на столе. – Я бы и сам не смог написать лучше.

– Когда вы все это поняли, почему не обратились в полицию? Почему вы ничего не предприняли?

– А что я мог сделать? Донести на собственную семью в полицию? Чтобы они арестовали умирающую старуху?

Его можно было понять.

– Нет, – продолжал Уоррен, – все, что случилось, осталось в прошлом. Что бы я ни сделал, я уже не мог вернуть свою мать.

– Вы правы.

Он помолчал, словно пытаясь что-то вспомнить.

– В прошлом году я просматривал бумаги отца и наткнулся на grossбух, в котором бухгалтер вел записи о его финансах. Я нашел там кое-что интересное.

– Что?

– Ты знаешь приют для женщин на Первой авеню?

Я кивнула.

– «Дом надежды», так ведь он называется? Я писала об этом в прошлом году. Замечательное место. Они принимают бездомных матерей и беременных женщин.

Уоррен посмотрел в окно, за которым сияло небо Сиэтла.

– Его основал мой отец, – проговорил он.

Я улыбнулась.

– Чарльз.

В глазах Уоррена засветилась гордость.

– Мама никогда не могла понять, почему отец тратит столько времени на благотворительность. Думаю, бедняки пугали ее, но не моего отца, это точно.

– Он основал «Дом надежды» в память о Вере. О, Уоррен, вы истинный сын своего отца. Теперь я знаю, в кого у вас такое большое сердце, такое сострадание к людям.

– Мне только жаль, что мы с ним об этом так и не поговорили, – вздохнул старик.

Я указала на статью в его руках.

– Теперь, когда вы знаете всю историю, вам стало спокойнее?

– В каком-то смысле да. Но кое-чего все-таки не хватает. И я надеюсь, что ты мне поможешь.

Я кивнула.

– Конечно.

– Мой старый дом, – с тоской произнес Уоррен. – Квартира, в которой я жил с Верой, ты ведь бывала там, верно?

– Да.

– Этот фрагмент головоломки я не смог отыскать. Забавно, я помню какие-то мельчайшие детали, например, как фонарь мигал за окном, как звякали тазы, в которых стирали белье женщины. Но я не могу вспомнить, где находилась эта квартира. Раньше я даже ходил вечерами по улицам в надежде вспомнить адрес. Я думал, что какая-нибудь витрина или старое здание покажутся мне знакомыми, но все эти годы мне не удавалось найти ничего похожего, – Уоррен с тоской в глазах посмотрел на меня. – Ты можешь отвести меня туда, Клэр?

– Я сделаю это с огромной радостью. Вам удобно завтра, после полудня?

Старик на мгновение закрыл глаза, потом открыл их: в них светилась радость.

– Спасибо тебе, дорогая.

Я нагнулась и поцеловала его в щеку.

– Удивительно, но теперь мне хочется назвать вас Дэниелом. Должно быть, вам странно сейчас слышать это имя.

– Нет, – ответил он. – Это имя всегда жило в моем сердце.

Глава 20

На следующее утро, проснувшись, я села в постели и сладко потянулась. Да, Этан уехал, и отношения наши совсем разладились, но я старалась об этом не думать. Поставив миску с овсянкой быстрого приготовления в микроволновку, я посмотрела в окно на паром, пересекавший бухту. Нам с Этаном раньше нравилось сидеть и смотреть на паромы, снующие по воде туда-сюда. Мы даже придумали для них имена: Эдгар. Дункан. Мод. Я улыбнулась, вспомнив тот день, когда Этан назвал один из паромов Горацием.

Из кухни донесся телефонный звонок, и я подбежала, чтобы ответить.

– Алло?

– Клэр, это Ева.

– Здравствуйте. Рада вас слышать. – Мне не терпелось рассказать ей об Уоррене.

– Я тут подумала, может быть, вы смогли бы заехать ко мне сегодня, – сказала Ева. – Мне кое-что пришло в голову и... Нет, не буду, давайте поговорим об этом при встрече. Вы сегодня свободны?

– Да, – ответила я, размышляя о наших с Уорреном совместных планах на вторую половину дня. Мы могли бы сначала заехать к Еве, и я бы представила друг другу старых друзей, ставших теперь стариками. – Вас устроит в полдень?

– Вполне.

– Кстати, Ева, вместе со мной приедет один мой друг. Мне бы хотелось, чтобы вы встретились.

– Замечательно, – обрадовалась она. – Надеюсь, это будет приятная встреча.

* * *

Я доела овсянку, потом собрала волосы в «конский хвост». Натянула шорты и футболку и посмотрелась в большое зеркало, которое висело в спальне. Да-а, мои ноги были уже не те, что прежде. Когда-то сильные и мускулистые, теперь они выглядели дряблыми и рыхлыми. Я больше не была бегуньей. Смогу ли я снова ею стать?

Я повернулась к гардеробу. Без одежды Этана он казался пустым. Я

отвернулась, и тут мое внимание привлекло что-то голубое на нижней полке для обуви. Мои кроссовки для бега! Они скромно стояли на своем месте, но больше не приводили меня в ужас, как раньше. Теперь они просто ждали меня, терпеливо, спокойно. Я подошла ближе, взяла их в руки, села на кровать и медленно сунула в них ноги. Ощущение мне понравилось: комфортно и удобно. Я зашнуровала кроссовки, завязала шнурки двойным узлом. Мое сердце забилось быстрее, когда я выпила глоток воды, положила в карман мобильный телефон и ключи. Этот ритуал я прежде проделывала сотни раз перед тем, как отправиться на пробежку.

Джин не сказал мне ни слова, когда я вышла из лифта и проследовала через вестибюль. В эту минуту мне было не до разговоров. Мысленно я возвращалась к прошлому, на сердце лежала тяжесть. Год назад я в последний раз выходила на пробежку. Этот год изменил мою жизнь. Джин вежливо придержал для меня дверь, и я вышла на улицу. За минувшие годы я пробежала много миль. Но эта пробежка, пусть даже длиной всего в три квартала, казалась мне забегом моей жизни. Так оно и было.

Сначала я шла пешком. Шаг одной ногой, шаг другой ногой. Когда-то крепкие и мощные, теперь ноги казались мне палочками от мороженого. Я огорчилась. Нет, у меня ничего не получится. Трещина на тротуаре всколыхнула во мне страшные воспоминания, я вспомнила, как на меня летела машина. Тогда моя нога попала в трещину. Удар, потом что-то лопнуло в моем животе. Шаг одной ногой, шаг другой ногой. Я осторожно прибавила скорость. Дыши. Солнце, будто одобряя, теплыми лучами согревало мое лицо. Из кафе неподалеку на меня посмотрела какая-то женщина и улыбнулась. Дыши. Над моей головой, устроившись на проводах, щебетали птицы. Теперь я уже бежала по-настоящему, трусцой.

Я миновала кварталы недалеко от дома, потом решила добежать до кафе «Лаванто». Я не собиралась заходить, просто не могла после того, что сказал мне Доминик той ночью. Но мне очень хотелось пробежать мимо того дома, возле которого ребенком играл Уоррен. Вспотевшая, запыхавшаяся, я добралась до вершины холма и согнулась пополам от боли в боку. Я вцепилась руками в бок, сделала несколько глубоких вдохов, потом посмотрела на кафе, до которого оставался еще квартал. Перед зданием выстроилось ограждение из оранжевых конусов. Мужчины в строительных касках с бумагами в руках толпились у входа, указывая на здание. Желтая лента огораживала здание, запрещая проход в кафе. Не могли же они уже приступить к сносу? Я вытащила из кармана мобильный и набрала номер Доминика, но после третьего гудка включился автоответчик.

– Доминик, – громко начала я, стараясь перекрыть грохот огромного грузовика, паркующегося возле кафе. – Ты сказал, что продаешь кафе, но я не ожидала, что это произойдет так скоро. Я...

Не зная, что еще сказать, я нажала на кнопку отбоя, подошла ближе к желтой ленте и помахала рукой мужчине в желтой каске.

– Извините, можно вас на минутку! – выкрикнула я.

Он подошел ко мне с недовольным видом.

– Что здесь происходит? – спросила я.

– Это здание подлежит сносу, – объяснил он. – Не сегодня, разумеется. Мы просто готовимся.

– Нет! – воскликнула я. – Этого не может быть!

Мужчина пожал плечами.

– Но это так. – Он показал мне документы, которые держал в руке. Это были изображения нового кондоминиума. Нижний этаж занимало кафе «Старбакс». – Мы быстро получили разрешение. Босс хочет, чтобы новое здание было построено раньше, чем вон тот дом через дорогу.

Я покачала головой.

– Трудно поверить, – продолжал мой собеседник, – что такой старый дом так долго здесь простоял. – Он бросил взгляд на вывеску в окне. – Просто лачуга.

– Эта лачуга, – сказала я, – совершенно особенное место. Именно здесь...

Мужчина что-то крикнул рабочему, стоявшему в отдалении, и ушел.

– Жили Вера и Дэниел, – продолжала я, хотя меня уже никто не слушал. – Вы не можете снести этот дом. Не можете!

Я еще немного постояла, наблюдая за тем, как строительная бригада занимается своим делом. Рабочие напоминали термитов, намеревающихся разделаться с гнилой деревяшкой. Мне хотелось встать перед зданием, раскинуть в стороны руки и защитить этот дом. Поступить так, как поступают защитники природы, приковывающие себя цепью к деревьям. Мне становилось не по себе при мысли обо всех воспоминаниях, обо всех тайнах, которые пылью разлетятся во все стороны, когда массивный шар разнесет эти стены. Мне ненавистна была мысль о том, что я, возможно, упустила нечто важное. Но самое главное другое: надо было успеть показать Уоррену этот дом.

Я заставила себя повернуться и уйти. Свернув за угол, я сразу перешла с шага на бег. Дыхание участилось, а мысли снова вернулись к Этану. Воспоминания заставили меня бежать быстрее, сердце забило еще чаще. Прежде чем я это осознала, я уже миновала площадь Пасифик и бежала

вверх по Брод-стрит, где высоко в небо поднималась башня Спейс Нидл. И только тут я все поняла. Не прощения Этана я ищу, я пытаюсь простить саму себя.

В кармане зазвонил мобильный, и я замедлила бег. На экране высветился номер Этана, и сначала я решила не отвечать. Пусть ответит автоответчик. Мне нужно было отпустить Этана. Но телефон зазвонил еще раз, а потом еще. Я сунула руку в карман и вытащила его. Мы потеряли нашего ребенка. Мы стали другими. Мы через многое прошли. Мы пережили большое горе. Но это не означало, что мы должны потерять друг друга!

Я нажала на зеленую кнопку.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – ответил Этан. – Я хочу вернуться домой... Если, конечно, ты мне позволишь.

– Но ты говорил...

– Клэр, дело не в том, что я говорил. Я не знаю, как наладить наши отношения. Единственное, в чем я уверен, так это в том, что хочу быть рядом с тобой.

– О, Этан! – воскликнула я. – Я тоже этого хочу.

– Я вернусь на ближайшем пароме.

* * *

Я пробежала еще милю, потом перешла на шаг, до дома оставался всего квартал. Сердце гулко стучало. Я улыбалась. Я достала мобильный из кармана и набрала номер фирмы «Ювелиры бухты Эллиотт».

– Здравствуйте, это Клэр Олдридж. Некоторое время назад я приобрела часы для мужа и теперь наконец решила, какую надпись следует на них сделать.

– Записываю, – ответила женщина, – диктуйте.

– Вы можете просто написать «Сонет 43»?

– И все? – спросила сотрудница. – Ничего больше?

– Нет. Это все, что я хочу сказать.

Я закончила разговор как раз в тот момент, когда подошла к подъезду. По лицу тек пот. Джин открыл передо мной дверь.

– Вы вернулись, – с гордой улыбкой произнес он.

– Я вернулась, – подтвердила я, входя в лифт. На этот раз эти слова наконец-то были правдой.

Я лежала на диване. Когда Этан вошел в квартиру, я подняла голову. Он бросил сумку возле двери, она перевернулась, на ковер вывалилась папка, но муж даже не собирался ее поднимать.

– Клэр, я очень сожалею о том, что вел себя недостойно, – с осторожной улыбкой произнес он.

– Я тоже, – негромко ответила я.

Он подошел ко мне и опустился на колени, мы посмотрели друг на друга.

– Ты снова начала бегать, – тихонько прошептал он.

– Да. Наконец-то.

Я провела пальцами по его волосам. На висках появилась седина, она напомнила мне о том, что именно рядом с этим мужчиной я хотела состариться.

– Произошла забавная вещь, – начал рассказывать Этан. – На пароме, который направлялся к острову, я увидел пару с маленьким мальчиком, – он вытер со щеки слезу. – Он был примерно одного возраста с нашим сыном, если бы тот выжил. Год. Малыш только начал ходить.

Я обняла Этана за шею и заплакала.

– Наш сын?

Он кивнул.

– Да, у нас был сын.

– Ох, Этан! – Мое сердце пронзила резкая боль.

– Он был красивым мальчиком, – продолжал сквозь слезы Этан. – У него был твой нос. Мне нравится твой нос.

Я уткнулась лицом ему в грудь, и он начал нежно поглаживать мою спину.

– Я начал размышлять о том, какой будет моя жизнь без тебя, Клэр. Дорогая, я не хочу так жить.

– Я тоже этого не хочу, – отозвалась я, ощущая комок в горле.

– Что сказал семейный психолог? Когда пара теряет ребенка, то вероятность развода повышается вдвое?

Я кивнула.

– Что-то в этом роде.

– Давай опровергнем эту статистику, – Этан обнял меня, – давай начнем все сначала.

Я снова кивнула.

– Дэниел, – еле слышно произнесла я.
Этан обескураженно посмотрел на меня.
– Дэниел?
– Да, – с улыбкой ответила я. – Наш малыш. Я хочу назвать его Дэниел.
– Да, – голос Этана дрожал от волнения. – Дэниел. Отличное имя для нашего первого сына.
Я улыбнулась.
– Ты говоришь так, словно у нас будет еще один сын.
– Я был бы этому очень рад. Если ты готова...
– Я постараюсь, – ответила я и потерлась щекой о щеку мужа.
– Мне жаль, что я не был рядом с тобой в последнее время, – прошептал Этан. – Ты сможешь простить меня?
Наши пальцы переплелись.
– А сможешь ли ты когда-нибудь простить *меня*?
– Я уже простил, – Этан посмотрел в окно на залив и снова взглянул на меня. – Слушай, давай забудем сегодня о работе и пойдем куда-нибудь прямо сейчас, отпразднуем начало нашей новой жизни.
Я бросила взгляд на часы.
– Не могу. У меня уже назначено свидание.
Этан посмотрел на меня с недоумением.
– С твоим дедом, – хмыкнула я и прижалась лицом к его груди, вдыхая аромат свежей белой сорочки. У меня оборвалось сердце, когда я вспомнила о грядущем сносе кафе. Уже поздно остановить эту катастрофу, но еще можно зайти туда в последний раз. Возможно, этого будет достаточно для Уоррена.
– Я была бы рада, если бы и ты был с нами. – Я подняла глаза на Этана. – Для Уоррена это очень важно. – Я помолчала. – И для меня тоже.
Ключи от машины звякнули, когда муж достал их из кармана. Этот звук стал для меня олицетворением движения вперед – вместе с моим мужем.
– Я вас отвезу, куда скажешь, – сказал Этан.

* * *

Этан припарковал машину перед домом Евы, и Уоррен недоуменно посмотрел на меня.
– Но я думал, что мы едем...

Я посмотрела на часы, ощущая каждую уходящую минуту. Даже если кафе сегодня не снесут, само понимание, что это вот-вот произойдет, заставляло меня нервничать. Уоррен обязательно должен был увидеть свой родной дом в последний раз. Но я пообещала Еве заехать.

– Сначала сделаем небольшую остановку, – предупредила я. – Всего на минуту. Я хочу, чтобы вы кое с кем встретились.

Я пошла вперед, Этан и Уоррен последовали за мной. Подойдя к двери квартиры, я постучала.

– Клэр! – радостно воскликнула Ева, приглашая нас войти. – И ты привела своих друзей! Ну-ка, посмотрим. Это, должно быть, твой муж? – Она повернулась к Этану.

– Да, мэм, – он обнял меня за талию. Мне понравилось тепло его прикосновения.

– Ева, – спокойно произнесла я, – это Уоррен Кенсингтон, но вы знаете его под другим именем.

Она посмотрела на меня, потом на Уоррена и начала вглядываться в его лицо.

– Ева, – прошептал Уоррен, в его глазах мелькнуло удивление, когда он протянул ей руку. – Как радостно снова видеть тебя. Возможно, ты помнишь меня как Дэниела, Дэниела Рэя.

– Боже мой, – ахнула она. – Это не сон? – Ева села в кресло у окна. – Настоящее чудо, – продолжала она, повернувшись ко мне. – Как же так получилось?..

– Он мой дед, – сказал Этан.

Ева с изумлением посмотрела на меня, потом на Уоррена.

Старик кивнул.

– И Клэр, как отличный репортер, разобралась в этой истории.

Ева была потрясена.

– То есть все это время ты был жив?

Уоррен сел рядом с ней и улыбнулся.

– Ну, поскольку этот старый механизм пока еще тикает, полагаю, что да.

Ева коснулась руки Уоррена.

– Не могу поверить, что ты сидишь здесь. Твоя мать так тосковала по тебе...

– Могу только себе представить, – отозвался Уоррен.

– Ты что-нибудь помнишь, Дэниел?

– Совсем немного. Хотя иногда мне кажется, что я хорошо помню свое детство. Когда я закрываю глаза, то вижу ее лицо.

Ева улыбнулась.

– Лицо Веры?

– Да, – тихо ответил Уоррен.

Я опустилась на колени возле кресла Уоррена.

– Я нашла ее могилу, – сказала я.

Уоррен выглядел очень взволнованным.

– Неужели?

– Ева мне подсказала.

– Господи, я так долго ее искал, я...

– Если хотите, мы сможем съездить на кладбище сегодня, после того, как побываем в вашем старом доме.

– Да-да, конечно, – Уоррен решил поменять положение ног и случайно столкнул журнал с кофейного столика. Я потянулась, чтобы поднять его, и мой браслет соскользнул на запястье. Сапфиры заискрились в лучах полуденного солнца, льющих в окна.

Ева выпрямилась в кресле.

– Клэр, этот браслет, – заговорила она. – Именно о нем я и хотела тебе рассказать. Я заметила его на твоей руке, когда ты навещала меня в прошлый раз. Могу я спросить, откуда он у тебя?

Я повернулась к Этану, который спокойно ждал возле двери, прислонившись к косяку.

– Мне его подарил муж, – с гордостью произнесла я.

– Позволь мне взглянуть на него, – попросила Ева.

Я протянула ей руку, и она долго изучала золотую цепочку.

– Да, – сказала Ева.

– Что такое?

– Это браслет Веры. Тот самый, что подарил ей Чарльз, когда ухаживал за ней.

– Этого не может быть! – воскликнула я.

– Она права, – уверенно поддержал Еву Уоррен. – Отец отдал мне этот браслет, когда я был молодым человеком. Он попросил меня подарить его женщине, которая станет для меня особенной, поскольку в прошлом браслет принадлежал той, кого он любил. Я подарил браслет моей жене, а после ее смерти передал его Этану, чтобы он подарил эту цепочку с сапфирами тебе.

Я изумленно посмотрела на него.

– Все это время я носила браслет Веры!

Этан опустился на колени рядом со мной, и я крепко сжала его руку.

– Теперь я понимаю, – заговорила я, вспоминая свое расследование. –

Существует отчет судмедэксперта. – Я повернулась лицом к Уоррену. – Ваш отец забрал в полиции личные вещи Веры. Вероятно, это случилось после того, как Джозефина сказала ему правду о вас, и Чарльз узнал, что Вера погибла, разыскивая своего сына.

Я коснулась браслета, и это прикосновение подарило мне новые ощущения. Он был на руке Веры в ее последнюю ночь и теперь, спустя почти восемьдесят лет, оказался на моей руке.

– Моя покойная жена всегда любила это украшение, – произнес Уоррен. – Если бы она только знала его историю! Когда мы снова встретимся с ней, – он посмотрел на небо и подмигнул, – мне будет что ей рассказать.

– Когда-нибудь так и случится, – вздохнула Ева.

Я встала.

– Уверена, что у вас много воспоминаний, но Уоррена ждет еще одна встреча. Так что если вы готовы...

– Да, – Уоррен встал, – я готов.

Ева проводила нас до порога.

– У меня нет слов, я была так рада видеть тебя, – обратилась она к Уоррену. – У меня такое ощущение, что мамина душа сможет теперь успокоиться.

– Тетя Кэролайн? – уточнил Уоррен, словно извлекая давно похороненное воспоминание.

– Да, это моя мать. Перед смертью она говорила мне о том, что нужно найти тебя.

– Надеюсь, теперь она смотрит на нас с небес и улыбается, – сказал Уоррен.

– Я в этом уверена, – ответила Ева, – она там вместе с Верой.

* * *

Пока Этан вез нас к кафе «Лаванто», мое сердце трепетало от волнения. Он остановил машину в парковочной зоне у основания холма неподалеку от кафе.

– Судя по всему, на улице парковки нет, – сказал он, глядя вперед. – Я высажу вас здесь.

Я отстегнула ремень безопасности и нагнулась к Уоррену, сидевшему на переднем пассажирском сиденье.

– Вполне вероятно, это последняя возможность посмотреть на старое

здание, – предупредила я. – Его собираются сносить.

– Какой позор, – он попытался рассмотреть, что происходит впереди. – Почему?

– Хотят построить кондоминиум, – объяснила я.

– Разве в городе их недостаточно?

Я пожала плечами.

– Судя по всему, у Сиэтла ненасытные аппетиты, если речь идет о кондоминиумах и сети «Старбакс», – я посмотрела на кафе. – Это действительно позор. Владелец – хороший человек. Он продает кафе, чтобы помочь матери. Она давно больна и не в состоянии оплачивать лечение.

Я не знала, слушает ли меня Уоррен или нет. Он не отводил взгляда от улицы.

– Ты пойдешь с нами? – спросила я Этана, прежде чем выйти на тротуар. Солнце било в ветровое стекло, и зеленые глаза моего мужа сверкали.

Он посмотрел сначала на своего деда, потом на меня.

– Иди, Клэр, – улыбнулся он. – Заканчивай свою историю.

– Спасибо, – шепнула я.

– Я заеду за вами через полчаса, – пообещал Этан, и в его глазах светилась любовь, которой мне так не хватало. – Как думаешь, вам хватит времени?

Я кивнула и сжала руку Уоррена. Мы с ним направились по тротуару, неторопливо, осторожно приближаясь к кафе.

– Вы готовы?

Старик кивнул, и мы медленно начали преодолевать ступени подъема, часто останавливаясь, чтобы Уоррен мог отдышаться. Строительная площадка была неподходящим местом для старика, которого недавно выписали из больницы, и на какое-то мгновение я почувствовала себя виноватой в том, что привела сюда Уоррена. Но потом я вспомнила, что это было его желание.

– Клэр! – услышала я и заметила Доминика, который торопился нам навстречу. – Я так рад, что ты пришла. Я все утро пытался до тебя дозвониться, но твой телефон, должно быть, выключен.

Я достала мобильный из сумки и увидела, что случайно выключила звонок.

– Я тебя ни в чем не виню, – произнесла я.

Он сжимал в руке конверт из крафтовой бумаги.

– Сегодня я подписываю бумаги, – извиняющимся тоном объяснил

он. – Через пару дней они начнут снос, – Доминик потер лоб. – Клэр, я ужасно себя чувствую из-за того, что мне пришлось пойти на это, но у меня нет другой возможности позаботиться о своей матери.

Я подняла руку.

– Прошу тебя, не извиняйся. Я все понимаю.

– Правда?

– Да. Но мне бы хотелось, чтобы нашелся другой выход. Ужасно, если этот старый дом разрушат.

– Мои брат с сестрой предложили свою помощь маме, – продолжал Доминик. – Мы открыли счет на имя матери, надеясь, что община нас поддержит. Но собранных денег все равно не хватило.

Уоррен стоял рядом со мной, вполуха слушая наш разговор и не сводя глаз с двери кафе. Дверная рама красно-коричневого цвета давно требовала покраски, особенно верхний правый край, где из-под облупившейся краски проглядывало дерево. Интересно, какого цвета она была в 1930-х годах?

В эту минуту на улицу въехал еще один грузовик. Доминик с пониманием посмотрел на меня и кивком указал на кафе.

– Все в порядке, – шепнул он. – Я попрошу их не заходить внутрь, пока вы там будете. Не торопитесь.

Я с удивлением посмотрела на Доминика.

– Как ты узнал, что это?..

Он улыбнулся.

– Дэниел, ведь так?

Я кивнула.

– Я знал, что ты его найдешь. – На лице Доминика засияла широкая улыбка.

Мы сделали еще шаг вперед, и Уоррен посмотрел на меня, ища поддержки.

– Я так долго ждал этого момента, – произнес он, глядя на дверь. Потом старик повернулся ко мне. Его взгляд затуманился.

Я беспокоилась из-за его сердца, физическая и эмоциональная нагрузка была приличной. Но Уоррену это было необходимо. Его жизнь напоминала трагический роман, в котором не хватало заключительной главы, не доставало красивого финала.

– Спасибо, Клэр, – тихо произнес он.

Доминик придержал для нас дверь, и мы вошли внутрь. Старую кофемашину сдвинули с привычного места за барной стойкой. О ней напоминали старые кофейные пятна. Столы и стулья придвинули к боковой стене, их вот-вот должны были вынести. Красивый камин у дальней стены

выглядел одиноко. Я глубоко вдохнула. Теперь-то я знала, что этими прекрасными изразцами его украсил каменщик Иванов. Их уничтожат, как и все остальное.

– Уоррен? – окликнула я.

Он не ответил.

Я дотронулась до его руки.

– Уоррен, с вами все в порядке?

– Я помню, – ответил он, будто застыв и глядя вокруг широко открытыми глазами. – Этот вестибюль. Тут всегда были мужчины. Пьяные мужчины. Мама обычно старалась провести меня через толпу поскорее, и мы быстро бежали мимо пьяниц, потом вверх по лестнице.

Он сделал несколько медленных шагов по направлению к задней части кафе.

– Можно? – спросил он, поворачиваясь к Доминику.

– Конечно. Прошу вас, – ответил тот, но сам остался в зале.

Следом за Уорреном я прошла через дверь в заднюю комнату и потом вверх по лестнице. Ступени скрипели под нашими ногами, и я предложила Уоррену руку, чтобы поддержать его, но он отказался от моей помощи.

Старик остановился на маленькой площадке и провел рукой по перилам.

– Все эти годы я мечтал оказаться здесь снова. – Он замолчал, сунул руку в карман плаща, достал носовой платок и промокнул глаза. – И вот я здесь... Все точно так, как я помню.

Я коснулась его руки.

– Вы помните ее? Веру?

Он кивнул.

– Помню. Хотя, думаю, это не столько память, сколько... *ощущение*, – Уоррен закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Инстинкт. Сердце всегда помнит мать.

Я смахнула слезы, глядя, как он входит в бывшую гостиную, внимательно разглядывает стену возле лестницы, ведущей в его бывшую спальню. Старик подошел ближе, действуя по памяти, нагнулся, провел рукой по обшивке.

Я тоже подошла к стене.

– Что вы ищете?

Уоррен отошел назад и вздохнул.

– Так, пустяки, – сказал он. – Мне казалось, я что-то помню, но...

– Наверное, непросто снова оказаться здесь.

Его глаза блестели от слез.

– То, что моя мать потеряла меня, должно было ее убить. Моя жизнь точно была бы разрушена, если бы мы с женой потеряли одного из наших детей. Так что мама никогда не стала бы прежней.

– Она очень вас любила, если продолжала поиски вплоть до своей смерти, – заметила я.

Уоррен кивнул и начал спускаться вниз по ступеням. Я пошла за ним, держа руку наготове возле его локтя, чтобы вовремя поддержать старика.

– Теперь я отвезу вас домой. Вы наверняка устали.

Но Уоррен как будто меня не слышал. Он посмотрел направо, потом налево, как будто что-то почувствовал.

– Уоррен, – встревожилась я, – вы в порядке?

Он вернулся обратно к лестнице, снова поднялся наверх, вошел в комнату и остановился перед коробками, стоявшими у стены под лестницей на третий этаж. Я не отставала от него ни на шаг. Опустившись на одно колено, Уоррен отодвинул в сторону коробки, обнажив рейки и штукатурку. Я смотрела во все глаза, как Уоррен проводит рукой по впадинам на стене, как будто повинуюсь велению инстинкта. Через несколько секунд раздался скрип, и Уоррен распахнул крохотную дверцу. Тайник. Мое сердце заколотилось.

Старик сунул руку в отверстие в стене. Я встала на колени рядом с ним и наблюдала, как он достает перо птицы, покрытое слоем пыли. Старик покрутил его между пальцами, улыбнулся и положил на деревянный пол. Рядом с ним он положил камешек абрикосового цвета, монетку в один пенс, три белые ракушки и потрепанный туз червей.

– Я нашел ее внизу, у лестницы, – сказал Уоррен, рассматривая игральную карту. – Мама разрешила мне сохранить эту находку.

Мама.

Он снова сунул руку в углубление в стене и на этот раз вытащил конверт. Уоррен дрожащей рукой протянул его мне. На конверте едва различалась выцветшая надпись: «Дэниелу». Старик повернулся ко мне.

– Клэр, прочти, пожалуйста.

Я кивнула, открыла пожелтевший конверт, достала сложенный листок, развернула его и, сначала взглянув на Уоррена, начала читать:

– *«Мой самый дорогой и любимый Дэниел!*

Мир перестал для меня существовать в тот день, когда исчез ты, мой любимый сынок. Тот, кто забрал тебя, украл и мое сердце, и мою жизнь. Я жила только для того, чтобы видеть твою улыбку, слышать твой смех, делить твою радость.

Без тебя мир стал другим, не таким прекрасным. Я знаю, что ты где-то рядом. Я чувствую это сердцем. Я верю, что ты вернешься сюда и заглянешь в наш с тобой тайник. А когда ты это сделаешь, я хочу, чтобы ты узнал, как сильно я люблю тебя, пусть даже меня не будет рядом, чтобы сказать тебе об этом.

Настанет день, и мы с тобой встретимся, дитя мое. Когда-нибудь я снова спою тебе песенку и обниму тебя. А пока я буду всегда любить тебя и думать о тебе.

Твоя любящая мама Вера».

Передо мной снова был маленький Дэниел. Я видела его таким, каким видела его когда-то Вера. Мягкие пухлые щеки вместо морщин. Белокурые локоны вместо седых прядей. Яркие голубые глаза, не потускневшие с возрастом.

Уоррен взглянул на меня.

– Это кафе, – медленно спросил он, – его собираются снести?

– Мне очень жаль, Уоррен. Доминик его продает. Он вынужден это сделать...

– Сколько ему предложили?

– Простите?

– Какую сумму ему предложил застройщик, который хочет купить кафе?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Доминик не сказал.

– Я ее удвою.

Я расплылась в улыбке.

– Правда, Уоррен? Вы действительно это сделаете?

Он тоже улыбнулся.

– Я же не могу позволить им уничтожить дом моего детства, верно? И разве молодой человек не говорил, что его семье нужны деньги? Пусть старые деньги Кенсингтонов пойдут на благое дело. – Он оглядел маленькую комнату. – Да, этот замечательный молодой человек сможет оставить все как есть. Я ничего не стану менять. – Глаза старика затуманились. – Кроме одного.

– И что же это?

– Название. Кафе будет называться «У Веры».

– О, Уоррен! – воскликнула я, крепко обнимая его. – Она бы так вами гордилась!

Я в последний раз взглянула на письмо Веры, и мое внимание привлекли несколько строк в самом низу страницы. Постскрипtum. Я его почему-то не заметила.

– Подождите, – торопливо проговорила я. – Я кое-что пропустила.

P.S. Дэниел, не забудь Макса. Я нашла его в снегу. Он по тебе скучал.

Я удивленно посмотрела на Уоррена.

– Макс?

Уоррен был изумлен не меньше моего. Он снова сунул руку в тайник, на этот раз чуть глубже. Спустя мгновение он вытащил плюшевого мишку, потрепанного, с потертым бантом из голубого бархата.

– Макс, – произнес Уоррен, поправляя пыльный бант. – Я уронил его в ту ночь, когда она пришла за мной, – его подбородок задрожал. – Она не позволила мне вернуться за ним.

– Джозефина?

– Да. Я все время думал о том, как ему холодно в снегу. Было ужасно холодно.

Я положила руку ему на плечо.

– Ваша мать нашла его и сохранила для вас. Она знала, что вы вернетесь домой.

Уоррен поднялся на ноги, обнял мишку, прижался лицом к его мордочке, просунул палец под ветхую ленту, как, должно быть, делал в детстве. Это была всего лишь ткань и набивка, грубо сшитая игрушка. Но для Уоррена этот плюшевый мишка был дороже всего его состояния.

– Я подожду вас на улице, – шепнула я, давая ему возможность побыть одному. Я чувствовала, что старику это необходимо. – Мы сможем уехать, когда вы будете готовы.

Он кивнул, и я спустилась вниз, в кафе. Доминик стоял с засунутыми в карманы руками и застенчиво смотрел на меня.

– Мне так жаль, что...

– Пожалуйста, не извиняйся, – остановила его я. – Все произошло так, как должно было произойти. Кстати, когда Уоррен придет в себя, он был бы рад кое-что с тобой обсудить.

– В самом деле? – удивился Доминик.

Я улыбнулась и направилась к двери. Доминик с сожалением смотрел мне вслед.

– Прощай, Доминик, – сказала я, распахивая дверь и выходя на улицу. Скоро подъедет Этан. Мы начинаем новую – лучшую – главу нашей жизни, и от этого предчувствия сердце мое замирало. Сквозь ветви деревьев пробивалось солнце, и я заметила зарянку, замершую возле моих ног.

Отважная, не испугавшаяся моего присутствия птичка смотрела на меня, склонив головку набок. Я не сразу увидела ее гнездо в нескольких шагах от меня, упавшее на тротуар и превратившееся в кучку веточек и кусочков мха. Из единственного голубого яйца с треснувшей скорлупой вытек желток.

Бедняжка. Она потеряла свое дитя, как когда-то Вера потеряла своего сына и – я глубоко вздохнула – как я потеряла ребенка. Это несправедливо. Это трагедия. Но такова жизнь.

Птица приблизилась к гнезду, попыталась потянуть за веточку, потом отлетела в сторону. Я почти ощутила тот момент, когда она поняла, что ее усилия тщетны, ту минуту, когда она *отпустила* то, что связывало ее с прошлой жизнью. Зарянка взлетела, села на ветку вишни, словно для того, чтобы запомнить это место навсегда и сказать последнее «прощай».

Я почувствовала тянущую боль в животе, старую, привычную боль. Я обхватила руками свой живот, который выносил и потерял ребенка. *Прощай, мой Дэниел.*

– Я всегда буду любить тебя, – прошептала я.

Налетел ветер и раскачал ветви тополя, с которых сорвались и полетели во все стороны пушистые семена. Совсем как снег. Я поймала одну пушинку и улыбнулась, глядя в небо. А зарянка, захлопав крыльями, взлетела, сделала круг и умчалась прочь.

Слова благодарности

От всей души благодарю своего дорогого литературного агента Элизабет Вид за ее постоянную поддержку, руководство и доброту. Элизабет, работать с тобой – это и удовольствие, и привилегия. Большая благодарность и двойной кофе-латте Стефани Сан, благодаря которой мои истории всегда становятся значительнее. (Подождите, пусть будет тройной кофе-латте!) Огромная благодарность Дженни Мейер за то, что она поделилась моими книгами с читателями во многих странах – от Германии до Италии, от Испании до Турции, и не только (вау!) – и Дане Боровиц из UTA [\[10\]](#) за то, что она так мастерски представляет мои книги в мире кино.

Благодарю своих друзей в Plume [\[11\]](#) и удивительного редактора Дениз Рой, которая сразу с большим энтузиазмом отнеслась к этой истории, от заглавия до персонажей, прочитала черновик поздно ночью и сразу же мне ответила. Одним словом, вы удивительная, и я обожаю с вами работать. Спасибо вам, Фил Бадник, Ким Сарридж, Милена Браун, Лиз Кинан, Эшли Паттисон, невероятный отдел продаж из Plume и многие, многие другие из Penguin, кто делает все для продвижения моих романов. Я очень благодарна вам за поддержку и партнерство.

Этот роман никогда не был бы написан, если бы я не услышала по радио завораживающую песню «Ежевичная зима» в исполнении талантливой певицы и пианистки Хилари Коул (эта история подробно описана в главе «От автора»). И я бы никогда не услышала эту песню, если бы не фантастическая радиостанция Sirius Satellite Radio, слушая которую я всегда испытываю непреодолимое желание написать роман о Фрэнке Синатре.

Я благодарю своих друзей, которые меня подбадривали, особенно матерей. Крепко обнимаю вас, Салли Фархат Кассаб, Камилла Ноэ Паган, очаровательных девушек из PEPS [\[12\]](#) и многих других. Я также хочу упомянуть двух друзей, которые в последние годы испытали боль от горя и потерь. Обе они вдохновляли меня, как женщины и как матери: Лиза Бах, твоя сила и запас жизненных сил удивляют и вдохновляют меня; Венди Парьера, от тебя я так много узнала о вере и надежде, когда, казалось бы, впереди только мрак.

Я благодарю моих родителей. И причин для этого очень много. Но я особенно благодарна своей матери, Карен Митчелл, за ее ежевичные

пирог и за то, что она умеет делать жизнь прекрасной и для детей, и для внуков. Я благодарна отцу, Терри Митчеллу, за преданность детям, за наши совместные пробежки, за все долгие прогулки по кладбищу, благодаря которым детское любопытство превратилось в литературное вдохновение. Я благодарна своим братьям Джошу и Джосае, и сестре Джессике, моей самой дорогой подруге, которая вдохновляет меня в материнстве и в жизни. Я люблю вас всех.

Я бесконечно благодарна моему мужу Джейсону за то, что он поддерживает меня, поощряет мое творчество и умеет вместе со мной праздновать все маленькие и большие события в жизни. Джейсон, мне нравится это путешествие с тобой. Мои любимые сыновья – Карсон, Расселл и Колби – эта книга для вас.

И, наконец, я благодарю вас, мои дорогие читатели. Спасибо вам за то, что вы позволяете моим историям войти в вашу жизнь, за то, что читаете их, рассказываете о них своим друзьям и родственникам. У меня еще много историй – некоторые я уже пишу, другие только-только проклевываются – и я не могу дождаться, когда вы их прочитаете.

От автора

Однажды утром, когда я ехала в машине вместе с мужем и нашими маленькими сыновьями, я услышала по радио интригующую песню. Я никогда раньше ее не слышала, но мелодия меня сразу заворожала, как и удивительный голос певицы. Я повернулась к мужу, который был за рулем. «Какая красивая песня! – воскликнула я. – Ты ее знаешь?» Он покачал головой. Я посмотрела на приемник и прочитала надпись на экране: «Ежевичная зима», Хилари Коул». Название заставило мое сердце затрепетать. Я всю жизнь живу на Северо-Западе, и ежевика для меня много значит. Меня охватывает ностальгия, когда я думаю о летних послеобеденных семейных прогулках. Все мы разбредались по лесу и собирали в миски ежевику. Мы с сестрой большую часть съедали, но остальное предназначалось для знаменитых маминых пирогов. Лето не было летом без испачканных ежевикой пальцев.

В тот день, в машине, я достала мобильный и послала самой себе электронное письмо с названием песни и именем автора. Мне хотелось почитать стихи Хилари Коул и, главное, узнать происхождение названия песни, которая так мне понравилась. Что такое ежевичная зима? Позже, дома, я села за письменный стол и провела небольшое расследование. Я узнала, что ежевичная зима – это устаревший сленг; раньше так называли холода, которые порой случаются поздней весной. В то время, когда ежевика зацветает нежными белыми цветами, иногда погода резко меняется: опускается температура, а иногда даже выпадает снег.

Слова «ежевичная зима» не выходили у меня из головы, и в тот же вечер я начала набрасывать план этого романа. История пришла ко мне быстро, я будто увидела ее: Вера и Дэниел, маленькая квартирka, в которой они жили в 1930-х годах; его любимый плюшевый мишка, лежащий в холодном снегу; Клэр и ее по-репортерски пытливый ум; ребенок, которого она потеряла, ее глубокая боль и горе; снег, который падает на цветущие вишни.

Следующие долгие месяцы я жила и дышала «Ежевичной зимой». В центре этой истории, с моей точки зрения, были эмоции материнства. Я начала писать роман, когда была беременна третьим сыном, и я остро переживала боль Веры и Клэр, их страшные испытания. Я много думала о том, что бы я чувствовала и что бы делала, если бы потеряла ребенка. Потом события приобрели неожиданный оборот. Вскоре после того, как я

закончила книгу, одна из моих самых любимых подруг, Венди Парьера, потеряла своего двухлетнего сына. Он погиб от редкой формы рака мозга. У меня разрывалось сердце, когда она прощалась со своим драгоценным мальчиком. Я плакала вместе с ней по телефону, когда она держала его на руках в последние часы его жизни. Но я видела и ее силу, и свет в ее глазах, благодаря которому я поняла, насколько она была благодарна судьбе за то, что ей довелось быть матерью этого чудесного ребенка и что она не сомневается в том, что когда-нибудь она снова увидит его – там, на небесах. Венди всегда напоминает мне о том, что материнство, каким бы кратким оно ни было, это дар свыше, как и сама жизнь.

Хотя испытания, выпавшие на долю моих персонажей, очень серьезны, а их судьбы трагичны, как и у моей дорогой подруги, мне хочется думать, что они все-таки обретут покой, гармонию и найдут свою правду, кружась в порывах поздней метели и прячась за оберегающими их шипами ежевики.

Спасибо вам за то, что вы читаете. Я надеюсь, что этот роман тронет ваше сердце так же, как он тронул мое.

---

notes

Примечания

Имеется в виду Диана, принцесса Уэльская, первая жена принца Уэльского Чарльза, наследника британского престола. По данным опроса, проведенного в 2002 году вещательной компанией Би-би-си, Диана заняла третье место в списке ста величайших британцев в истории. *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)*

Считается, что в отдельные годы, когда численность леммингов резко возрастает, зверьки следуют друг за другом или за одним из леммингов – «проводником» к пропасти или берегу воды, где и гибнут.

Разновидность пасты, по форме напоминают толстые спагетти. (*Прим. перев.*)

Джиттербаг – популярный в 1930—1950-е гг. танец, характеризующийся быстрыми, резкими движениями, похожий на буги-вуги и рок-н-ролл.

Речь идет о кинофильме режиссера Фрэнка Капры, снятом в 1946 году по рассказу Филипа Ван Дорен Стерна «Величайший подарок». Главные роли исполняют Джимми Стюарт и Донна Рид.

«Звёздная пыль» – популярная американская мелодия, написанная в 1927 г. композитором Хоуги Кармайклом. В 1929 г. поэт-песенник Майкл Пэриш написал к ней слова. Эта песня о любви стала американским хитом и считается одной из наиболее записываемых песен XX столетия.

Рок-группа из Дублина (Ирландия). Сформированная в 1976 году, U2 начиная с середины 1980-х является одной из самых популярных и успешных групп в мире.

Элизабет Барретт Браунинг (Моултон) (1806–1861) – известная английская поэтесса Викторианской эпохи.

Автор – американская детская писательница Гертруда Крамптон (1909–1996).

United Talent Agency (*англ.*) – первое всемирное агентство по авторским правам в области искусства и литературы. Офисы агентства располагаются в Калифорнии и Нью-Йорке.

Американское издательство, основанное в 1970 г., в настоящее время – подразделение издательского холдинга «Penguin Group».

Program for Early Parent Support (*англ.*) – Программа по поддержке раннего родительства, существует в США с 1983 г.